

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 1 (105)*

Вологда • 2020

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., профессор (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., профессор (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йозенсу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., профессор (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьяна Т.П., д. э. н., профессор (Кольский научный центр Российской академии наук, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., профессор (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Леонидова Г.В., Басова Е.А.

Неравенство возможностей: фактор «родительской базы»
(на материалах социологического опроса населения СЗФО) 7

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Захарова Ж.А.

Мотивы осуществления предпринимательской деятельности в регионах
с недостаточным потенциалом саморазвития 22

Губанова Е.С., Москвина О.С.

Методические основы оценки инвестиционного
потенциала муниципальных образований 37

Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М.

К вопросу об активизации потребительского и инвестиционного
внутреннего спроса 52

Кожевников С.А.

Проблемы развития проектного управления
в публичном секторе в ракурсе достижения
национальных целей 64

Заостровских Е.А.

Угольные порты Ванино и Восточный и их влияние на экономику региона 78

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Леонов С.Н.

Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации 93

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Недосека Е.В.

Локальная идентичность населения моногорода
(на примере г. Сокола) 109

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Альжанова Ф.Г., Нурланова Н.К., Днишев Ф.М.

Оценка уровня и приоритетные направления
модернизации регионов Казахстана 124

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики:

ноябрь 2019 года 142

Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2019 году..... 152

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

С заседаний ученого совета 162

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН..... 163

Правила для авторов 166

Информация о подписке..... 169

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Leonidova G.V., Basova E.A.

Inequality of Opportunities: the Factor of “Parents’ Base” (Case Study of a Sociological Survey of the Population of the Northwestern Federal District).....	7
--	---

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Zakharova Zh.A.

The Motives for Entrepreneurial Activity in the Regions Lacking Self-Development Potential	22
--	----

Gubanova E.S., Moskvina O.S.

Methodical Bases of Assessment of Municipal Structures’ Investment Potential	37
--	----

Leonidova E.G., Rummyantsev N.M.

Revisiting the Increasing Consumer and Investment Domestic Demand.....	52
--	----

Kozhevnikov S.A.

Problems of Project Management Development in the Public Sector in the Perspective of Achieving National Goals	64
--	----

Zaostrovskikh E.A.

The Coal Ports of Vanino and Vostochny and Their Influence on the Region’s Economy	78
--	----

TERRITORIAL FINANCE

Leonov S.N.

Problems of Budgetary Sphere of the Far Eastern Constituent Entities of the Federation	93
--	----

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Nedoseka E.V.

Local Identity of Single-Industry Towns’ Population (Case Study of the Town of Sokol)	109
---	-----

FOREIGN EXPERIENCE OF REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Al’zhanova F.G., Nurlanova N.K., Dnishev F.M.

Assessment of Level and Priority Guidelines of Kazakhstan Regions’ Modernization	124
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy: November 2019	142
Monitoring of the social well-being of Vologda Oblast residents in 2019.....	152

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

From the Academic Council Sessions	162
New VolRC RAS issues	163

Guidelines for the authors	166
----------------------------------	-----

Subscription information	169
--------------------------------	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.1

УДК 316.344.3 | ББК 60.5

Леонидова Г.В., Басова Е.А.

НЕРАВЕНСТВО ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ФАКТОР «РОДИТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ» (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА НАСЕЛЕНИЯ СЗФО)

ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БАСОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: elbas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2817-5454

Высокая практическая необходимость решения проблем сглаживания чрезмерной социальной дифференциации и претворения в жизнь конституционного положения о социальном государстве обуславливает повышенное внимание научного сообщества к теме социального неравенства, одной из сторон которого является бедность значительной части населения страны. О важности результативной работы в этом направлении говорил Президент РФ в январском (2020 г.) Послании Федеральному Собранию РФ, отмечая, что показателем такой работы должно стать «реальное снижение бедности» в России. Однако, принимая во внимание сам процесс расслоения общества на бедных и богатых, важно понять его особенности и факторы, изначально влияющие на формирование явлений дифференциации. Особенно интересным в связи с этим представляется анализ неравенства возможностей, возникающего в результате унаследованного от родителей социального и культурного капитала, а именно значимости образова-

Для цитирования: Леонидова Г.В., Басова Е.А. Неравенство возможностей: фактор «родительской базы» (на материалах социологического опроса населения СЗФО) // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.1

For citation: Leonidova G.V., Basova E.A. Inequality of opportunities: the factor of “parents’ base” (case study of a sociological survey of the population of the Northwestern Federal District). *Problems of Territory’s Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.1

ния и профессионального статуса родителей, пола и места рождения индивида, а также вклада данных факторов в достижение основ благополучия в обществе. Таким образом, изучение проблемы неравенства возможностей в части влияния обстоятельств рождения на дифференциацию населения по доходам на уровне федерального округа явилось целью данного исследования. В статье проведен анализ взаимосвязи «родительской базы» и достижения индивида на примере Северо-Западного федерального округа, рассмотрены субъективные оценки респондентов относительно важности для них тех или иных факторов жизненного успеха и благополучия. Научная новизна заключается в сравнении результатов исследования с выводами башкирских ученых в целом по РФ, основанных на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), о значительном влиянии уровня образования родителей (особенно высшего образования матери) на достижения индивида. Изучение проблемы неравенства возможностей дает важную информацию о нематериальных факторах, приводящих к социальной уязвимости людей, и необходимости формирования для них не столько социально-экономических форм поддержки, сколько создания условий, минимизирующих влияние выделенных факторов.

Неравенство возможностей, население, доходы, регион, родительская база, образование матери, профессиональный статус родителей.

Обзор литературы

Вопросам неравенства посвящено огромное количество работ как теоретического, так и эмпирического уровня. Значительное число отечественных исследований сосредоточено на анализе и оценке неравенства в распределении общего объема доходов, прежде всего заработной платы. Причиной тому послужила сильная поляризация российского общества в связи с социально-экономическими переменами 90-х гг. XX века, приобретшая беспрецедентный характер. Исследователи отмечают, что «избыточное социально-экономическое неравенство в России является основным препятствием для расширенного воспроизводства человеческого капитала и повышения темпов экономического роста», в связи с чем расслоение общества по уровню благосостояния «признается практически всеми как одна из наиболее актуальных проблем дальнейшего реформирования и развития экономических, социальных и государственных институтов» [1, с. 197] в отечественной экономике. О важности решения этой актуальной и сегодня проблемы говорил Президент РФ в январском (2020 г.) Послании Федеральному Собранию РФ, отмечая, что показателем та-

кой работы, должно стать «...реальное снижение бедности» в России¹.

Понятие неравенства включает не только материально-имущественную дифференциацию, но и социально-профессиональные и самоидентификационные критерии. В этом случае мы говорим о неравенстве возможностей как мере зависимости результативности индивида от факторов, находящихся за пределами его контроля.

Неравенство возможностей как экономическая категория лежит в основе дискуссий о справедливом распределении благ, которые появлялись в результате развития эгалитарных теорий [2, с. 5]. В основе эгалитаризма (от фр. *egalite*) лежит принцип равенства благосостояния. Однако консервативные критики эгалитаризма справедливо оспаривают эту теорию за то, как такого рода равенства могут быть возможны с этической точки зрения, поскольку они освобождают индивида от ответственности за собственные усилия. Представители политической философии, начиная с Дж. Роулза [3], в развитии эгалитарной теории пытаются заменить равенство результатов (благосостояния) на равенство возможностей как «равенство стартовых условий»² [4, с. 1288].

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения 22.01.2020).

² Перевод авторов.

При этом равенство возможностей не следует рассматривать дословно, т. к. «от рождения ... открыты совсем не одинаковые возможности, и эти возможности никоим образом не могут быть уравнены» [5, с. 77]. Нобелевский лауреат М. Фридман предлагает рассматривать смысл идеи равенства возможностей с помощью выражения, известного со времен Французской революции: «Une carrière ouverte aux les talents» («Талантам все пути открыты»). Иными словами, возможности для деятельности человека не могут быть ограничены его происхождением, нацией, цветом кожи, религией и т. д., но должны определяться его способностями [5, с. 77].

Практический смысл равенства возможностей заключается в следующем: если население страны не имеет равного доступа к одинаковым возможностям, а обстоятельства рождения (пол, место рождения, этническая принадлежность, образовательный уровень и профессиональный статус родителей) в значительной степени обуславливают уровень благополучия индивида в части доходов, то это рассматривается как «несправедливая часть неравенства»³.

Базовым исследованием в этой области является работа Дж. Роулза [3] с обоснованной в ней идеей социальной справедливости, в которой справедливость базируется на понятиях честности. В рамках этого подхода разработаны два принципа. Первый принцип (или принцип свободы) заключается в том, что любой индивид должен иметь масштаб свободы, аналогичный свободам других индивидов. Второй принцип состоит из двух подпринципов и характеризуется тем, что социально-экономические неравенства должны вести к наибольшей выгоде менее успешных (принцип различия) и делать открытыми для всех все должности и социальные статусы в условиях честного равенства возможностей (принцип равенства возможностей) [5, с. 303]. Таким образом, неравенство, по Дж. Роулзу, является не только возможным, но и оправданным, «если неравное

распределение благ способствует улучшению положения наименее удачливых в «лотерее природы» [6, с. 60].

Развивая исследование в данном ключе, Дж. Роулз приходит к выводу о необходимости компенсационной справедливости с целью возмещения различий в благосостоянии по причине неравенства прав и ресурсов в обществе. При равномерном распределении прав и ресурсов члены общества, имеющие различные взгляды на жизнь, установки и убеждения, индивидуальные цели, проявляют различные типы поведения и соответственно этому демонстрируют неодинаковое поведение, в конечном итоге формируя разный уровень благосостояния. Перечисленное выше относится к сфере личной ответственности каждого индивида, в связи с чем достигнутый уровень достатка не может характеризоваться как несправедливость. Иными словами, различия в социальном статусе и доходе, являющиеся следствием неодинакового поведения членов общества, справедливы и не должны компенсироваться. Если неодинаковое положение в обществе является следствием неравномерного распределения благ, то данные различия подлежат возмещению (компенсации) [2, с. 5].

Основные идеи Дж. Роулза были продолжены в работах американско-британского политолога и правоведа Р. Дворкина [7], который выделил принципы равной ценности («*the principle of equal value*») и специальной ответственности («*the principle of special responsibility*») [8, с. 359]. Первый принцип исходит из необходимости государства проявлять одинаковую заботу обо всех своих гражданах, никого не выделяя, используя меры государственной поддержки. Вторым принципом характеризует значимость личной ответственности индивида за свои достижения. «Первый принцип требует от правительства проведения таких политических мероприятий и принятия таких законов, которые обеспечили бы, в той степени, в которой это достижимо, независимость людских

³ EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. European Bank for Reconstruction and Development. London. URL: <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-201617.html>

судеб от их принадлежности к определенному полу, расе, национальности, социального происхождения или наличия у них какого-либо набора умений или физических или психических недостатков. Второй принцип требует от правительства, в той степени, в которой это достижимо, сделать так, чтобы судьбы людей были следствием их собственного выбора» [8, с. 360].

Развивая идеи Дж. Роулза, Р. Дворкин использовал для обоснования необходимости компенсации неравенства в распределении природных способностей понятие «внутренние ресурсы». Он считал, что в справедливом обществе неравенство внутренних ресурсов должно быть компенсировано [7].

Анализируя предложенные вышеназванными авторами теоретические выкладки, Р. Арнесон приходит к выводу о необходимости рассмотрения «неравенства возможностей» в противовес «неравенству ресурсов», апеллируя к тому, что «идея равных возможностей для благосостояния является наилучшей интерпретацией идеала распределительного равенства» [9, с. 77]. По мнению Р. Арнесона, при наличии равных возможностей «любое фактическое неравенство в благосостоянии на занимаемых должностях обусловлено факторами, которые находятся под контролем каждого человека» [9, с. 78], в связи с чем индивид должен нести за них ответственность. Иными словами, следует возлагать ответственность на людей за их добровольный выбор в части достижения собственного уровня благосостояния.

Продолжая идеи предыдущих исследователей, американский экономист Дж. Ремер [4] расширил концепцию равенства возможностей, дополнив ее факторами, за которые люди должны нести ответственность (факторы-усилия), и требующими компенсации (факторы-обстоятельства). Различия в уровне благосостояния по причине индивидуальных природных способностей и талантов следует компенсировать (принцип компенсации), в то время как различия, возникающие как результат усилий индивида, справедливы и

в соответствии с «принципом естественного вознаграждения» не подлежат компенсации. В частности, ученый считал необходимым включение понятия «счастливый случай» в теорию равных возможностей в качестве обстоятельства в лотерее удачи при рождении, которое предопределяет гены, семью и социальную среду индивида [4, с. 1305].

Как показывают исследования⁴, население воспринимает неравное распределение конечных результатов более справедливым, нежели неравенство возможностей, обусловленное неодинаковым уровнем изначальных стартовых условий. В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос об оценке значимости факторов-обстоятельств в появлении неравенства возможностей.

Влияние факторов-обстоятельств на дифференциацию: зарубежный и отечественный опыт измерения

Изучение факторов и степени неравенства, обусловленного социально-культурным родительским фоном, началось сравнительно недавно. Первые попытки оценок предприняты зарубежными исследователями. Эмпирической базой подобных работ являются результаты социологических опросов. При этом в качестве факторов-обстоятельств традиционно рассматриваются уровень образования человека и его родителей, а также их профессиональный статус, место проживания индивида, его возраст, национальность, вероисповедание, расовая принадлежность и т. д. В качестве результата благосостояния (как достижения) индивида наблюдается существенный разброс показателей, начиная от дохода на одного члена семьи (и/или заработной платы) до уровня потребления и наличия «базовых общественных достижений» в виде воды, электричества и др. [10, с. 72].

Одной из первых работ в данном направлении является бразильское исследование [11], ставившее своей целью анализ неравенства возможностей по микроданным ежегодного национального обследования

⁴ Checchi D., Peragine V., Serlenga L. Income Inequality and Opportunity Inequality in Europe: Recent Trends and Explaining Factors, 2015. URL: <http://checchi.economia.unimi.it/pdf/85.pdf>

домохозяйств. В нем был использован параметрический подход, подразумевающий наличие уравнения, описывающего связь между результатом (достижением) и факторами-обстоятельствами (образованием обоих родителей, профессиональным статусом отца, расовой принадлежностью, регионом рождения). Выборка составила почти 48000 человек среди активного взрослого населения Бразилии. Анализ неравенства возможностей проводился по семи возрастным когортам, начиная с лиц, рожденных в 1936–1940 гг., и до лиц 1966–1970 гг. рождения. Такое разделение позволило авторам оценить роль неравенства возможностей в определенные периоды времени и исследовать значимость этой роли в разных возрастных группах. В результате было выявлено, что более одной пятой неравенства в доходах обусловлено именно неравными стартовыми возможностями. Для старших когорт этот показатель оказался еще выше и достиг 30%-го уровня [11, с. 608].

В 2010 году исследование неравенства возможностей по результатам социологических опросов было проведено в Италии [11], а затем – по данным 2005 и 2011 гг. – в 30 странах Европы⁵.

В этих работах для оценки степени неравенства возможностей использован уже непараметрический подход, заключающийся в проведении статанализа между показателями, характеризующими институциональные аспекты в сфере образования и на рынке труда. Результаты показали, что порядка 20% неравенства доходов в Италии тоже обусловлено неравенством стартовых условий [12, с. 429]. Дальнейшие исследования в этом направлении позволили выявить положительную взаимосвязь между уровнем неравенства возможностей и неравенством доходов. Эта взаимосвязь заключалась в том, что страны с более высоким уровнем неравенства по доходам демонстрируют более высокие различия в уровне неравенства возможностей. Сделан вывод о том, что «сегод-

няшние доходы формируют возможности завтрашнего дня: большое неравенство в доходах между сегодняшними родителями, вероятно, приведет к большому разрыву в возможностях среди завтрашних детей»⁶ [12].

Оценивая уровень исследований влияния родительского фона на дифференциацию населения по уровню благосостояния, следует отметить, что при наличии множества зарубежных научных трудов по данному направлению неравенство возможностей остается пока неконцептуализированным в рамках отечественной социологической теории и недостаточно проработанным в части анализа эмпирических данных. Одним из наиболее полных теоретико-методологических и эмпирических обследований этого вопроса на российском уровне представляется работа, выполненная в рамках научного проекта РФФИ «Неравенство возможностей в Республике Башкортостан: анализ и измерение на микроданных» [13]. В указанном исследовании анализ выполнялся на основе данных социологического опроса, проведенного в 2011 году в рамках Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) среди мужчин от 25 до 60 лет, проживающих в городской местности. При использовании критериев включения выборка составила 1417 респондентов. При анализе неравенства возможностей при использовании миграционного статуса и образования индивида как факторов-усилий в качестве факторов-обстоятельств выступают образование родителей и их профессиональный статус. В качестве показателей индивидуального достижения использованы уровень заработной платы и доход индивида.

Результаты проведенного исследования демонстрируют значительное влияние уровня образования родителей, особенно высшего образования матери, на показатели достижения индивида. При этом авторы сделали вывод, что индивиды, имеющие русскую национальность, а также респон-

⁵ Checchi D., Peragine V., Serlenga L. Income Inequality and Opportunity Inequality in Europe: Recent Trends and Explaining Factors, 2015. URL: <http://checchi.economia.unimi.it/pdf/85.pdf>

⁶ Перевод авторов.

денты-женщины имели более низкий уровень достижений по сравнению с другими группами респондентов [13, с. 14].

Следует отметить, что в указанном исследовании анализ и оценка неравных базовых возможностей в достижении определенного уровня благосостояния проведены на уровне страны, в то время как аналогичных работ на региональном уровне практически нет. Представляется, что причиной тому служит отсутствие необходимой социологической базы для подобного исследования, поэтому возрастает актуальность изучения взаимосвязи между обстоятельствами рождения и уровнем доходов индивидов на примере конкретного региона. Таким образом, изучение проблемы неравенства возможностей в части влияния обстоятельств рождения на дифференциацию населения по доходам на уровне федерального округа и составило цель данного исследования.

Методы и методология исследования

Информационной базой исследования послужили результаты социологического опроса населения Северо-Западного федерального округа, проведенного ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» в 2013 году. Данный опрос выбран как наиболее полно содержащий перечень вопросов, отражающих суть заявленного исследования.

Выборка составила 5113 жителей СЗФО старше 18 лет. Ее репрезентативность обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения территорий. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании использован метод кластерного анализа (разбиение совокупности переменных на однородные группы по опре-

деленному признаку), с помощью которого произведена типологизация респондентов. Также применен непараметрический метод анализа статистической информации.

Расчеты выполнены авторами в программе SPSS и Excel. В качестве фактора-достижения выступает среднемесячный фактический доход на одного члена семьи. Использование данного показателя в анализе неравенства возможностей апробировано в работе бразильских ученых⁷, а также обусловлено ограниченностью исходных данных.

В качестве факторов-обстоятельств заявлены профессиональный статус родителей, образование родителей и пол индивида. Используются критерии включения, предусматривающие наличие сведений:

- о доходе на одного члена семьи;
- об образовании и профессиональном статусе родителей.

После применения критериев включения выборка составила 3098 человек. Для последующего анализа и сопоставимости данных с результатами национальных исследований выборка ограничена экономически активным населением в возрасте от 25 до 60 лет (*табл. 1*).

Анализ описательных характеристик в разрезе трех возрастных групп (26–30 лет, 31–50 лет, 51–60 лет) показывает, что:

- в более старших возрастных когортах отмечена большая доля респондентов с низким профессиональным статусом обоих родителей;
- отмечено снижение уровня образования у обоих родителей от наиболее молодой группы респондентов к самой старшей.

Результаты исследования

В социально-экономическом развитии российского общества отмечается углубление дифференциации населения по доходам. За 2000–2018 гг. коэффициент фондов, представляющий собой отношение доходов 10% населения с наибольшими и 10% населения с наименьшими доходами, вырос с 14 раз в 2000 году до 15,5 раза в 2018 году (*рис.*).

⁷ Ferreira F., Gignoux J. The measurement of inequality of opportunity: theory and an application to Latin America. *Review of Income and Wealth*, 2011, no. 57 (4), pp. 622–657.

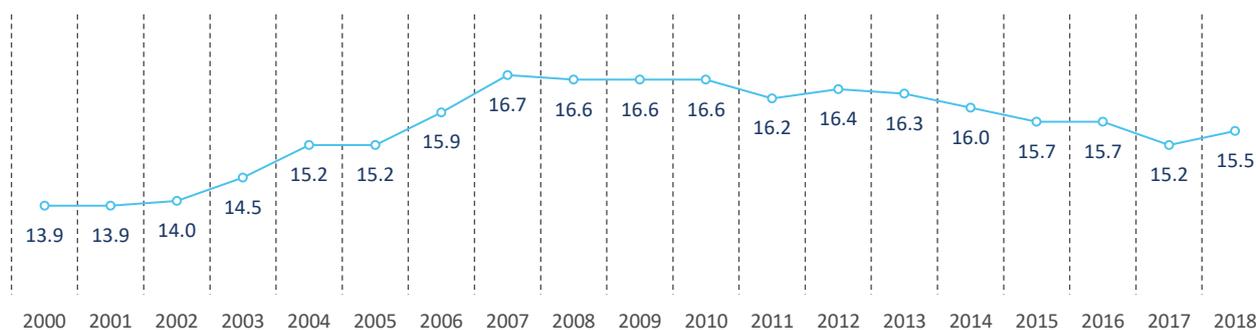
Таблица 1. Описательная статистика переменных

Показатель	Значение	Доля, %
Образование отца	Неполное среднее	17,77
	Среднее. в т. ч. ПТУ со средним образованием	26,62
	Среднее специальное образование (техникум и др.)	29,36
	Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	2,89
	Высшее	23,36
Образование матери	Неполное среднее	16,87
	Среднее. в т. ч. ПТУ со средним образованием	21,40
	Среднее специальное образование (техникум и др.)	33,92
	Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	2,88
	Высшее	24,94
Профессиональный статус отца	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	46,19
	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	9,34
	Руководители госпредприятий, предприниматели	3,50
	Бухгалтеры, экономисты, работники банков, юристы	2,06
	Врачи, преподаватели, работники культуры, науки	6,15
	Работники торговли, сферы быта и услуг	5,37
	Военнослужащие, работники правоохранительных органов	9,53
	Работники сельского хозяйства и другие сельские жители	17,86
Профессиональный статус матери	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	24,74
	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	11,53
	Руководители госпредприятий, предприниматели	2,01
	Бухгалтеры, экономисты, работники банков, юристы	8,48
	Врачи, преподаватели, работники культуры, науки	17,78
	Работники торговли, сферы быта и услуг	17,00
	Военнослужащие, работники правоохранительных органов	1,97
	Работники сельского хозяйства и другие сельские жители	16,48
Пол	Мужской	45,07
	Женский	54,93
Возраст	Минимум	26
	Среднее	42,6
	Стандартное отклонение	10,4
	Максимум	60
Среднемесячный доход на 1 члена семьи	Минимум	620
	Среднее	16330,94
	Максимум	160000

Источник: данные социологического опроса «Социокультурная модернизация», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013 году в регионах СЗФО.

Следует отметить, что период с 2000 по 2007 год отмечен углублением дифференциации населения России, коэффициент фондов существенно вырос (с 14 до 16,7 раз). Высокие значения показателя продержались до 2010 года, а затем стали постепенно сни-

жаться – до 15,5 в 2018 году. В то же время за период с 2000 по 2018 год доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения существенно снизилась (с 29 до 12,5%). Для сравнения: в Вологодской области значения

Рис. Динамика коэффициента фондов в РФ (2000–2018 гг.), раз

Источник: данные Росстата. URL: <https://www.gks.ru/folder/13397> (дата обращения 22.01.2020).

показателя за этот период колебались в пределах от 19,6%⁸ в 2000 году до 13,8%⁹ в 2018 году, испытывая тенденции, характерные для страны в целом. Наиболее благоприятным для населения России в этом отношении были 2012 и 2013 гг., в течение которых показатель (доля населения с доходами ниже величины ПМ) составлял 10,7–10,8%. В 2018 году он вновь подрос (до 12,6%), что связано с кризисными явлениями в экономике и санкционной политикой Запада в том числе.

Коэффициент фондов ниже среднероссийского значения в 2018 году наблюдался в большинстве регионов РФ [14, с. 13] за исключением г. Москвы (15,7 раза), Ненецкого АО (16,9 раза) и Ямало-Ненецкого АО (17,5 раза). В Вологодской области коэффициент фондов в 2018 году составил 10,2 раза.

Данные мониторинговых исследований ВЦИОМ, посвященных изучению наиболее значимых в оценках российского населения в масштабах страны проблем, показывают, что, несмотря на некоторое снижение беспокойства людей относительно уровня жизни и доходов (с 26% в 2017 году до 14% в 2018 году), проблема сохраняет свою остроту (табл. 2).

Беспокойство людей «умножением неравенства», по мнению Дж. Стиглица, растет во всем мире [15, с. 11]. Вместе с тем, это беспокойство не ограничивается только проблемой «равенства доходов и условий жизни». Все более осознается, в том числе и в

Таблица 2. Динамика наиболее важных для страны проблем в оценках россиян, %

ТОП-10 проблем	Май 2017 г.	Май 2018 г.
Здравоохранение	13	28
Проблемы в сфере образования	8	23
Экономика	16	21
Социальная политика	10	15
Низкие зарплаты, низкий уровень жизни	26	14
Безработица	15	12
Низкие пенсии, пенсионная реформа	16	11
Коррупция, бюрократия	8	9
ЖКХ	9	8
Высокая инфляция, рост цен	10	3

Источник: Проблемный фон страны: мониторинг: прессы-выпуск ВЦИОМ № 3683 от 7 июня 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9152> (дата обращения 22.01.2020).

российском обществе, проблема «равенства возможностей для проявления способностей» [16].

Эксперты ОЭСР в докладе «Взгляд на образование 2018» показали, что у тех людей, чьи родители имеют низкий уровень образования, наблюдается меньшая вероятность достижения более значимых результатов в жизни по сравнению с их сверстниками, родители которых (или хотя бы один из родителей) получили третичное образование¹⁰.

⁸ Статистический ежегодник Вологодской области: 1995–2001 / Вологодский областной комитет государственной статистики. Вологда: Госкомстат России, 2002. С. 65.

⁹ Предварительные данные Вологдастата.

¹⁰ Взгляд на образование 2018 (показатели ОЭСР): резюме на русском языке. URL: oecd-ilibrary.org/education/education...glance-2018... (дата обращения 22.01.2020).

Этот дисбаланс затем переходит и на рынок труда. Данное исследование как раз и направлено на изучение вклада фактора возможностей с позиции «родительской базы» образования и профессионального статуса матери и отца в проблему неравенства.

Регрессионный анализ результатов социологического исследования населения Северо-Западного федерального округа показал статистически значимую взаимосвязь между достижением и такими факторами-обстоятельствами, как образование родителей и пол респондента. Следует отметить, что характеристики матери имеют большее влияние, чем аналогичные характеристики отца. При этом наибольший вклад в достижение индивида по доходу вносит высшее образование матери (табл. 3).

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Показатель	Оценка коэффициента	Уровень значимости
Профессиональный статус матери	-0,043	0,067
Профессиональный статус отца	0,029	0,226
Образование матери	0,117	0,000
Образование отца	0,052	0,039
Пол	-0,059	0,001
Источник: расчеты авторов.		

Влияние профессионального статуса родителей (как отца, так и матери) в большинстве случаев характеризуется отрицательными значениями регрессионных коэффициентов. В обоих случаях показатели имеют отрицательный знак и часто незначимы. Следует отметить, что незначимость влияния профессионального статуса на достижения индивида выявлена и в исследовании башкирских ученых [2, с. 16].

В целях углубленного исследования характеристик респондентов, владеющих различным «набором» факторов-обстоятельств, авторами проведена с использованием кластерного анализа типологизация респондентов. Суть кластерного метода заключается в разбиении совокупности переменных на од-

нородные группы по определенному признаку. В качестве правила иерархического объединения в кластер применен метод Уорда, а в качестве целевой функции – внутригрупповая сумма квадратов расстояний между каждой точкой и средним значением по кластеру. Кластерный анализ позволил разделить респондентов на три группы. Удельный вес респондентов составил в первой группе 53%, во второй – 28% и в третьей – 19% от числа опрошенных. В качестве зависимой переменной выбран среднемесячный фактический доход на одного члена семьи, в качестве факторов-обстоятельств – образование и профессиональный статус родителей (табл. 4).

Как видно из представленных данных, среди родителей респондентов с наибольшим размером дохода на одного члена семьи большинство имеет высокий уровень образования (отцы с высшим образованием – 39%, матери с высшим образованием – 45%). В первой группе, которая представлена лицами с наименьшими доходами, преобладающий удельный вес занимают родители со средним образованием. В группу с наивысшими доходами попали респонденты, имеющие родителей с высоким образовательным уровнем. В доминирующих типах профессионального статуса родителей в разрезе групп респондентов (табл. 5) иная тенденция.

Тезис в отношении тесной взаимосвязи профессионального статуса родителей и достижений индивида справедлив и однозначен только в отношении группы респондентов с более высокими доходами и только по профессиональному статусу матери. Анализ показывает, что в группе респондентов с наименьшими доходами более половины матерей являются работниками бюджетной сферы и сельского хозяйства, а в группе с высокими доходами преобладают родители из числа ИТР, госслужащих и предпринимателей.

Интересно, что представители первой группы респондентов, условно названные нами как «Трудоголики», в качестве условия достижения благополучия и высокого социального положения чаще всего выби-

Таблица 4. Характеристика респондентов, объединенных в группы по уровню среднемесячного фактического дохода, в зависимости от образования родителей, %

Показатель		Группа		
		«Трудоголики»	«Предприимчивые»	«Счастливчики»
Среднемесячный фактический доход на 1 члена семьи, руб.		16633	25674	63624
Образование отца	Неполное среднее	20,2	13,1	8,4
	Среднее, в т. ч. ПТУ со средним образованием	29,2	21,5	18,7
	Среднее специальное образование	28,8	30,7	29,0
	Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	2,6	3,5	4,7
	Высшее	19,3	31,2	39,3
Образование матери	Неполное среднее	18,7	13,7	7,2
	Среднее, в т. ч. ПТУ со средним образованием	24,1	15,6	15,3
	Среднее специальное образование	34,3	33,9	27,0
	Незаконченное высшее (не менее 3 курсов вуза)	2,3	4,1	5,4
	Высшее	20,7	32,7	45,0

Источник: данные социологического опроса «Социокультурная модернизация», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013 году в регионах СЗФО.

Таблица 5. Характеристика респондентов, объединенных в группы* по уровню среднемесячного фактического дохода, в зависимости от профессионального статуса родителей, %

Группа	Показатель	Значение
Доминирующий профессиональный статус отца		
«Трудоголики»	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	27
	Работники сельского хозяйства и другие сельские жители	39
	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	6
«Предприимчивые»	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	29
	Руководители госпредприятий, предприниматели	11
	Работники сельского хозяйства и другие сельские жители	22
«Счастливчики»	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	13
	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	13
	Руководители госпредприятий, предприниматели	23
Доминирующий профессиональный статус матери		
«Трудоголики»	Врачи, преподаватели, работники культуры, науки	14
	Работники торговли, сферы быта и услуг	15
	Работники сельского хозяйства и другие сельские жители	41
«Предприимчивые»	Рабочие в промышленности, на транспорте, в связи	14
	Врачи, преподаватели, работники культуры, науки	17
	Работники сельского хозяйства и другие сельские жители	27
«Счастливчики»	ИТР, госслужащие, средний управленческий персонал	23
	Руководители госпредприятий, предприниматели	17
	Работники торговли, сферы быта и услуг	17

Источник: данные социологического опроса «Социокультурная модернизация», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2013 году в регионах СЗФО.

* Для анализа характеристик доминирующих типов профессионального статуса родителей в разрезе групп респондентов выбраны три наиболее встречающихся ответа без учета родителей-пенсионеров, затруднившихся ответить и отметивших «Другое» респондентов.

рают упорный труд. Кроме того, более 76% из этой группы респондентов считают собственные усилия очень важным фактором успеха. При этом такие аскриптивные характеристики, как хорошее происхождение, национальность и наличие образованных родителей, не играют для них весомой роли. Значимость утверждения «Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям» высока практически для всех представителей данной группы. Иными словами, личная активность и упорство в труде воспринимаются ими как залог успеха.

Весьма существенным для достижения собственного благополучия респонденты названной группы (75%), а также группы с более высокими доходами (70%) считают хорошее образование.

Среди представителей группы «Предприимчивые» значительная часть (40%) согласна с утверждением «Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве». Кроме того, достаточно важной для достижения жизненного успеха более 50% респондентов этой группы считают помощь родственников.

Представители самой обеспеченной группы, так называемые «Счастливики», большое значение в собственном благополучии придают нужным знакомствам и связям. Среди трех рассматриваемых групп только ее представители в подавляющем большинстве (72%) выбрали данную характеристику в качестве наиболее важного условия достижения жизненного успеха. Более того, ни в какой из групп, кроме анализируемой, не придается столь существенное значение полу, национальности и хорошему происхождению в деле повышения социального статуса. Иными словами, наличие факторов-обстоятельств, рассматриваемых как «счастливый билет в лотерею жизни», для представителей более доходной когорты имеет более значительный вес, нежели для представителей других, менее доходных групп. Следует отметить, что «Счастливики» позитивно характеризуют свое будущее. Так, более 70% предста-

вителей данной группы уверены в завтрашнем дне. В группе с меньшими доходами («Предприимчивые») так считает только каждый третий респондент. Не уверены в своем будущем свыше 40% опрошенных низкодоходной группы.

Выводы

Резюмируя представленный анализ, еще раз отметим, что изучению влияния различных факторов на неравенство населения посвящено огромное количество научных исследований, причем они носят разноплановый характер – от факторов пола и возраста до фактора расовой принадлежности.

Более всего в этом ряду исследований представлено работ, анализирующих неравенство по доходам [17–19 и др.].

Неравенство в возможностях и неравенство в доходах как две стороны одной медали рассмотрены в работе М. Корака [20].

Некоторым подходам к проблеме равенства образовательных возможностей посвящены труды А.Р. Бессуднова, В.М. Малика [21], Д.Л. Константиновского [22], И.Д. Фрумина [23] и др.

Одним из самых распространенных исследований, касающихся проблематики неравенства возможностей, является дискурс гендерного неравенства, в рамках которого анализируется положение мужчин и женщин на рынке труда, что обусловлено существующими в разных странах различиями в средних уровнях зарплаток между ними. Представляется, что позиция женщин на рынке труда – один из основных факторов, способствующих феминизации бедности [24] (С.Ю. Рошин, Н.В. Зубаревич [25], А.Ю. Ощепков [26]). Также сюда можно отнести и исследование нобелевского лауреата Дж. Стиглица, обосновавшего информационную асимметрию (разную информированность) участников экономической жизни о ее проявлениях (например, рабочих и нанимателей о состоянии рынка труда и т. д.). Его работа «Цена неравенства» стала своего рода манифестом «борьбы с чрезмерным неравенством в мире» [27], в том числе с неравенством возможностей, среди которых ав-

тор назвал и «управленческие ошибки в макроэкономике» [15].

Цифровые разрывы (информационное неравенство) как современный источник неравенства возможностей также уже находится в поле зрения исследователей, показавших риск ухода в виртуальную реальность у значительной части молодого населения [28].

Очень важное место в перечне факторов неравенства возможностей, несомненно, занимают и ментальность населения, его стереотипы. Они проявляются в разных жизненных ситуациях и представляют собой риски в осуществлении/достижении жизненного успеха. «Сложившийся социальный стереотип, – как показывают авторы одного из масштабных исследований в этом направлении, – способствует стратификации целых семей, включая детей, которые заранее лишаются важнейших экономических, политических и культурных ресурсов общества, блокируя им возможности восходящей мобильности» [29; 30].

Перечисленные факторы по своей значимости и актуальности могут быть и в некотором смысле уже являются предметом отдельных научных исследований. В работах ученых-экономистов все чаще встречается неравенство возможностей в части влияния обстоятельств рождения на дифференциацию населения по уровню благополучия. В рамках данной статьи также предпринята попытка изучения на уровне федерального округа именно этого вида неравенства – стартовые возможности как следствие неравномерного распределения уровня «родительской базы» и его влияния на достижения индивида.

Результаты проведенной оценки влияния факторов-обстоятельств на дифференциацию по доходам (на примере СЗФО) свидетельствуют об аналогичных тенденциях на уровне страны, что отмечено башкирскими исследователями. Так, выявлена статистически значимая взаимосвязь между переменной достижения и образованием родителей и полом индивида. При этом характеристики матери обладают более весомым вкладом в результаты индивида.

По мере роста дохода на одного члена семьи более высокое значение для индивидов приобретают «врожденные» факторы-обстоятельства. Аскриптивные характеристики (пол, происхождение) весьма существенны для респондентов с наибольшим уровнем доходов, в то время как представители наименее обеспеченных слоев особую значимость придают личным усилиям и упорству в части повышения своего социального положения.

Изучение факторов, оказывающих влияние на дифференциацию населения по доходам с точки зрения стартовых условий индивида позволяет не только конкретизировать подходы к государственной политике распределения, но и спрогнозировать возможные изменения неравенства населения по уровню благосостояния. Индивиды, имеющие низкий уровень «родительской базы», представляют собой потенциально незащищенный и социально уязвимый слой населения, нуждающийся в поддержке со стороны государства. Знание факторов, объясняющих причины неравенства возможностей, имеет основополагающее значение для сокращения неравенства будущих поколений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шевяков А.Ю. Социальная политика и реформирование распределительных отношений // Вестник РАН. 2007. № 3. С. 195–204.
2. Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: измерение и оценка на микроданных // Прикладная эконометрика. 2019. № 54. С. 5–35.
3. Rawls J. *A Theory of Justice*. Harvard University Press, 1971. 538 p.
4. Roemer J., Trannoy A. Equality of Opportunity: Theory and Measurement. *Journal of Economic Literature, American Economic Association*, 2015, vol. 54 (4), pp. 1288–1332.
5. Фридман М. Фридман и Хайек о свободе / пер. с англ., под ред. А. Бабица. [Washington]: CATO inst., 1985. 134 с.
6. Петренко В.В., Эннс И.А. Дискурс справедливого: социально-философский и герменевтический проекты // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 59–63.
7. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. London: Duckworth, 1977. 390 p.
8. Чурносов И.М. Концепция справедливости Рональда Дворкина // Политика и общество. 2014. № 3 (111). С. 358–371. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.3.11340
9. Arneson R. Equality and equal opportunity for welfare. *Philosophical Studies*, 1989, no. 56, pp. 77–93.
10. Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Информационное обеспечение исследований по неравенству возможностей: критический обзор и теоретическое обоснование // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 11–1. С. 70–76.
11. Bourguignon F., Ferreira F., Menendez M. Inequality of Opportunity in Brazil. *Review of Income and Wealth*, 2007, no. 53, pp. 585–618.
12. Checchi D., Peragine V., Serlenga L. Inequality of opportunity in Italy. *Journal of Economic Inequality*, 2010, no. 8, pp. 429–450.
13. Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Неравенство возможностей в Российской Федерации: факторный анализ // Экономика и управление: науч.-практ. журнал. 2019. № 5 (149). С. 10–15.
14. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России – 2018 / В.Н. Бобков [и др.]; техн. сост. М.А. Юдина. М.: ООО «Фабрика Офсетной Печати», 2019. 98 с.
15. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
16. Андреев А.Л. Ментальность россиян и проблема социального неравенства // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2 (82). С. 67–73.
17. Шевяков А.Ю. Социальное неравенство: тормоз экономического и демографического роста // Уровень жизни населения регионов России. 2010. № 5. С. 38–52.
18. Костылева Л.В. Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование: монография / под рук. д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 223 с.
19. Россошанский А.И. Социально-экономическое неравенство населения в контексте развития социального государства современной России // Вестник НГИЭИ. 2019. № 7. С. 108–117.
20. Corak M. Income Inequality, Equality of Opportunity, and Intergenerational Mobility. *Journal of Economic Perspectives*, 2013, vol. 27, no. 3, pp. 79–102.
21. Бессуднов А.Р., Малик В.М. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 136–167.
22. Константиновский Д.Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5 (99). С. 40–65.
23. Фрумин И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей // Вопросы образования. 2006. № 2. С. 5–22.
24. Феминизация бедности в России: макроэкономический анализ феминизации бедности в России: сб. докл., подгот. для Всемирного банка / Л. Прокофьева [и др.]. М.: Весь мир, 2000. 220 с.
25. Рошин С.Ю., Зубаревич Н. В. Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия: доклад. М.: ИНФОРЕС-Принт, 2005. 73 с.

26. Ощепков А.Ю. Гендерные различия в оплате труда в России: препринт WP/2006/08. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 52 с.
27. Плетнев Д.А. Рецензия на книгу Дж. Стиглица «Цена неравенства» (М.: Эксмо, 2015. 512 с.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7 (417). Серия: Экономические науки. Вып. 61. С. 211–218.
28. Шабунова А.А. Социокультурная трансформация российского общества // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник науч. статей / под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 417–422.
29. Эксклюзия как критерий выделения социально уязвимых групп населения / А.А. Шабунова [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 2 (44). С. 29–47. DOI: 10.15838/esc.2016.2.44.2
30. Андреев А.Л. Ментальность россиян и проблема социального неравенства // Мониторинг общественного мнения. 2007. № 2 (82). С. 67–73.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru

Елена Александровна Басова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: elbas@yandex.ru

Leonidova G.V., Basova E.A.

INEQUALITY OF OPPORTUNITIES: THE FACTOR OF “PARENTS’ BASE” (CASE STUDY OF A SOCIOLOGICAL SURVEY OF THE POPULATION OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT)

The high practical need to address the problems of smoothing the excessive social differentiation and the implementation of the constitutional provisions about the social state leads to the increased attention of the scientific community to the issue of social inequality where the poverty of a considerable part of the population is an important aspect. The President of the Russian Federation emphasized the significance of productive work in this area in his Message to the Federal Assembly of the Russian Federation in January (2020) noting that “a real reduction of poverty” in Russia should be the measure of this work. However, taking into account the process of society’s stratification into the rich and the poor, it is important to understand its features and factors initially influencing the formation of the differentiation phenomena. The analysis of opportunities’ inequality arising from the inherited social and cultural capital, namely the importance of education and occupational status of parents, the individual’s gender and place of birth and the contribution of these factors to the achievement of welfare in society are of special interest in this regard. Thus, the study of the problem of opportunities’ inequality in terms of the impact of the circumstances of birth on the population’s differentiation by income on the level of the Federal District is the objective of the research. The authors analyze the relationship between the “parents’ base” and the individual’s achievements in the case of the Northwestern Federal District, the respon-

dents' subjective assessment of the importance of various factors of life success and well-being are reviewed. Scientific novelty lies in the comparison of the research results with the Bashkir scientists' findings on the whole of Russia based on the data of the Russian Longitudinal Monitoring Survey conducted by the Higher School of Economics (RLMS-HSE) on the significant effect of parents' education (especially mother's higher education) on the individual's personal achievements. The study of the problem of opportunities' inequality provides important information about the intangible factors leading to social vulnerability and the necessity of formation less of socio-economic forms of support, than creating conditions minimizing the influence of the selected factors.

Inequality of opportunities, population, income, region, parents' base, mother's education, parents' occupational status.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina V. Leonidova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Head of Laboratory, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru

Elena A. Basova - Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: elbas@yandex.ru

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.2

УДК 332.05 | ББК 65.050

© Захарова Ж.А.

МОТИВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНАХ С НЕДОСТАТОЧНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ САМОРАЗВИТИЯ

ЖАННА АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРОВА

Владимирский филиал РАНХиГС

Российская Федерация, 600017, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а

E-mail: zjane77@mail.ru

ORCID: [0000-0003-4384-3940](https://orcid.org/0000-0003-4384-3940)

Предметом исследования в данной статье являются особенности и условия развития предпринимательской деятельности в регионах Центральной России. Подчеркивается актуальность мотивации предпринимательской деятельности к достижению стратегических целевых установок в условиях регионов с недостаточным потенциалом саморазвития. Цели работы – определение мотивов осуществления предпринимательской деятельности в условиях регионов с недостаточным потенциалом саморазвития и выявление противоречий в развитии предпринимательской деятельности исследуемых регионов. Авторами использованы общенаучные методы: сравнения и аналогии, анализа и синтеза, абстрактно-логический метод при описании качественной институциональной среды, способствующей осуществлению эффективной предпринимательской деятельности, диалектический метод при выявлении противоречий развития предпринимательской деятельности. В результате исследования определено, что сложившаяся в регионах с недостаточным потенциалом саморазвития институциональная среда осуществления предпринимательской деятельности сдерживает новаторские возможности бизнеса и не мотивирует предпринимательскую деятельность на достижение стратегических целевых установок (расширение и удержание рынка сбыта, увеличение темпов роста продаж и др.). Одним из основных мотивов осуществления предпринимательской деятельности в регионах является самосохранение предприятия (выживаемость в долгосрочном периоде), что при формировании «долговой экономики» способствует наращиванию потенциала саморазвития регионов. Полученные результаты могут быть использованы органами государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне в качестве информационной базы для разработки и реализации необходимых мер государственной поддержки предпринимательской деятель-

Для цитирования: Захарова Ж.А. Мотивы осуществления предпринимательской деятельности в регионах с недостаточным потенциалом саморазвития // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 22–36. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.2

For citation: Zakharova Zh.A. The motives for entrepreneurial activity in the regions lacking self-development potential. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 22–36. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.2

ности с целью создания качественной институциональной среды ее осуществления в условиях регионов с недостаточным потенциалом саморазвития, а также специалистами, изучающими данную проблематику. Статья ориентирована на развитие теории государственного регулирования предпринимательской деятельности регионов с недостаточным потенциалом саморазвития. Предметом дальнейших поисковых исследований могут стать выявление недоиспользованных источников наращивания потенциала саморазвития регионов и разработка инструментария по созданию условий его обеспечения.

Мотивы предпринимательской деятельности, институциональная среда, регион, саморазвитие региона.

Как известно из экономической теории, расширение и повышение эффективности предпринимательской деятельности – важнейший фактор развития экономики. Под предпринимательской деятельностью в Большой Российской энциклопедии понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке¹. Несомненно, что одним из основных мотивов предпринимателя является получение прибыли. Однако подходы к исследованию мотивации предпринимательской деятельности существенно эволюционировали. В классике экономической теории основным мотивом предпринимательской деятельности считается максимизация прибыли. Так, еще К. Маркс писал, что единственным движущим мотивом операций предпринимателя является «растущее присвоение абстрактного богатства». «Не получение единичной прибыли, а стремление к абсолютному обогащению, страстная погоня за стоимостью» – основная цель капитала [1, с. 162].

Современными же исследователями подчеркивается, что максимизация прибыли текущего периода не может обеспечивать развитие в долгосрочной перспективе. Так, в книге академика Д.С. Львова обосновано, что компании, мотивированные не на мак-

симизацию, а на удовлетворенную норму прибыли, демонстрируют более высокую жизнеспособность и приспособленность к решению задач долгосрочного характера². Кроме того, на мотивы осуществления предпринимательской деятельности оказывают влияние внешние глобализационные процессы и происходящие во всем мире тренды «цифровизации экономики». По мнению С.В. Ключиной, в условиях возросшего динамизма развития, жесткие требования к которому диктует НТР, наблюдается существенная трансформация целей предпринимательских структур [2, с. 51]. Наступление новой технологической эры ставит перед предприятиями задачи: иметь деньги; что-то приобретать, создавать что-то новое; идти в ногу со временем, приобретать и применять в своей деятельности новые технологии, в том числе цифровые, новое оборудование. При этом способность предприятий страны, региона оперативно и постоянно внедрять инновации в практику хозяйственной деятельности создает предпосылки для повышения их конкурентоспособности и устойчивости [3, с. 11]. То есть для достижения стратегических целей, учитывающих необходимые процессы (глобализации, цифровизации и др.), наиболее важными являются мотивы, связанные не с максимизацией получаемой прибыли, а с завоеванием или удержанием доли рынка, с получением удовлетворительной нормы прибыли, с увеличением темпов роста продаж, раскрытием потенциальных возможностей

¹ Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/law/text/3175283> (дата обращения 09.04.2019).

² Институциональная экономика: учебн. пособие / под рук. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 260 (Серия «Высшее образование»). Гл. 9. Системные исследования экономики как предпосылка институциональных преобразований в народном хозяйстве.

научно-технического прогресса; снижением себестоимости выпускаемой продукции; повышением качества продукции и предоставления услуг и др.³

Австрийский экономист Й. Шумпетер считал основным мотивом предпринимательской деятельности постоянное стремление и способность к новаторству. По его мнению, мотивированный предприниматель стремится к созданию нового материального блага, имеющего новые качества; введению нового способа производства и новой организации дела; завоеванию нового рынка сбыта или более широкому использованию прежнего; использованию нового вида сырья или полуфабриката – известных или не известных ранее [4, с. 169]. При этом Й. Шумпетер подчеркивал, что при непрерывном воспроизводстве предпринимателями «новых комбинаций» факторов производства будет саморазвиваться и сама экономическая система.

Мы согласны с мнением западных (А. Томпсон и Дж. Форнби) и отечественных (Г.Б. Клейнер, В.Л. Тамбовцев и Р.М. Качалов) экономистов в том, что капитал характеризуется широким спектром мотивов экономической деятельности: максимизация получаемой прибыли, стремление получить удовлетворительную прибыль; максимизация выручки; максимизация темпов роста продаж, цели завоевания и удержания доли рынка; цели выживания в долгосрочном периоде [5; 6].

Однако, как отмечают А.Е. Туякбаева, М.А. Полутова, подходы к мотивам предпринимательской деятельности Й. Шумпетера и других зарубежных ученых отражают стереотип западного менталитета и базируются на ситуации, складывающейся в стабильных экономических системах западных стран [7, с. 74]. То есть во многом мотивы осуществления предпринимательской деятельности, а соответственно и развитие предпринимательства, зависят от институциональной

среды, в которой функционирует частный капитал. Обращая внимание на то, какая институциональная среда должна иметь место, чтобы предприниматели были в состоянии нормально вести экономическую деятельность, достигая стратегических целевых установок, обозначим следующие характеристики:

Во-первых, для развития предпринимательства в условиях рыночной экономики необходимо наличие спроса на производимый продукт. Есть отрасли, в которых спрос на продукцию достаточно устойчив (пищевая продукция, многие предметы легкой промышленности, бытовая электроника и пр.) независимо от экономики региона. Но есть виды деятельности, для которых характерны перепады. Кроме того, кризисные явления в экономике в целом и в экономике отдельных регионов в частности могут привести к сокращению спроса на одни товары и увеличению спроса на другие виды деятельности. Так, в результате кризиса чаще всего падает спрос на предметы роскоши, в то же время сокращение людей на предприятиях увеличивает потребность, например, в агентствах по трудоустройству. При этом большую роль в формировании и поддержании уровня спроса играет политика, проводимая органами государственной власти.

Во-вторых, наличие рынка сбыта и каналов продвижения товаров. В качестве примера можно привести ситуацию со сложностью реализации продукции крестьянских и фермерских хозяйств в крупных торговых сетях. Одним из инструментов обеспечения соответствующего объема рынка сбыта является государственный и муниципальный заказ [8, с. 25].

В-третьих, доступность ресурсов, которая предполагает развитые рынки товаров, услуг, работ, рабочей силы, денег, информации. Во многих регионах России в настоящее время в большинстве случаев у предпринимателей нет проблем доступа к материальным, людским, информационным ресурсам, но остра проблема доступа к финансовым, долгосрочным кредитным ресурсам под приемлемую процентную ставку.

³ Институциональная экономика: учебн. пособие / под рук. Д.С. Львова. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 260 (Серия «Высшее образование»). Гл. 9. Системные исследования экономики как предпосылка институциональных преобразований в народном хозяйстве.

В-четвертых, развитая рыночная инфраструктура: торговля, дорожно-транспортная, связь, организация денежного обращения, страхование и пр. Одним из инструментов снижения инфраструктурных ограничений для развития предпринимательской деятельности выступает государственно-частное партнерство [9, с. 129].

В-пятых, доверие. При его отсутствии предпринимательство испытывает многочисленные неудобства. В дореволюционной России среди именитых купцов существовало понятие «честного купеческого слова». Люди, его нарушавшие, подвергались остракизму.

В-шестых, здоровая, нормальная конкуренция, сведение к минимуму монополизма. В регионах страны в настоящее время монополистические начала существенны (пример с торговыми сетями, с крупными структурами в иных отраслях, например в электроэнергетике и теплоснабжении, и пр.). Поддержание здоровой конкуренции требует государственного установления правил и норм предпринимательской деятельности, рыночного поведения.

В-седьмых, информирование предпринимателей о состоянии рынка, перспективах его развития, намерениях органов государственной власти и пр. На примере Японии можно показать выдающуюся и в немалом числе случаев решающую роль тех государственных органов, которые изучают состояние мирового рынка важнейших продуктов и предоставляют информацию японским предпринимателям. Позитивный итог: кто-то создал новый продукт, прибыл на территорию рынка, а там этим продуктом уже торгует японец [10, с. 16].

В-восьмых, устойчивая налоговая система, необходимые гарантии со стороны государства. Предприниматели опасаются смены правил игры на рынках, им нужна стабильность, важна устойчивая валюта. Сейчас эта тема актуальна.

Можно поднять еще ряд вопросов, но ясно одно – предпринимательство для своего развития нуждается в эффективной институциональной среде, создание которой

в регионах можно назвать важной задачей органов государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне. Вместе с тем в литературе достаточно подробно изучен вопрос государственного регулирования предпринимательской деятельности и создания качественной институциональной среды, однако без соответствующей оценки, способствует ли эта среда мотивации бизнеса к целевым установкам, являющимся основным условием обеспечения саморазвития региона.

Саморазвитие – это способность социально-экономической системы региона реагировать на современные вызовы экономики за счет максимального использования внутренних источников и факторов развития (эндогенных факторов) при наличии развитой макросреды, задающей общий вектор развития через систему индикативного регулирования для обеспечения устойчивого состояния этой системы в среднесрочном и долгосрочном периоде [11, с. 108]. Так, одной из новаций «Основ государственной региональной политики Российской Федерации на период до 2025 года» является возможность дифференцированного подхода к реализации мер государственной поддержки регионов и муниципальных образований, следовательно, допускается возможность разработки практической реализации федеральной политики регионального развития на гибкой адресной (селективной) основе, то есть на основе выделения особых типов регионов [12, с. 27]. Достаточно подходящей здесь может быть типизация регионов по критериям саморазвития. Как отмечает ряд исследователей, в условиях рыночной экономики есть регионы, территории, которые могут саморазвиваться, и территории с недостаточным потенциалом для саморазвития [13–17]. По мнению автора, регионы с недостаточным потенциалом саморазвития – это регионы, которые в условиях современной рыночной экономики не могут самостоятельно за счет только внутренних источников реагировать на изменения факторов внешней среды (преимущественно общественного запроса), что

Таблица 1. Основные характеристики различных типов регионов (саморазвивающихся и с недостаточным потенциалом саморазвития)

Регионы	Критерии
Саморазвивающиеся	<ul style="list-style-type: none"> – Значительная емкость рынка; – высокая доля (более 40%) саморазвивающихся видов деятельности; – оптимальный набор видов экономической деятельности; – высокая степень открытости экономики региона (доля внешнеторгового оборота региона в ВРП более 30%); – доля прибыльных предприятий не менее 80%; – высокий инновационный потенциал; – более высокие показатели качества жизни населения по доходам, по ЗП, по показателю доли платных услуг в структуре расходов домашних хозяйств по сравнению со средними по стране, что формирует индивидуальную заинтересованность населения в проживании и осуществлении трудовой деятельности в регионе
С недостаточным потенциалом саморазвития	<ul style="list-style-type: none"> – Узость местного рынка; – незначительная дифференциация видов экономической деятельности, что делает экономику региона менее устойчивой к различным колебаниям конъюнктуры как внутреннего, так и внешнего рынка; – незначительная степень открытости экономики региона (доля внешнеторгового оборота региона в ВРП около или менее 30%); – высокая доля убыточных предприятий (30% и выше); – невысокие показатели качества жизни населения по доходам, по ЗП, по показателю доли платных услуг в структуре расходов домашних хозяйств по сравнению со средними по стране; – низкая доля инвестиций в основной капитал и др.

Источник: Zakharova Z.A., Bogatyrev V.V. Interconnection between the categories of region's self-development and population's living standards. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2018, pp. 440–447.

не создает условия для обеспечения устойчивого состояния в долгосрочном периоде. Так, рассматривая основные характеристики территорий, имеющих недостаточный потенциал для саморазвития (табл. 1), следует отметить, что условия осуществления предпринимательской деятельности в них не способствуют мотивации бизнеса к расширенному воспроизводству [18, с. 13], в связи с чем снижается предпринимательская активность и возможности регионов к обеспечению устойчивого социально-экономического развития.

По методике, предложенной Ж.А. Захаровой и В.В. Богатыревым, из исследуемых нами регионов (Владимирской, Ивановской, Калужской, Костромской, Ярославской, Московской, Рязанской областей и г. Москвы) к саморазвивающимся

регионам относятся г. Москва, Московская и Калужская области. Рассматривая отдельные критерии методики, следует отметить, что по показателю доли саморазвивающихся видов экономической деятельности⁴ в структуре ВРП в 2017 году наибольшее значение имели г. Москва (53,9%), Московская область (44%), в структуре ВРП Владимирской, Ивановской, Ярославской и Костромской областей эта доля составила 25,1, 27,7, 22,6 и 21,9% соответственно. По показателю «степень открытости экономики» (доля внешнеторгового оборота в ВРП региона) по расчетам за 2017 год высокое значение наблюдалось в г. Москве – 99,3%, Калужской области – 98,9%, Московской области – 50,1%, а во Владимирской области – 32,6%, Ивановской области – 22,4%, в Костромской, Ярославской и Рязанской областях немного более 18%⁵.

⁴ Саморазвивающиеся виды экономической деятельности – это виды экономической деятельности, которые в условиях развития современной рыночной экономики (стихийности, неопределенности и цикличности) самостоятельно за счет аккумуляции внутренних ресурсов и внутренних мотивов реагируют на изменение факторов внешней среды (уровня спроса и др.), обеспечивая свое устойчивое состояние в среднесрочном и долгосрочном периоде (торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, деятельность по операциям с недвижимым имуществом).

⁵ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 458, 459, 1139.

В регионах с недостаточным потенциалом саморазвития отмечается низкая инвестиционная активность, в отдельных регионах ситуацию с инвестированием можно обозначить как «инвестиционный голод». Так, по данным на 2017 год объем инвестиций в основной капитал в ВРП таких регионов, как Владимирская, Ярославская, Ивановская области, находился на невысоком уровне (практически не превышал 20%): Владимирская – 19,0%, Ярославская – 15,6%, Ивановская – 14,0%, Костромская область – 12,3%⁶. Кроме того, можно отметить значительную дифференциацию инвестиционной активности по регионам. Так, на 2017 год инвестиции в основной капитал в Московской области составили 678,3 млрд руб., Владимирской области – 79,5 млрд руб., Ярославской – 79,8 млрд руб.; этот же показатель в Ивановской области – 27,1 млрд руб., Костромской – 20,6 млрд руб.⁷ В саморазвивающихся регионах наблюдаются более высокие показатели по уровню заработной платы и доходов населения, например, соотношение среднедушевых доходов к величине прожиточного минимума в г. Москве в 2017 году составило 4,1, в Московской области – 3,6, в Калужской – 3,1, а в таких регионах, как Владимирская, Ивановская и Костромская области, около 2,6. При этом, с точки зрения оценки экономической безопасности, пороговое значение показателя составляет не менее 3,5 [19, с. 20]. Однако целью работы не является обоснование выводов и заключений относительно диспропорций в развитии исследуемых регионов, а также вопроса, идет ли саморазвитие регионов в русле национальных приоритетов или нет. Основным моментом, на который бы хотелось обратить внимание, – в регионах объективно складывается неоднородная институциональная среда для осуществления предпринимательской деятельности. В условиях территорий с недостаточным потенциалом саморазвития наблюдается низкая ем-

кость местного рынка; сжатый спрос ввиду невысокого уровня ЗП и доходов населения; ограниченный доступ к различного рода инвестиционным ресурсам; недостаточная инфраструктурная обеспеченность, что сдерживает развитие интеграции, как межрегиональной, так и международной, и др.

В подтверждение сказанному выше, опираясь на статистические данные, рассмотрим некоторые показатели развития предпринимательской деятельности в регионах центра России. Следует отметить, что по показателю числа предприятий и организаций на 2017 год видно снижение по всем исследуемым нами регионам (табл. 2).

Согласно данным таблицы можно сказать, что в таких регионах, как Владимирская, Ивановская, Калужская и Московская области, до 2015 года наблюдалось увеличение числа предприятий и организаций. На 2016 год сохранили тенденцию роста по указанному показателю только Нижегородская и Ярославская области, а на 2017 год по всем исследуемым регионам наблюдается снижение числа предприятий и организаций.

При этом число предприятий и организаций во многих регионах не достигает оптимального значения. Так, в теории и практике отмечается, что в условиях рыночной экономики нормальным показателем, по которому можно судить о «критической массе предпринимателей», является соотношение численности населения территории к числу предприятий и организаций 10–15 к 1 [20, с. 22; 21, с. 22], т. е. на одну организацию приходится 10–15 человек населения.

Однако, судя по данным табл. 3, указанный выше критерий достигается только в г. Москве, а в исследуемых нами регионах он в 2–3 раза ниже оптимального значения, что свидетельствует о недостаточной массе предпринимателей в регионах центра России. Самые низкие значения показателя во Владимирской (42,3 чел. на 1 организацию) и Костромской (39,0 чел. на 1 органи-

⁶ Рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики: Национальные счета. Валовой региональный продукт. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vrp98-17.xlsx; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 487.

⁷ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 487.

Таблица 2. Число предприятий и организаций (на конец года), ед.

Регион	Год						
	2005	2010	2013	2014	2015	2016	2017
Владимирская область	27868	35952	35383	35413	35718	34662	32376
Ивановская область	29121	32341	32911	34453	35612	34209	31698
Калужская область	27880	27135	27462	28157	28634	27930	26696
Костромская область	17274	17407	18060	17642	17836	17256	16464
Нижегородская область	87367	91533	94951	98739	103495	105357	94700
Рязанская область	31931	33642	33252	33926	33873	32556	29801
Ярославская область	41111	45021	45897	45492	46924	47136	45321
Московская область	195025	224181	243124	250244	259804	240423	239276
г. Москва	1221514	1161505	1173170	1142555	1171307	1012397	1001076

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 554, 555.

Таблица 3. Показатель критической массы предпринимателей в регионах центра России

Регион	Год				
	2005	2010	2015	2016	2017
Владимирская область	53,3	40,0	39,1	40,1	42,3
Ивановская область	37,8	32,8	28,9	30,0	32,0
Калужская область	36,7	37,2	35,2	36,3	37,9
Костромская область	40,5	38,3	36,5	37,6	39,0
Нижегородская область	39,0	36,1	31,0	30,0	34,1
Рязанская область	37,3	34,2	33,3	34,6	37,6
Ярославская область	31,9	28,2	27,1	26,9	27,9
Московская область	34,7	31,6	28,1	30,1	31,3
г. Москва	9,0	10,0	10,5	12,2	12,5

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 39, 48, 554, 555.

зацию) областях. А в Ярославской области показатель лучше, чем в таких саморазвивающихся регионах, как Московская и Калужская области. К тому же и ухудшение значения показателя по всем исследуемым регионам за последний год свидетельствует об определенных проблемах в развитии предпринимательской деятельности в них.

Кроме предприятий и организаций необходимо рассмотреть развитие предпринимательской деятельности малого бизнеса. Существенным показателем здесь может быть количество индивидуальных предпринимателей и организаций малого бизнеса на 10000 человек населения региона (табл. 4). При этом оптималь-

ное значение показателя составляет более 200 единиц.

Так, согласно данным таблицы 4, в 2017 году по г. Москве показатель числа индивидуальных предпринимателей и организаций малого бизнеса на 10000 человек населения в 2,2 раза превышает нормативное значение. Такие саморазвивающиеся регионы, как Московская и Калужская области, представлены незначительным числом малых предприятий. Высокое значение имеет показатель Ярославской (226 единиц), Ивановской (204 единицы) областей. Кроме того, за период с 2012 по 2016 год следует отметить увеличение числа индивидуальных предпринимателей и организаций малого биз-

Таблица 4. Количество индивидуальных предпринимателей и организаций малого бизнеса на 10000 человек населения региона, ед.

Регион	Год					
	2012	2013	2014*	2015	2016**	2017***
Владимирская область	125	134	131	143	146	141
Ивановская область	173	189	198	178	212	204
Калужская область	125	129	135	134	154	144
Костромская область	127	131	102	143	148	153
Нижегородская область	107	118	109	127	158	190
Рязанская область	129	136	139	151	182	167
Ярославская область	212	202	172	173	226	226
Московская область	106	108	107	117	164	169
г. Москва	201	200	201	239	417	445

* Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 1326.

** Составлено по: Регионы России. Основные характеристики субъектов РФ. 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_14s/Main.htm (дата обращения 05.06.2019).

*** Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 572–573.

неса во всех исследуемых регионах. Однако в 2017 году во Владимирской, Ивановской, Калужской и Рязанской областях наблюдается снижение данного показателя, что еще раз подчеркивает проблему недостаточно эффективной институциональной среды (ухудшение общей экономической ситуации, ограничение доступа к различного рода ресурсам и др.), сдерживающей осуществление предпринимательской деятельности в регионах. Так, например, в Ивановской и Ярославской областях, по сути, преобладает экономика «малых форм» хозяйствования (количество индивидуальных предпринимателей и организаций малого бизнеса на 10000 человек населения регионов составляет 204 и 226 единиц соответственно), что соответствует оптимальному значению и выше, чем во Владимирской, Калужской, Рязанской и Московской областях. Но без соответствующего доступа к финансовым ресурсам и инвестированию, увеличения возможностей сбыта за счет доступа к государственным и муниципальным закупкам, инфраструктурных ограничений она не может обеспечивать условия самодвижения региона. К тому же в подобного рода экономических системах слишком велика неустойчивость к внешним деструктивным воздействиям [22].

Важным моментом мотивации предпринимательской деятельности (стремление к инновациям, расширение и удержание рынка сбыта, увеличение темпов роста продаж) является наличие у предпринимателей собственного капитала. В связи с этим необходимо рассмотреть финансовые результаты деятельности предприятий, долю убыточных предприятий.

Так, согласно данным *таблицы 5*, во Владимирской, Костромской, Рязанской, Московской областях за период с 2016 по 2017 год финансовые результаты деятельности организаций снизились, а в Ивановской области отмечено их увеличение, но они по сравнению с другими регионами незначительны (примерно 1,6 млрд руб.). Также в таких регионах, как Владимирская, Калужская, Костромская, Рязанская и ряд других областей, наблюдается снижение финансовых результатов деятельности и малого предпринимательства (*табл. 6*).

Указанные моменты, а также увеличение в экономике регионов удельного веса убыточных предприятий (*табл. 7*) говорят о том, что у предприятий регионов снижается возможность инвестирования за счет собственных средств, а у трети предприятий такой возможности (развиваться за счет собственных ресурсов, а именно вкладывать

Таблица 5. Финансовые результаты деятельности предприятий и организаций (сальдированный финансовый результат, прибыль минус убыток), млн руб.

Регион	Год				
	2013	2014	2015	2016	2017
Владимирская область	22055	18951	31117	36601	32668
Ивановская область	-2670	-1632	-2797	-200	1594
Калужская область	12908	-15761	-6887	24113	37477
Костромская область	8272	6544	8799	13606	6315
Нижегородская область	80427	32135	90207	144131	143309
Рязанская область	17888	18716	22908	33412	31164
Ярославская область	8080	-2198	4903	22044	37605
Московская область	208655	88579	79333	579971	400345
г. Москва	2397441	1182043	2371081	4649271	2633786

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 1044.

Таблица 6. Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) деятельности малых предприятий, млн руб.

Регион	Год			
	2013	2014	2015	2016
Владимирская область	12685	10050	11890	10420
Ивановская область	4917	6451	7707	8317
Калужская область	9779	5574	7937	4685
Костромская область	4946	5388	5454	1789
Нижегородская область	25871	-8805	37164	35935
Рязанская область	10414	10392	7723	5473
Московская область	72865	91139	44114	34210
Ярославская область	10446	9140	9672	30882
г. Москва	333322	154243	256820	690986

Составлено по: Малое и среднее предпринимательство в России. 2017; Малое и среднее предпринимательство в России. 2015. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog (дата обращения 17.05.2019).

средства в обновление и инновации) вообще нет. В связи с этим мы можем сказать, что указанные тенденции сдерживают новаторские возможности бизнеса и не мотивируют предпринимательскую деятельность на достижение стратегических целевых установок. По сути, у значительной части бизнеса одним из основных мотивов осуществления предпринимательской деятельности явля-

ется выживаемость (на протяжении ряда лет часть предприятий в различных видах экономической деятельности убыточна и вместе с тем остается на плаву⁸).

Согласно таблице 7, высокий удельный вес убыточных предприятий на 2017 год наблюдается в Костромской (42,9%), Ивановской (39,1%), Ярославской (33,8%) областях и г. Москве (33,9%).

⁸ Так, например, в Ярославской области в таких видах экономической деятельности, как обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха, водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений, строительство, добыча полезных ископаемых и др., более 50% предприятий в течение длительного времени являются убыточными и в то же время осуществляют экономическую деятельность (см. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 1056–1057).

Таблица 7. Удельный вес убыточных предприятий, % от общего количества предприятий

Регион	Год				
	2013	2014	2015	2016	2017
Владимирская область	30,2	33,0	34,5	30,3	31,4
Ивановская область	33,2	37,3	40,3	40,5	39,1
Калужская область	31,0	34,8	34,8	31,4	30,8
Костромская область	37,0	35,9	35,6	31,8	42,9
Нижегородская область	28,2	31,2	31,6	31,1	28,5
Рязанская область	27,3	25,0	24,6	28,0	24,8
Ярославская область	40,1	38,4	36,6	32,8	33,8
Московская область	30,5	30,8	30,2	25,4	30,2
г. Москва	31,5	35,4	34,3	29,5	33,9

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 1054.

В подтверждение тому, что недостаток собственных средств сдерживает инновационную активность предприятий, в тех регионах, где отмечаются самая высокая доля убыточных предприятий и незначительные финансовые результаты деятельности организаций (Костромская и Ивановская области), по данным на 2017 год виден самый низкий среди рассматриваемых регионов удельный вес организаций, осуществляющих различные инновации (Костромская область – 2,8%, Ивановская область – 4,2%), и наоборот, в регионе с низким удельным весом убыточных предприятий (Рязанская область) удельный вес организаций, осуществляющих различные инновации, выше среднего по стране (12,1%; табл. 8).

Кроме того, следует сказать о некоторых противоречиях в развитии предпринимательской деятельности в исследуемых нами регионах. Так, зарубежный опыт свидетельствует, что экономика региона может успешно саморазвиваться, когда доля убыточных предприятий не превышает 20% от общего количества зарегистрированных предприятий [23, с. 26]. При этом, по данным Росстата, средняя доля убыточных предприятий по России в целом в 2017 году немногим более 30%. В то же время можно выделить саморазвивающиеся регионы (Московская, Калужская области, где не достигаются показатели «критической массы» предпринимателей, и г. Москву с высокими

показателями инновационной деятельности), в которых доля убыточных предприятий составляет более 30% [24]. Таким образом, противоречие состоит в том, что высокий удельный вес убыточных предприятий не означает полное отсутствие условий для обеспечения саморазвития региона.

К тому же с точки зрения рыночной экономики (неоклассической экономической теории) основной целью деятельности коммерческого предприятия является извлечение прибыли. С учетом этого обстоятельства можно выявить противоречие между теорией и практикой хозяйственной деятельности, состоящее в том, что с учетом стремления убыточного (неэффективного) предприятия к самосохранению (выживаемости) регион с высокой долей убыточных предприятий, но более качественной институциональной средой может демонстрировать некоторые условия для саморазвития. Вместе с тем встает вопрос, за счет каких источников поддерживается эта экономическая деятельность.

Несомненно, что одним из источников поддержания экономической деятельности г. Москвы, как показывают современные исследования [25], является возможность значительного инвестирования за счет бюджетных ресурсов (27,8% в структуре инвестиций в основной капитал)⁹.

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 526.

Таблица 8. Удельный вес организаций, осуществляющих различного рода инновации, % от общего числа организаций

Регион	Год				
	2013	2014	2015	2016	2017
Владимирская область	10,7	12,6	11,2	10,4	9,0
Ивановская область	8,4	6,3	4,4	3,2	4,2
Калужская область	10,9	9,7	10,9	8,5	9,0
Костромская область	7,0	6,0	8,2	8,6	2,8
Нижегородская область	15,4	14,3	13,5	12,8	11,1
Рязанская область	11,4	13,1	12,7	12,3	12,1
Ярославская область	11,0	10,3	8,7	7,1	8,3
Московская область	8,4	8,7	8,0	8,5	8,9
г. Москва	18,3	18,8	19,7	16,1	14,3

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 946.

Также в качестве такого источника в г. Москве, Московской и Калужской областях выступает рост задолженности предприятий (юридических лиц) по взятым кредитным обязательствам (табл. 9).

Так, согласно данным таблицы 9, задолженность по кредитам, предоставленным кредитными организациями юридическим лицам, за период с 2013 по 2017 год увеличилась во всех исследуемых регионах, кроме Ивановской и Костромской областей. При этом в саморазвивающихся регионах в расчете на одну организацию рост и объем задолженности весьма значительные (табл. 10).

Как видно из таблицы 10, показатель задолженности по кредитам, предоставленным кредитными организациями юридическим лицам в расчете на 1 организацию на 2017 год, имеет высокое значение в таких регионах, как г. Москва (9,04 млн руб.), Московская область (5,88 млн руб.), Калужская область (4,8 млн руб.). При этом в Ярославской области, где уровень инновационной активности предприятий близок к уровню саморазвивающихся регионов (Калужской и Московской областей), задолженность на 1 организацию составила 3,5 млн руб., что значительно выше, чем в других регионах с недостаточным потенциалом саморазвития, особенно в Ивановской (1,1 млн руб.) и Костромской (1,6 млн руб.) областях. К тому же кроме за-

долженности по кредитам источниками поддержания экономической деятельности в исследуемых нами регионах выступают и долги по заработной плате, а также задолженность перед поставщиками и бюджетом¹⁰, возможно, и другие источники. Так, например, кредиторская задолженность в расчете на 1 организацию в саморазвивающихся регионах, по данным на 2017 год, составила в г. Москве 17,2 млн руб., в Московской и Калужской областях примерно по 11,5 млн руб., что от 2,5 до 9 раз превышает значение этого показателя в регионах с недостаточным потенциалом саморазвития (Владимирская область – 4,3 млн руб., Ивановская – 1,8 млн руб., Костромская – 2,2 млн руб., Ярославская – 4,5 млн руб.)¹¹.

Таким образом, приведенные данные показывают, что одним из основных мотивов осуществления предпринимательской деятельности в регионах с недостаточным потенциалом саморазвития является самосохранение предприятия и, соответственно, выживаемость в долгосрочном периоде. Однако стремление убыточных (неэффективных) предприятий к самосохранению (выживаемости) в регионах даже с недостаточной «критической массой» предпринимателей

¹⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 1068–1077.

¹¹ Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 554, 1076.

Таблица 9. Задолженность по кредитам, предоставленным кредитными организациями юридическим лицам на начало года, млн руб.

Регион	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Владимирская область	69259	77415	88074	87898	80270	83482
Ивановская область	41361	42906	41024	35905	35094	34844
Калужская область	84824	93963	118047	125067	132016	128271
Костромская область	33399	37695	35996	31811	28024	26039
Нижегородская область	259394	300986	360226	339210	316680	334074
Рязанская область	73322	84592	89578	83157	81877	85581
Ярославская область	105095	127371	127730	126022	147942	158060
Московская область	790946	886391	1130498	1157736	1276576	1406640
г. Москва	5993433	6689713	7860912	7823531	8526599	9049734

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 1024.

Таблица 10. Задолженность по кредитам, предоставленным кредитными организациями юридическим лицам, в расчете на 1 организацию, млн руб.

Регион	Год				
	2013	2014	2015	2016	2017
Владимирская область	2,19	2,49	2,46	2,3	2,58
Ивановская область	1,3	1,19	1,01	1,03	1,1
Калужская область	3,4	4,19	4,37	4,73	4,8
Костромская область	2,09	2,04	1,8	1,62	1,6
Нижегородская область	3,3	3,65	3,3	3,0	3,53
Рязанская область	2,5	2,64	2,5	2,5	2,9
Ярославская область	2,78	2,81	2,7	3,13	3,5
Московская область	3,65	4,52	4,46	5,31	5,88
г. Москва	5,7	6,88	6,68	8,4	9,04

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 554, 555, 1024.

и высокой долей убыточных предприятий (Московская и Калужская области), но более качественной институциональной средой, может способствовать наращиванию потенциала саморазвития этого региона за счет формирования некой «долговой экономики» (роста задолженности по кредитам; перед поставщиками; по заработной плате и перед бюджетом) и других источников.

В Ивановской, Костромской, Ярославской, Владимирской и Рязанской областях сложившаяся институциональная среда, а именно неприемлемые для этих регионов условия доступа предпринимателей к кредитным ресурсам (например, «экономика малых форм» Ярославской и Ивановской

областей), ограниченные возможности собственного капитала, низкая емкость рынка и ограниченные возможности сбыта за счет доступа к государственным и муниципальным закупкам, сжатый спрос в виду невысокого уровня доходов населения, недостаточное развитие инфраструктуры и др., не мотивируют предпринимательскую деятельность на достижение стратегических целевых установок (стремление к инновациям, расширение и удержание рынка сбыта, увеличение темпов роста продаж и др.), что не создает условия для обеспечения саморазвития этих регионов.

Все сказанное выше требует адекватной политики государственного регулирования,

возможно, и других подходов к ее реализации (интеграционный подход) [26], направленной на создание качественной институциональной среды, способствующей расширению мотивов предпринимательской деятельности в условиях регионов с недостаточным потенциалом саморазвития.

Автором получены следующие результаты.

1. Системно представлены характеристики институциональной среды, способствующие мотивации предпринимателей к ведению эффективной хозяйственной деятельности.

2. Исследуемые регионы Центральной России дифференцированы на два типа –

саморазвивающиеся и регионы с недостаточным потенциалом саморазвития. Данная классификация подтверждена результатами анализа критериев по сведениям официальной статистики за 2017 год.

3. На основе исследования количественных показателей, отражающих уровень развития предпринимательства, выявлены мотивы осуществления предпринимательской деятельности в регионах с недостаточным потенциалом саморазвития и доказано, что в условиях более качественной институциональной среды эти мотивы могут создавать предпосылки для саморазвития региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
2. Ключина С.В. Монополия и локальная монополия как ее тип: история вопроса, методология, теория и практика. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2005. 285 с.
3. Wyckoff A., Colecchia A. *The Economic and Social Impact of Electronic Commerce: Preliminary Findings and Research Agenda*. London: Organization for Economic Co-Operation and Development (OECD), 1999. 166 p.
4. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 455 с.
5. Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М.: Экономика, 1997. 288 с.
6. Томпсон А., Формби Дж.П. Экономика фирмы: пер. с англ. / под общ. ред. Ю.В. Шленова. М.: Бинум, 1998. 540 с.
7. Туякбаева А.Е., ПолUTOва М.А. Предпринимательская мотивация как частный случай трудовой мотивации // Вестн. Читин. гос. ун-та. 2012. № 6. С. 70–75.
8. Региональное воспроизводство: фундаментальные вопросы теории и практики (по материалам областей Верхневолжья): науч. изд. / Б.Д. Бабаев [и др.]; под общей ред. Е.Е. Николаевой. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. 308 с.
9. Захарова Ж.А. О необходимости привлечения инвестиций в инфраструктуру региона на основе механизмов государственно-частного партнерства // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2013. № 5. С. 127–133.
10. Актуальные проблемы региональной экономики и активизация территориального фактора социально-экономического развития: монография / под ред. Б.Д. Бабаева. Иваново: ПресСто, 2013. 174 с.
11. Захарова Ж.А. О подходах к источникам саморазвития региона // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2017. № 12 (28). С. 107–114.
12. Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты, инструменты / отв. ред. Е.М. Бухвальд. М.: ИЭ РАН, 2018. 250 с.
13. Абрамова Е.А. Механизм управления региональными системами на основе синтеза государственного регулирования и мобилизации потенциала внутреннего саморазвития // Изв. вузов. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. 2014. № 2 (20). С. 34–37.

14. Бабаев Б.Д., Боровкова Н.В., Наянова Е.А. Об индикаторах уровня рыночного развития региона // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. 2015. № 8 (24). С. 228–233.
15. Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Саморазвивающиеся территориальные экономические системы: диалектика формирования и функционирования // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2010. № 3 (184). Экономика. Вып. 24. С. 5–12.
16. Sharp Je.S., Agnitsch K., Ryan V., Flora Ja. Social infrastructure and community economic development strategies: the case of self-development and industrial recruitment in rural Iowa. *Journal of Rural Studies*, 2000, vol. 18, pp. 405–417.
17. Flora C., Flora Ja.L., Green G.P., Schmidt F.E. Rural Economic Development Through Local Self-Development Strategies. *Agriculture and Human Values*, 1991, vol. 8 (3), pp. 19–24.
18. Клейнер Г.Б. Системная модернизация отечественных предприятий: теоретическое обоснование, мотивы, принципы // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 1. С. 13–24.
19. Экономическая безопасность регионов России: монография / В.К. Сенчагов [и др.]; под ред. В.К. Сенчагова. Н. Новгород, 2014. 299 с.
20. Бабаев Б.Д. Тандем: рынок и государство // Теоретическая экономика. 2011. № 4. С. 55–61.
21. Конкуренция и регион / Б.Д. Бабаев [и др.] // Теоретическая экономика. 2014. № 1. С. 21–24.
22. Автономов А.М. Раскрытие категории «саморазвитие региона» в современной экономической литературе // Вестн. ВолГУ. 2005. Сер. 9. Вып. 4. Ч. 2. С. 46–51.
23. Бувальцева В.И. Сущность и содержание процесса саморазвития // Всерос. науч. конф. «Наука и образование»: сб. науч. тр. Белово: Изд-во КемГТУ, 2002. С. 25–29.
24. Zakharova Z.A., Bogatyrev V. Interconnection between the categories of region's self-development and population's living standards. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, 2018, vol. 622, pp. 440–447.
25. Кузнецова О.В. Различия в привлекательности российских регионов для отечественных и иностранных инвесторов // Вопросы экономики. 2016. № 4. С. 86–102.
26. Бородин В.А., Ерохин А.В. Региональная интеграция как фактор повышения потенциала саморазвития территории // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 47. С. 2–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Жанна Александровна Захарова – кандидат экономических наук, доцент, Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Российская Федерация, 600017, г. Владимир, ул. Горького, д. 59а; e-mail: zjane77@mail.ru

Zakharova Zh.A.

THE MOTIVES FOR ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE REGIONS LACKING SELF-DEVELOPMENT POTENTIAL

The research subject of the article is the features and the conditions of entrepreneurship development in the regions of Central Russia. The authors emphasize the relevance of motivation for entrepreneurial activity to achieve strategic targets in the regions lacking self-development potential. The aim of the article is to identify the motives of entrepreneurial activity in the regions lacking

self-development potential and to reveal the contradictions in the development of business activities of the investigated regions. The authors use the methods of comparison and analogy, analysis and synthesis, abstract-logical method when describing the quality of the institutional environment facilitating effective business activities, the dialectical method when detecting the contradictions for entrepreneurship development. The study determined that the institutional environment of entrepreneurial activity established in the regions lacking self-development potential constrains the innovative capacity of business and does not motivate entrepreneurial activity to achieve strategic goals (expansion and retention of market, increase of sales growth rate, etc.). One of the main motives for entrepreneurial activity in the regions is the enterprise's self-preservation (survival in the long run) contributing to the raising of the regions' self-development potential given the formation of "debt economy". The obtained results can be used by public authorities both at Federal and regional level as an information base for development and implementation of the measures of entrepreneurship's state support in order to create a high-quality institutional environment for its implementation in the regions lacking self-development potential, as well as by professionals studying this issue. The article focuses on the development of the theory of state regulation of entrepreneurial activity of the regions lacking self-development potential. Further exploratory research may be focused on the identification of the underutilized sources of the regions' self-development potential raising and the development of tools for the creation of conditions for its achievement.

Motives for entrepreneurial activity, institutional environment, region, region's self-development.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zhanna A. Zakharova – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Vladimir Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration". 59A, Gorky Street, Vladimir, 600017, Russian Federation; e-mail: zjane77@mail.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.3

УДК 33.214.22 | ББК 65.050

© Губанова Е.С., Москвина О.С.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ¹

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ГУБАНОВА

Вологодский государственный университет
Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: gubanova_elena@mail.ru

ORCID: [0000-0002-8498-5630](https://orcid.org/0000-0002-8498-5630); ResearcherID: [S-4888-2019](https://orcid.org/S-4888-2019)

ОЛЬГА СЕРАПИОНОВНА МОСКВИНА

Вологодский государственный университет
Российская Федерация, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81
E-mail: osm250606@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-1487-0424](https://orcid.org/0000-0002-1487-0424)

Серьезным препятствием для сбалансированного и устойчивого развития российских регионов является существование значительных диспропорций по важнейшим экономическим и социальным параметрам, что в немалой степени обусловлено распределением инвестиционных потоков. Направления вложений инвестиций определяются инвестиционным потенциалом территорий, формирование и использование которого зависит от совокупности экономических и неэкономических факторов. Поэтому важное место в управлении развитием региона занимает оценка инвестиционного потенциала, позволяющая создать информационную основу выбора регулирующих воздействий с целью повышения инвестиционной привлекательности, мобилизации ресурсов территорий и повышения качества экономического роста региона и муниципальных образований. Это определило цель настоящей статьи и позицию авторов по обоснованию методического подхода к оценке инвестиционного потенциала, содержание которого увязано

Для цитирования: Губанова Е.С., Москвина О.С. Методические основы оценки инвестиционного потенциала муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 37–51. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.3

For citation: Gubanova E.S., Moskvina O.S. Methodical bases of assessment of municipal structures' investment potential. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 37–51. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.3

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Правительства Вологодской области в рамках государственного научного гранта «Управление пространственным развитием региона в условиях перехода к новому технологическому укладу: методология исследования и механизм реализации».

с представлением авторов о сущности данного понятия. В рамках исследования рассмотрены существующие подходы к оценке инвестиционного потенциала с позиций их достоинств и недостатков, разработан алгоритм оценки и проведена его апробация на материалах Вологодской области. В статье представлены основные результаты оценки инвестиционного потенциала в разрезе пяти частных потенциалов (трудового, производственного, материально-технического, финансового и потребительского), выполнена типология муниципальных районов по уровню инвестиционного потенциала и инвестиционной активности, предложены территориальные стратегии инвестиционного развития с учетом территориальных и отраслевых аспектов. Научная новизна исследования состоит в том, что авторами предложен подход к оценке инвестиционного потенциала территорий, который увязан с содержанием данного понятия и соединяет в себе достоинства интегрального и матричного подходов. Полученные результаты могут быть использованы региональными и муниципальными органами власти при разработке инвестиционной политики, формировании системы организационно-экономических механизмов активизации инвестиционных процессов в регионе, а также органами власти и управления при разработке стратегических документов, определяющих пространственное развитие территорий на перспективу. Материалы исследования, представленные в статье, могут быть интересны для обсуждения в научной дискуссии, использования в научной и учебной деятельности.

Инвестиционный потенциал, регион, оценка, пространственная неравномерность инвестиционного развития, Вологодская область.

Среди проблем, затрудняющих устойчивое развитие регионов, особое место занимает проблема неравномерности социально-экономического развития. К ней обращено внимание как отечественных, так и зарубежных ученых [1; 2]. В Вологодской области территориальные диспропорции проявляются в концентрации экономической деятельности вблизи крупных городов – Вологды, Череповца и Великого Устюга и в существовании значительных различий между территориями вблизи указанных центров и остальными муниципалитетами. Это в полной мере касается и распределения инвестиционных потоков, направления которых определяются уровнем экономической активности. Данные табл. 1 наглядно представляют конфигурацию инвестиций в области.

Большинство муниципальных районов не получают достаточного количества вложений, что в будущем может негативно отразиться на их социально-экономическом развитии. Преодоление негативных тенденций территориального развития и привлечение инвестиций в экономику муниципальных районов является ключевой задачей для Вологодской области. Инвестиционный

потенциал выступает одним из важнейших факторов реализации стратегических и тактических целей территориального развития, оказывая влияние на объем общественного производства и занятость населения, структурные сдвиги в экономике, повышение качественных показателей деятельности на всех уровнях хозяйствования. Очевидно, что активизация инвестиционных процессов и наращивание инвестиционного потенциала создадут предпосылки для экономического роста, повышения эффективности использования ресурсов и факторов производства отдельных территорий, решения социальных проблем в муниципальных районах региона. Эти обстоятельства обусловили цель настоящей статьи, которая состоит в обосновании методического подхода к оценке инвестиционного потенциала муниципальных районов региона. Его апробация проведена на материалах Вологодской области.

Актуальность и сложность данного исследовательского направления связана с неоднозначностью теоретических подходов к интерпретации категориального аппарата [3]. Термин «инвестиционный потенциал» стал использоваться с 1990-х гг.,

Таблица 1. Группировка муниципальных образований Вологодской области по объему инвестиций, % от общего объема инвестиций в регион

Более 10	От 10 до 3	От 3 до 1	Менее 1
2008 год			
г. Вологда, г. Череповец	Велико- устюгский	Вологодский, Вожегодский, Вытегорский, Грязовецкий, Кадуйский, Тотемский, Сокольский, Харовский, Чагодощенский, Череповецкий, Шекснинский	Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Верховажский, Кирилловский, Кичм.-Городецкий, Междуреченский, Никольский, Нюксенский, Сямженский, Тарногский, Усть-Кубинский, Устюженский
2012 год			
г. Вологда, г. Череповец	-	Белозерский, Великоустюгский, Вологодский, Вытегорский, Грязовецкий, Нюксенский, Сокольский, Тарногский, Шекснинский	Бабаевский, Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Кирилловский, Кадуйский, Кичм.-Городецкий, Междуреченский, Никольский, Сямженский, Тотемский, Усть-Кубинский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Череповецкий
2017 год			
г. Вологда, г. Череповец	Грязовецкий, Между- реченский, Нюксенский, Тотемский	Великоустюгский, Вологодский, Вытегорский, Кадуйский, Сокольский, Тарногский, Шекснинский	Бабаевский, Бабушкинский, Белозерский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Кирилловский, Кичм.-Городецкий, Никольский, Сямженский, Усть-Кубинский, Устюженский, Харовский, Чагодощенский, Череповецкий
Источник: составлено авторами.			

когда наряду с понятием «капитальные вложения» появилось и стало распространяться понятие «инвестиции». Однако, несмотря на такую длительную историю использования термина «инвестиционный потенциал», точки зрения ученых по поводу его сущности характеризуются определенными отличиями. Анализ искомого понятия позволил выделить три крупные группы подходов, с позиций которых можно определить особенности названной дефиниции (табл. 2).

Обратим внимание на то, что ресурсно-результативный подход представляется нам наиболее обоснованным, поскольку при оценке потенциала необходимо исследовать и измерить ресурсную и результативную составляющие. Так, ресурсная составляющая, отражающая совокупность инвестиционных ресурсов, будет оцениваться путем измерения частных потенциалов, а результативная составляющая, отражающая способность

территории к инвестиционному развитию, – посредством измерения инвестиционной активности.

Обзор работ отечественных авторов, посвященных методическим подходам к оценке инвестиционного потенциала территории, показал, что можно выделить шесть наиболее распространенных подходов, достоинства и недостатки которых обсуждаются в научных дискуссиях (табл. 3).

1. Подход на основе использования универсальных показателей [13], к основным из которых относятся: инвестиции в основной капитал, среднедушевой объем инвестиций, уровень прибыли на вложенный капитал и т. д.

2. Рейтинговый подход [14; 15], связанный с ранжированием территорий в зависимости от уровня инвестиционного потенциала на основе статистических и (или) экспертных данных.

Таблица 2. Сравнительный анализ теоретических подходов к дефиниции «инвестиционный потенциал»

Подход	Сущность подхода	Достоинства	Недостатки
Ресурсный подход	Совокупность инвестиционных ресурсов, капитала и других факторов, обеспечивающих осуществление инвестиционной деятельности на территории субъектом рынка [4–6]	Позволяет провести количественную оценку ресурсов территории, которые могут быть вовлечены в инвестиционный процесс	Отсутствие возможности для сопоставления привлекаемых ресурсов с полученными результатами; ориентация на экстенсивный подход к развитию территории
Результативный подход	Суммарный результат (доход, эффект) от привлечения инвестиционных ресурсов и реализации инвестиционных проектов субъектами рынка территории [7–9]	Позволяет оценить эффект от реализации инвестиционного потенциала; позволяет оценить экономическую, социальную, коммерческую, бюджетную и другие виды эффективности от привлечения инвестиций и реализации инвестиционных проектов	Отсутствие возможности сопоставления привлекаемых ресурсов с полученными результатами; невозможность выделения экстенсивных и интенсивных факторов, влияющих на полученный результат, от инвестирования территории
Ресурсно-результативный подход	Способность (готовность) территории реализовать возможности, содержащиеся в ее инвестиционных ресурсах, в целях достижения положительного максимального результата (эффекта) [10–12]	Позволяет сопоставить привлекаемые ресурсы с полученными результатами; позволяет оценить способность территории реализовать возможности для активизации инвестиционной деятельности	Сложность количественной оценки и сопоставления ресурсных и результативных показателей, используемых в подходе
Источник: составлено авторами.			

3. Интегральный подход [16; 17], представляющий собой группировку территорий в зависимости от уровня инвестиционного потенциала на основе статистических и (или) экспертных данных с расчетом интегрального показателя.

4. Факторный подход [18–20], основанный на группировке территорий в зависимости от оценки факторов, оказывающих влияние на инвестиционное развитие региона.

5. Кластерный подход [21; 22], который базируется на выделении кластеров – совокупности территорий в зависимости от уровня инвестиционного потенциала (без формирования интегрального показателя).

6. Матричный подход [23], включающий группировку территорий на основе сопоставления различных компонент инвестиционного развития (например ресурсов/результатов, частного потенциала / совокупного потенциала и т. д.). Данный подход чаще всего применяется при обосновании стратегии развития территорий.

Во многом выбор того или иного подхода определяется спецификой решаемых задач, объемом анализируемой информации и ее достоверностью, уровнем сложности способов обработки данных и возможностью интерпретации результатов.

Учитывая указанные особенности методических подходов и принимая во внимание позицию авторов по вопросу сущности изучаемой категории, полагаем, что в основу оценки инвестиционного потенциала должен быть положен подход, соединяющий в себе достоинства интегрального и матричного подходов. Это позволит не только оценить возможности инвестиционного развития территории, но и сопоставить инвестиционный потенциал территории с уровнем ее инвестиционной активности в текущем периоде и динамике. К отличительным особенностям предлагаемого подхода следует отнести: во-первых, универсальный характер, предполагающий его использование для любых типов территорий; во-вторых,

Таблица 3. Достоинства и недостатки методических подходов к оценке инвестиционного потенциала территорий

Методический подход	Достоинства подхода	Недостатки подхода
1. Оценка универсального показателя	Простота, наглядность, доступность статистических данных	Узость; субъективизм при выборе универсального показателя; отсутствие возможности измерения влияния различных факторов и результатов инвестиционной деятельности территории
2. Рейтинговый подход	Простота, наглядность, доступность статистических данных, возможность количественной оценки инвестиционного потенциала территории	Субъективность отбора показателей; невозможность оценивания отставания территорий друг от друга; подход не позволяет в содержательной полноте оценить динамику развития отдельных территорий, только лишь перемещение рангов относительно друг друга
3. Интегральный подход	Наглядность, возможность оценки динамики развития территорий, возможность количественной оценки инвестиционного потенциала, возможность оценивания отставания территорий друг от друга	Субъективность отбора показателей, субъективность при выборе метода агрегирования в интегральный показатель
4. Факторный подход	Взаимодействие многих факторов и показателей, использование качественных и количественных показателей, наглядность полученных результатов	Сложность и трудоемкость расчетов, отсутствие точно определенного набора факторов, воздействующих на инвестиционный потенциал; высокая доля субъективизма при выборе факторов
5. Кластерный подход	Анализ большого объема информации, разработанные алгоритмы кластеризации в программе «Статистика»	Сложность и трудоемкость расчетов; субъективизм при выборе показателей и метода кластеризации; итоговые данные, полученные при использовании кластерного анализа, требуют проверки
6. Матричный подход	Простота алгоритма составления, наглядность, возможность группировки территорий по нескольким признакам	Сложность обработки при больших массивах информации
Источник: составлено авторами.		

возможность решения комплекса взаимосвязанных задач – измерить потенциал инвестирования, оценить готовность территории к его наращиванию, составить типологическую группировку районов по уровню инвестиционного потенциала и инвестиционной активности, которая может стать информационной основой принятия управленческих решений. Предлагаемый подход осуществляется с помощью последовательного выполнения нескольких этапов (рис.).

На подготовительном этапе в ходе формирования и стандартизации информационной базы исследования важное место занимает выбор показателей для оценки инвестиционного потенциала муниципаль-

ных районов, который следует производить исходя из следующих положений:

- система показателей должна обеспечивать комплексную характеристику инвестиционного потенциала в территориальном разрезе региона;

- совокупность показателей должна быть гибкой, т. е. отражать все изменения, происходящие в инвестиционной сфере региона;

- число показателей должно быть ограничено и сопряжено с особенностями региональной и муниципальной статистики и ее возможностями для проведения сопоставимой оценки инвестиционного потенциала в территориальном разрезе.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП	<p>Формирование базы исходной информации для измерения инвестиционного потенциала каждого муниципального района (в разрезе показателей частных потенциалов).</p> <p>По каждому показателю определяется среднее значение, которое принимается за эталон и приравнивается к единице. Остальные показатели пересчитываются в долях от единицы путем деления этих показателей на эталонный, таким образом, формируется матрица стандартизованных коэффициентов:</p> $Y_{ij} = \frac{X_{ij}}{X_{\text{средн}}},$ <p>где: Y_{ij} – стандартизованный коэффициент j-го частного потенциала по i-му региону; X_{ij} – значение показателя j-го частного потенциала по i-му региону; $X_{\text{средн}}$ – среднее значение показателя j-го частного потенциала по всей совокупности регионов.</p>
	<p>Формирование базы исходной информации в виде стандартизованных показателей для измерения инвестиционного потенциала каждого муниципального района (в разрезе показателей частных потенциалов).</p>
ОЦЕНОЧНЫЙ ЭТАП	<p>Для определения интегрального показателя частного потенциала (I_{ij}) все элементы матрицы стандартизованных коэффициентов возводятся в квадрат. Полученные значения умножают на весовые коэффициенты показателей, после чего результаты складываются по строкам, из полученной суммы извлекается квадратный корень:</p> $I_{ij} = \sqrt{\sum Y_{ij} \cdot K_{ij}},$ <p>где: K_{ij} – весовой коэффициент j-го частного потенциала по i-му региону. При формировании I_{ij} весовые коэффициенты для каждого показателя приравнивались к 1.</p>
	<p>Для определения инвестиционного потенциала ($I_{\text{инв}}$) значения частных потенциалов суммируются по каждому муниципальному району:</p> $I_{\text{инв}} = \sum I_{ij} \cdot K_j,$ <p>где: K_j – весовой коэффициент j-го частного потенциала. При формировании $I_{\text{инв}}$ весовые коэффициенты для каждого частного потенциала приравнивались к 1.</p>
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП	<p>В соответствии с полученными значениями $I_{\text{инв}}$ муниципальные районы группируются на типы: с высоким, средним и низким уровнем потенциала. Величина интервала (Int) для группировки определяется по формуле:</p> $Int = \frac{I_{\text{инв.max}} - I_{\text{инв.min}}}{n},$ <p>где: $I_{\text{инв.max}}$ – максимальное значение инвестиционного потенциала по совокупности анализируемых территорий; $I_{\text{инв.min}}$ – минимальное значение инвестиционного потенциала по совокупности анализируемых территорий; n – число формируемых групп по уровню инвестиционного потенциала.</p>
	<p>Оценка инвестиционной активности проводится по двум показателям: индекс физического объема инвестиций (%); объем инвестиций на душу населения по отношению к среднему уровню по региону (разы). На их основе проводится группировка муниципальных районов по уровню инвестиционной активности:</p> <ul style="list-style-type: none"> – высокая инвестиционная активность; – средняя (стабильная) инвестиционная активность; – средняя (нестабильная) инвестиционная активность; – низкая инвестиционная активность. <p>С использованием матрицы «инвестиционный потенциал – инвестиционная активность» формируется группировка муниципальных районов, определяющая их позиции в указанной системе координат:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1 группа – «Территории роста» (высокий уровень инвестиционной активности / высокий и средний уровень инвестиционного потенциала); 2 группа – «Территории устойчивого развития» (устойчивый средний уровень инвестиционной активности / высокий и средний потенциал); 3 группа – «Территории потенциального развития» (высокая и средняя инвестиционная активность / низкий инвестиционный потенциал); 4 группа – «Территории неиспользованных возможностей» (низкая инвестиционная активность / низкий инвестиционный потенциал). <p>Представленная группировка позволяет оценить способность территории к наращиванию инвестиционного потенциала и сформировать стратегии территориального развития муниципальных районов региона.</p>

Рис. Содержание и результаты этапов оценки инвестиционного потенциала муниципальных образований

* Porter M.E. Regions and the New Economics of Competition: Global City-Regions: Trends, Theory, Policy. Oxford: Oxford University Press, 2001.

Источник: составлено авторами.

С учетом сказанного выше показатели, характеризующие разные аспекты инвестиционного потенциала муниципальных образований, группируются в пять оценочных блоков (частных потенциалов) (табл. 4).

Выбор указанных в таблице частных потенциалов обоснован тем, что каждый из

них характеризует определенный вид инвестиционных ресурсов, которые в совокупности создают основу для реализации инвестиционного процесса.

Целью второго этапа является измерение уровня инвестиционного потенциала муниципальных районов в соответствии с инфор-

Таблица 4. Показатели для оценки инвестиционного потенциала муниципальных районов региона

Частные потенциалы	Показатели	Характеристика частного потенциала
Трудовой потенциал	Коэффициент естественного прироста (убыли) населения на душу населения, чел.; коэффициент миграционного прироста (убыли) населения на душу населения, чел.; среднегодовая численность работающих в организациях муниципального района, % к итогу по региону	Характеризует потенциальные возможности муниципального района в привлечении трудовых ресурсов в хозяйственную деятельность территории региона
Производственный потенциал	Объем промышленной продукции на душу населения, тыс. руб.; объем продукции сельского хозяйства на душу населения, тыс. руб.; ввод в действие жилых домов, м ² на душу населения	Характеризует потенциальные возможности осуществления хозяйственной деятельности предпринимательских структур
Материально-технический потенциал	Стоимость основных фондов в организациях муниципального района, % к итогу по региону; фондообеспеченность организаций муниципального района, тыс. руб. / чел.; коэффициент обновления основных фондов, %	Характеризует потенциальные возможности материально-технической базы организаций муниципального района для реализации инвестиционной деятельности
Финансовый потенциал	Сумма сальдированного финансового результата на душу населения, тыс. руб.; бюджетные средства в инвестициях в территории на душу населения, тыс. руб.; среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, тыс. руб.	Характеризует потенциальные возможности муниципального района региона по привлечению финансовых ресурсов, которые могут быть включены в инвестиционный процесс территории
Потребительский потенциал	Розничный товароборот на душу населения, тыс. руб.; услуги общественного питания на душу населения, тыс. руб.; платные услуги на душу населения, тыс. руб.	Характеризует совокупную покупательскую способность населения территории, т. е. его платежеспособный спрос на товары, продукцию, работы, услуги
Источник: составлено авторами.		

мационной базой исследования, основу которой составляют официальные данные территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. Период наблюдения составил десять лет (2008–2017 гг.), число муниципальных районов – 26 (из анализа были исключены города Вологда и Череповец). На основании результатов измерения инвестиционного потенциала в разрезе частных потенциалов (трудовой, производственный, материально-технический, финансовый, потребительский) были сделаны следующие выводы.

1. Трудовой потенциал позволяет оценить важнейший фактор производства, который в значительной степени влияет на инвестиционную привлекательность тер-

ритории, – трудовые ресурсы муниципального района. На развитие трудового потенциала в районах Вологодской области в 2008–2017 гг. оказали сильное воздействие разнонаправленная динамика демографических процессов и кризисная экономическая ситуация во многих муниципальных образованиях. В ходе исследования установлено, что на протяжении анализируемого периода только пять районов (Вологодский, Кадуйский, Кирилловский, Череповецкий и Шекснинский) смогли удержать устойчивые позиции на рынке труда. Это было обусловлено следующими факторами: снижением естественной убыли и миграционного оттока населения, сохранением лидирующих позиций в промышленном и сельско-

хозяйственном производстве, а также выгодным положением по отношению к рынкам товаров и услуг. Для остальных районов области сохраняется негативная тенденция, что говорит о серьезных проблемах формирования и использования трудового потенциала.

2. Производственный потенциал, характеризующий способность социально-экономической системы производить материальные блага, отражает возможности обеспечения экономического роста территории. Его формирование в области обусловлено сложившейся отраслевой и территориальной структурой в разрезе видов экономической деятельности. От этого обстоятельства во многом зависит крайне выраженная неравномерность распределения производственного потенциала по муниципальным районам. Наиболее высокий потенциал характерен для тех муниципалитетов, которые являются основными производителями промышленной, сельскохозяйственной и строительной продукции, – это районы, расположенные вблизи крупных центров области.

3. Что касается материально-технического потенциала, то в целом для экономики Вологодской области характерно постепенное восстановление материально-технической базы предприятий и организаций. Это находит свое отражение в увеличении индекса физического объема основных фондов, коэффициентов обновления и выбытия. Однако уровень износа основных фондов в области по-прежнему остается высоким – 48,8%. Отметим при этом, что некоторые районы области (Шекснинский, Белозерский, Кадуйский, Харовский, Тотемский, Грязовецкий) демонстрируют положительную динамику обновления материально-технической базы, что создает благоприятные предпосылки для активизации экономической деятельности.

4. Финансовый потенциал характеризует возможности муниципального района по привлечению финансовых ресурсов, которые могут быть включены в инвестиционный процесс территории. На протяжении

анализируемого периода в группах среди районов происходили заметные изменения, что объясняется нестабильностью всех показателей, по которым определялся искомый потенциал. Сальдированный финансовый результат очень чутко реагировал на колебания рыночных цен, особенно товаров лесопромышленного и агропромышленного комплексов. Это, в свою очередь, оказало заметное влияние на величину средней номинальной заработной платы в районах области (разница между максимальным и минимальным показателем составляет порядка 15–20 тыс. руб.) и на объемы бюджетных средств, выделяемых для целей инвестирования. В результате указанных процессов происходит сужение финансовой базы инвестирования многих муниципалитетов.

5. Потребительский потенциал, характеризующий совокупную покупательскую способность населения, т. е. его платежеспособный спрос на товары и услуги, является важным индикатором не только достаточности доходов населения, но и определения динамично развивающихся отраслей, товары которых пользуются спросом. В сравнении с другими потенциалами данный потенциал отличает определенная стабильность позиций районов по его уровням. Заметим, что в числе лидеров находятся районы, где активно развивается туристическая отрасль, отличающаяся возможностями увеличения оборота товаров и услуг за счет не только местного населения, но и туристов из других регионов.

Главная цель заключительного этапа состоит в построении типологической группировки муниципальных районов на основе сопоставления их инвестиционного потенциала и уровня инвестиционной активности. Используя данные, характеризующие частные потенциалы, и в соответствии с алгоритмом методики (см. рис.) была выполнена интегральная оценка инвестиционного потенциала муниципальных районов Вологодской области (табл. 5). Внутри таблицы муниципальные районы проранжированы в соответствии с уровнем инвестиционного потенциала.

Таблица 5. Интегральная оценка инвестиционного потенциала муниципальных районов Вологодской области

Высокий потенциал	Средний потенциал	Низкий потенциал
2008 год		
Шекснинский, Кадуйский, Вологодский, Чагодощенский	Сокольский, Усть-Кубинский, Вытегорский, Кирилловский, Череповецкий, Грязовецкий	Великоустюгский, Тотемский, Бабаевский, Харовский, Бабушкинский, Белозерский, Устюженский, Тарногский, Вожегодский, Междуреченский, Сямженский, Вашкинский, Кичм.-Городецкий, Верховажский, Никольский, Нюксенский
2012 год		
Вологодский, Череповецкий	Вытегорский, Кадуйский, Чагодощенский, Шекснинский, Вытегорский, Грязовецкий, Великоустюгский	Сокольский, Бабаевский, Кирилловский, Белозерский, Тотемский, Тарногский, Харовский, Нюксенский, Сямженский, Усть-Кубинский, Верховажский, Никольский, Устюженский, Междуреченский, Вашкинский, Кичм.-Городецкий, Вожегодский, Бабушкинский
2017 год		
Шекснинский, Вологодский, Кирилловский, Грязовецкий	Сокольский, Великоустюгский, Вытегорский, Кадуйский, Нюксенский, Белозерский, Тотемский	Харовский, Чагодощенский, Бабаевский, Череповецкий, Сямженский, Междуреченский, Усть-Кубинский, Бабушкинский, Никольский, Вашкинский, Тарногский, Вожегодский, Верховажский, Устюженский, Кичм.-Городецкий
Источник: составлено авторами.		

Анализ таблицы 5 позволяет сделать следующие выводы.

1. Сохраняют высокий уровень инвестиционного потенциала на протяжении анализируемого периода Вологодский и Шекснинский муниципальные районы, что обусловлено совокупностью факторов, среди которых следует выделить экономико-географическое положение, концентрацию населения и предприятий промышленного и агропромышленного комплексов, емкий рынок товаров и услуг.

2. Постепенно повышали свой потенциал и перешли в группу районов с высоким уровнем потенциала Кирилловский и Грязовецкий муниципальные районы. Укреплению позиций указанных муниципалитетов способствовало синхронное развитие ряда отраслей: транспортного строи-

тельства, туризма, сельского хозяйства, лесной и пищевой промышленности.

3. Упрочили свои позиции в группе со средним уровнем потенциала Белозерский, Вытегорский, Великоустюгский, Кадуйский, Нюксенский, Сокольский, Тотемский муниципальные районы во многом благодаря тому, что основу экономики этих районов отличает сочетание отраслей промышленности (заготовка и обработка древесины, производство продуктов питания), сельского хозяйства и непромышленной сферы (туризм). Однако серьезными проблемами для развития некоторых муниципалитетов являются миграционная убыль населения, недостаточность финансовых ресурсов и темпов обновления производства.

4. Заметна готовность перейти в группу со средним уровнем потенциала

у Харовского, Чагодощенского, Бабаевского и Череповецкого районов. Они имеют прочные позиции в развитии отдельных (одна-две) отраслей экономики, довольно выгодное транспортно-географическое положение, но этих факторов явно недостаточно для удержания текущих позиций. Наиболее сложной остается ситуация с накоплением финансовых ресурсов для инвестиционных целей.

5. Группа районов с низким уровнем инвестиционного потенциала за исследуемый период изменилась незначительно. Но удручающе выглядит тот факт, что десять муниципалитетов остаются в этой группе на позициях районов с самым низким уровнем потенциала.

Для оценки уровня инвестиционной активности муниципальных районов, отражающей результат инвестиционного процесса, за 2008–2017 гг. была проведена группировка территорий по двум показателям: индекс физического объема инвестиций (2017 год к 2008 году, %); объем инвестиций на душу населения по отношению к среднему уровню по региону (разы, в среднем за 2008–2017 гг.). Последний показатель определялся в среднем за анализируемый период, данные рассчитывались в сопоставимой оценке к уровню 2008 года (табл. 6).

Представленные данные таблицы позволяют сгруппировать муниципальные районы Вологодской области по уровню инвестиционной активности за анализируемый период следующим образом:

- к группе с высоким уровнем инвестиционной активности относятся территории с индексом выше 100% и объемом инвестиций на душу населения по отношению к среднему уровню по региону выше 0,5;

- в группу со средним (устойчивым) уровнем инвестиционной активности попадают территории с индексом от 50 до 100% и объемом инвестиций на душу населения по отношению к среднему уровню по региону выше 0,5;

- к группе со средним (неустойчивым) уровнем инвестиционной активности относятся территории с индексом ниже 50% и объемом инвестиций на душу населения по отношению к среднему уровню по региону выше 0,5;

- группа с низким уровнем инвестиционной активности включает территории с уровнем индекса менее 100% и объемом инвестиций на душу населения по отношению к среднему уровню по региону менее 0,5.

Группировка муниципальных районов Вологодской области по уровню инвести-

Таблица 6. Инвестиционная активность муниципальных районов Вологодской области

		Объем инвестиций на душу населения по отношению к среднему уровню по региону (в сопоставимой оценке, в среднем за 2008–2017 гг.), раз			
		более 1	от 0,5 до 1	от 0,25 до 0,5	менее 0,25
Индекс физического объема инвестиций, 2017 год к 2008 году, %	более 200%	Белозерский, Грязовецкий, Кадуйский, Междуреченский, Нюксенский, Тотемский	Бабаевский, Тарногский, Харовский	–	–
	более 100%	Кирилловский	Сокольский	–	–
	более 50%	Вологодский, Вытегорский, Шекснинский, Чагодощенский	Великоустюгский	Вашкинский, Сямженский	Бабушкинский
	менее 50%	–	Вожегодский, Усть-Кубинский, Череповецкий	Верховажский, Устюженский	Кичм.-Городецкий, Никольский

Источник: составлено авторами.

ционной активности за 2008–2017 гг. представлена в *табл. 7*.

Как видно из таблицы, самая многочисленная группа районов – это муниципалитеты, имеющие высокий уровень инвестиционной активности, группы районов со средним (устойчивым и неустойчивым) и низким уровнем активности примерно равные.

Завершающим шагом заключительно-го этапа является построение матрицы, ко-

торая позволит определить место каждого района в координатах «инвестиционный потенциал – инвестиционная активность» (*табл. 8*).

При построении матрицы используются данные по уровню инвестиционного потенциала (за 2017 год) и инвестиционной активности территорий (за анализируемый период). На основании представленной матрицы осуществляется группировка муниципаль-

Таблица 7. Группировка муниципальных районов Вологодской области по уровню инвестиционной активности

Высокий уровень инвестиционной активности	Средний (устойчивый) уровень инвестиционной активности	Средний (неустойчивый) уровень инвестиционной активности	Низкий уровень инвестиционной активности
Бабаевский, Белозерский, Грязовецкий, Кадуйский, Кирилловский, Междуреченский, Нюксенский, Сокольский, Тотемский, Тарногский, Харовский	Великоустюгский, Вологодский, Вытегорский, Шекснинский, Чагодощенский	Вожегодский, Усть-Кубинский, Череповецкий	Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Кичм.-Городецкий, Никольский, Сямженский, Устюженский
Источник: составлено авторами.			

Таблица 8. Группировка муниципальных районов Вологодской области по уровню инвестиционного потенциала и инвестиционной активности

		Уровень инвестиционной активности			
		высокая активность	средняя активность (устойчивая)	средняя активность (неустойчивая)	низкая активность
Уровень инвестиционного потенциала	высокий потенциал	Грязовецкий, Кирилловский	Вологодский, Шекснинский	–	–
	средний потенциал	Сокольский, Кадуйский	Великоустюгский, Вытегорский, Нюксенский, Белозерский, Тотемский	–	–
	низкий потенциал	Бабаевский, Междуреченский, Тарногский, Харовский	Чагодощенский	Вожегодский, Усть-Кубинский, Череповецкий	Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Кичм.-Городецкий, Никольский, Сямженский, Устюженский
Источник: составлено авторами.					

ных образований по следующим типам: территории роста, территории стабильного развития, территории потенциального развития, территории недоиспользованных возможностей (табл. 9).

Каждый тип территорий обладает своими особенностями и характеристиками, что следует принять во внимание при разработке управленческих воздействий.

Тип 1 «Территории роста». Муниципальные образования этой группы отличаются высокий уровень инвестиционной активности, а также высокий и средний уровень инвестиционного потенциала, они обладают всеми видами инвестиционных ресурсов для укрепления своих позиций в качестве полюсов роста региональной экономики. Стратегия развития территорий данной группы предусматривает сохранение и приумножение инвестиционного потенциала, повышение инвестиционной активности как в традиционных отраслях, так и в отраслях нового технологического уклада, что усилит конкурентоспособность этих муниципальных районов [11; 24].

Тип 2 «Территории устойчивого развития». Уровень инвестиционной активности этих территорий характеризуется устойчивостью показателей как инвестиционной активности, так и инвестиционного потенциала. Стратегия развития территорий данной группы должна быть направлена на наращивание инвестиционного потенциала и более эффективное его использование

в перспективе с опорой на развитие и модернизацию традиционных отраслей специализации – лесная и деревообрабатывающая промышленность, пищевая промышленность и туризм.

Тип 3 «Территории потенциального развития». Инвестиционная деятельность в районах этой группы в исследуемый период отличалась достаточной активностью, однако низкий уровень инвестиционного потенциала может оказаться серьезным препятствием для их устойчивого развития. Ключевыми направлениями стратегии развития указанных муниципалитетов должны стать повышение качества и доступности услуг социальной сферы и диверсификация экономик районов. Это позволит упрочить все составляющие инвестиционного потенциала и повысить эффективность его использования.

Тип 4 «Территории недоиспользованных возможностей». Муниципальные районы этой группы отличают самые низкие показатели инвестиционной активности и инвестиционного потенциала, поэтому они нуждаются в поддержке со стороны органов власти и управления региона. Полагаем, что характер такого воздействия должен стимулировать эффективное использование инвестиционного потенциала. Стратегически важно укрепить трудовой потенциал муниципалитетов путем модернизации предприятий социальной сферы, стимулирования развития малого бизнеса, снятия инфра-

Таблица 9. Типы муниципальных районов Вологодской области по уровню инвестиционного потенциала и инвестиционной активности

Территории роста	Территории устойчивого развития	Территории потенциального развития	Территории недоиспользованных возможностей
Вологодский, Грязовецкий, Кирилловский, Шекснинский	Белозерский, Великоустюгский, Вытегорский, Кадуйский, Нюксенский, Тотемский, Сокольский	Бабаевский, Междуреченский, Тарногский, Харовский, Чагодощенский	Бабушкинский, Вашкинский, Верховажский, Вожегодский, Кичм.-Городецкий, Никольский, Сямженский, Устюженский, Усть-Кубинский, Череповецкий

Источник: составлено авторами.

структурных ограничений для повышения активности в инвестиционной сфере.

В заключение отметим, что необходимость и значимость проведения оценки инвестиционного потенциала территории подтверждаются возможностью разработки направлений и обоснования методов и инструментов воздействия с опорой на ее результаты в рамках государственной инвестиционной политики, направленной на решение социальных и экономических проблем муниципальных районов [11; 23; 25; 26].

Методический подход, предложенный авторами, основан на применении инте-

грального и матричного подходов, что позволяет измерить статический и динамический уровень инвестиционного потенциала, провести типологию муниципальных районов по уровню инвестиционного потенциала и инвестиционной активности и обосновать направления стратегии территориального развития. Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты оценки могут служить информационной базой для принятия управленческих решений, позволяющих активизировать развитие инвестиционных процессов в регионах РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с.
2. Porter M.E. *Regions and the New Economics of Competition: Global City-Regions: Trends, Theory, Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2001.
3. Gitman L.J., Joehnk M.D. *Fundamentals of Investing*. Boston: Pearson Addison-Wesley, 2008. 650 p.
4. Прокопьев А.В., Прокопьева Т.В. Подходы к определению инвестиционного потенциала // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 256–260.
5. Русавская А.В. Инвестиции и инвестиционный потенциал региона // Управление экономическими системами. 2012. № 1. С. 1–20.
6. Тумусов Ф.С. Стратегия формирования и реализации инвестиционного потенциала региона. М.: РАГС, 1995. 272 с.
7. Глаголев С.Н., Дорошенко Ю.А., Манин А.В. Инвестиционно-инновационный потенциал региона: сущность, значение, импакт-факторы и способы оптимизации // Вестн. Белгород. ун-та кооперации, экономики и права. 2014. № 2. С. 127–131.
8. Катасонов В.Ю. Инвестиционный потенциал экономики: механизмы формирования и использования. М.: Анкил, 2005. 325 с.
9. Климова Н.И. Инвестиционный потенциал региона. Екатеринбург: Ин-т экон. УрО РАН, 2003. 280 с.
10. Голайдо И.М. Инвестиционный потенциал региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 17. С. 59–68.
11. Губанова Е.С. Формирование и реализация региональной инвестиционной политики / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, фил. ФГОУ ВПО «Северо-Западн. акад. гос. службы» в г. Вологде, Рос. акад. наук, Центр. экон.-мат. ин-т, Волог. науч.-коорд. центр. Вологда: Легия, 2007. 298 с.
12. Лахметкина Н.И. Инвестиционный потенциал – фундаментальное понятие инвестиционного процесса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 4. С. 17–20.
13. Кабир Л.С. Проблема формирования методологических и методических подходов к оценке инвестиционного потенциала российской экономики // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2012. № 12. С. 2–10.
14. Глебова И.С., Роднянский Д.В. Анализ и оценка инвестиционного потенциала субъектов Приволжского федерального округа РФ // Фундамент. исслед. 2014. № 11. С. 2016–2020.
15. *World investment report: investment and new industrial policies United Nations conference on trade and development*. United Nations publication, 2018. 154 p.

16. Савельева И.П., Цало И.М. Методика оценки инвестиционного потенциала и инновационной привлекательности субъектов Российской Федерации // Регион. экономика. 2014. Т. 8. № 4. С. 25–30.
17. Chen D.H.C., Dahlman C.J. *The Knowledge Economy, the KAM Methodology and World Bank Operations*. World Bank Institute, Washington, D.C., 2006. 42 p.
18. Niranjana A. *A Factor Analysis Methodology for Analyzing the Factors that Contribute to Economic Development in the state of Tennessee*. University of Tennessee: Tennessee Research and Creative Exchange, 2004. 64 p.
19. Белякова Л.Г., Антипина О.В. Применение корреляционно-регрессионного анализа для исследования показателей инновационно-инвестиционного развития муниципальных образований // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2011. Т. 59. № 12. С. 252–256.
20. Никитин В.В., Назаров А.А., Бобин Д.В. Рейтинг инвестиционных регионов РФ: многомерный статистический анализ // Статистика и математические методы в экономике. 2014. № 3. С. 132–137.
21. Резанов К.В., Катин А.В. Кластерный анализ как инструмент управления инвестиционной привлекательностью объектов // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. № 6. С. 833–852.
22. Kergel H., zu Köcker G.M., Nerger M., Ziegler O. *Cluster management excellence in the Danube region*. ESCA, 2018. 46 p.
23. Николаев М.А., Махотаева М.Ю. Формирование инвестиционной стратегии на муниципальном уровне // Псков. регион. журн. 2014. № 19. С. 16–29.
24. Leicht K.T., Jenkins J.C. State investments in high-technology job growth. *Social Science Research*, vol. 65, pp. 30–46.
25. Mandl U., Dierx A., Ilzkovitz F. *The Effectiveness and Efficiency of Public Spending European Economy. Economic Papers 301*. European Commission, Brussels, 2008. Available at: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/pages
26. Ferraz J.C., Coutinho L. Investment policies, development finance and economic transformation: Lessons from BNDES. *Structural Change and Economic Dynamics*, 2019, vol. 48, iss. C, pp. 86–102.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Сергеевна Губанова – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: gubanova_elena@mail.ru

Ольга Серрапионовна Москвина – кандидат экономических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Российская Федерация, 160002, г. Вологда, ул. Гагарина, д. 81; e-mail: osm250606@yandex.ru

Gubanova E.S., Moskvina O.S.

METHODICAL BASES OF ASSESSMENT OF MUNICIPAL STRUCTURES' INVESTMENT POTENTIAL

A major obstacle to the Russian regions' balanced and sustainable development is the presence of significant disparities in key economic and social parameters, which to a large extent is due to the investment flows allocation. Investments directions are determined by the territories' investment potential, the formation and use of which depends on a combination of economic and non-economic

factors. Therefore, an important place in the management of the region's development is taken by the investment potential assessment allowing to create the information basis for the choice of regulatory influences in order to increase investment attractiveness, mobilize the territories' resources and improve the quality of economic growth in the region and municipalities. This determined the purpose of the present article and the authors' position on the justification of methodological approach to the assessment of investment potential the content of which is linked to the authors' view about the nature of the concept. The research examines the existing approaches to investment potential assessment in terms of their advantages and disadvantages, the estimation algorithm is developed and tested in the case of the Vologda Oblast. The article presents the main results of the investment potential assessment in the context of the five private capacities (labor, production, logistic, financial and consumer); a typology of municipal areas in terms of investment potential and investment activity is created; territorial strategies of investment development taking into account territorial and branch aspects are proposed. Scientific novelty of the research is that the authors proposed the approach to assessing the territories' investment potential which was aligned with the content of this notion and combines the advantages of integral and matrix approaches. The obtained results can be used by regional and municipal authorities in developing investment policy, formation of a system of organizational-economic mechanisms of investment processes activation in the region, as well as the organs of power and administration in the development of strategic documents defining spatial development for the future. The research presented in the article can be interesting for scientific discussions and used in research and educational activities.

Investment potential, region, assessment, spatial irregularity of investment development of the Vologda Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena S. Gubanova – Doctor of Economics, Professor, Head of Department, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Vologda State University”. 15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: gubanova_elena@mail.ru

Ol'ga S. Moskvina – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Vologda State University”. 81, Gagarin Street, Vologda, 160002, Russian Federation; e-mail: osm250606@yandex.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4

УДК 338.45 | ББК 65.305.02

© Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М.

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВИЗАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО И ИНВЕСТИЦИОННОГО ВНУТРЕННЕГО СПРОСА*

ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eg_leonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9206-6810; ResearcherID: I-8400-2016

НИКИТА МИХАЙЛОВИЧ РУМЯНЦЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: rumyanik.95@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5660-8443

Статья посвящена актуальной проблеме активизации внутреннего спроса в Российской Федерации, неиспользованный потенциал которого сдерживает рост экономики страны. Целью статьи является определение направлений активизации потребительского и инвестиционного спроса, способных в ближайшей перспективе обеспечить рост экономики. В исследовании на основе анализа статистических данных, отражающих объем совокупного внутреннего спроса в разрезе стран мира, определено, что в настоящее время по данному показателю Россия в значительной степени отстает от крупнейших государств: США, Китая, Японии, ФРГ, Индии. Выявлено сокращение внутреннего спроса в стране и ее регионах. Имеет место значительное падение доли валового накопления как составляющей внутреннего спроса, обусловленное непривлекательными для предприятий условиями для инвестиций и невысокой инвестиционной привлекательностью большинства регионов страны. Информационную базу составили труды отечественных и зарубежных экономистов в области методических и практических вопросов активизации совокупного внутреннего спроса, а также статистические данные органов государственной статистики, Всемирного банка. Исследование базируется на общенаучных мето-

Для цитирования: Леонидова Е.Г., Румянцев Н.М. К вопросу об активизации потребительского и инвестиционного внутреннего спроса // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4

For citation: Leonidova G.E., Rumyantsev N.M. Revisiting the increasing consumer and investment domestic demand. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 52–63. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.4

дах сравнения, обобщения, анализа, синтеза. Материалы статьи могут быть применены в научной, образовательной деятельности. Они представляют практический интерес для органов власти и управления, реализующих экономическую политику по активизации потребительского и инвестиционного спроса при решении проблем обеспечения экономического роста территорий. В дальнейшем актуальным направлением исследований станет разработка механизма активизации внутреннего спроса на региональном уровне.

Экономика, внутренний спрос, потребительский спрос, инвестиционный спрос, конечное потребление, валовое накопление.

Особенностью сложившейся модели развития российской экономики является ее высокая зависимость от внешней конъюнктуры и результатов экспортно-импортной деятельности, что влечет структурную несбалансированность (в отдельных видах экономической деятельности, в распределении ресурсов и доходов, во взаимоотношениях регионов и т. д.). Это обстоятельство ставит выполнение задачи по обеспечению темпов экономического роста выше мировых, декларированной в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в зависимости от состояния мировых энергетических и товарно-сырьевых рынков. Учеными отмечено, что образуемые в результате экспорта энерготопливных ресурсов доходы в экономике не оказывают заметного влияния на экономический рост в России [1].

Таким образом, ориентированность экономики страны на внешний спрос, чувствительный к потребностям других государств и слабо поддающийся регулированию, не может в полной мере обеспечить переход к модернизации и высокотехнологичному развитию. Этим обусловлена необходимость обращения к внутреннему спросу¹, менее зависимому от внешних условий и более управляемому. Несмотря на высокий удельный вес в использовании ВВП (более 90%), согласно данным Росстата, вклад этого фактора в динамику национальной экономики недостаточно велик, что свидетельствует об имеющемся потенциале внутреннего спроса и важности его стимулирования.

Анализ теоретических работ ученых, посвященных проблемам активизации внутреннего спроса, показал, что в последнее время этот резерв роста экономики рассматривается в контексте ее структурных преобразований [2–11]. В экономической науке известна стратегия стимулирования внутреннего спроса (consumption-led growth, domestic demand-led growth) [12–15], которая заключается в том, что меры по его активизации (расходы на финансирование здравоохранения, образования, услуг по организации отдыха, рост заработной платы, пособий и т. д.) ведут к увеличению объемов выпуска продукции.

Зарубежный опыт как развитых, так и развивающихся стран демонстрирует успешность применения этой стратегии. Так, например, в США восстановлению экономического роста после мирового финансового кризиса 1998 года способствовала политика по стимулированию внутреннего спроса [16].

В работе В. Кондратьева подчеркивается, что в развивающихся странах экономический рост под действием таких процессов, как цифровизация и децентрализация, будет обеспечен за счет внутренних структурных реформ, направленных на стимулирование внутреннего спроса и на расширение индустриальной базы [17].

В настоящее время в России, по мнению ученых, достижение экономического роста возможно на основе стимулирования потребления, в частности роста объемов внутреннего потребительского спроса и активизации инвестиционной политики [18–20].

¹ Под внутренним спросом понимается конечное потребление товаров и услуг резидентами страны. Он включает в себя потребление частного и общественного сектора и валовые капиталовложения.

Таким образом, перспективность стимулирования внутреннего спроса как одного из факторов экономического роста в стране и ее регионах обуславливает необходимость более детального рассмотрения названного важнейшего компонента использования ВВП. В связи с этим целью исследования является определение направлений активизации потребительского и инвестиционного спроса, способных в ближайшей перспективе обеспечить экономический рост. Ее достижение предполагает анализ состояния внутреннего спроса в России и ее регионах и ограничений его развития, а также обоснование путей по его стимулированию. Научная новизна исследования состоит в раскрытии современных закономерностей формирования потребительского и инвестиционного спроса в России и ее регионах. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть полезны при проведении корректировки экономической политики в области стимулирования потребительского и инвестиционного спроса территорий.

Для достижения обозначенной цели в работе использовались методы сравнения, обобщения, анализа, синтеза. Информационную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных экономистов, изучающих факторы экономического роста и проблемы структурной сбалансированности экономики, данные Росстата и Всемирного банка.

Анализ статистических данных показал, что Россия значительно уступает крупнейшим странам (США, Китай, Япония, ФРГ, Индия) и ЕС по объему совокупного внутреннего спроса (табл. 1).

В пересчете по паритету покупательной способности на душу населения отставание России от значений совокупного внутреннего спроса США составляет 2,5 раза, Германии – 2 раза (табл. 2). Следует отметить, что потребительский спрос в расчете на душу населения в России почти в 3 раза ниже, чем в США. Эти данные подтверждают неэффективное использование потенциала внутреннего спроса в нашей стране, что является одной из причин продолжающейся стагнации российской экономики.

Согласно методологии национального счетоводства, совокупный внутренний спрос определяется обобщением сумм конечного потребления и валового накопления. Согласно методологии Росстата, конечное потребление продуктов и услуг представляет собой сумму расходов на конечное потребление домашних хозяйств, государственных учреждений, некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства. Валовое накопление агрегирует суммы валового накопления основного капитала, изменения запасов материальных оборотных средств и чистого приобретения ценностей.

**Таблица 1. Совокупный внутренний спрос в 2018 году
(без учета паритета покупательной способности)**

	Конечное потребление		Валовое накопление		Совокупный внутренний спрос	
	Объем, трлн долл. США	Удельный вес, % от итога	Объем, трлн долл. США	Удельный вес, % от итога	Объем, трлн долл. США	Удельный вес, % от итога
Мир	62,596	100,0	22,525	100,0	85,121	100
США	16,902	27,0	4,315	19,2	21,217	24,9
ЕС	14,166	22,6	3,974	17,6	18,14	21,3
Китай	7,260	11,6	5,995	26,6	13,255	15,6
Япония	3,744	6,0	1,213	5,4	4,957	5,8
Германия	2,843	4,5	0,860	3,8	3,703	4,4
Индия	1,919	3,1	0,851	3,8	2,77	3,3
Россия	1,106	1,8	0,376	1,7	1,482	1,7

Источник: данные Всемирного банка.

Таблица 2. Совокупный внутренний спрос по паритету покупательной способности в расчете на душу населения в 2018 году

Показатель	РФ	США	Германия	США / РФ, раз	Германия / РФ, раз
Объем, тыс. долл.					
Совокупный внутренний спрос	25,2	63,6	49,3	2,5	2,0
Конечное потребление	18,8	50,6	37,9	2,7	2,0
Валовое накопление	6,4	13	11,4	2,0	1,8
Справочно					
Коэффициент пересчета ППС (ВВП) к рыночному валютному курсу	0,4	1,0	0,9	-	-
Численность населения, млн чел.	146,7	333,4	83,3	2,3	0,6
Источник: данные Всемирного банка.					

Таблица 3. Внутренний спрос в РФ (в постоянных ценах 2016 года), трлн руб.

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2018 к 2014, %
Внутренний спрос	90215,4	82178,7	81171,9	84530,8	86182,3	95,5
Конечное потребление, в т. ч.						
домашних хозяйств	51294,8	46434,7	45244,5	46930,8	48492,4	94,5
государственного управления	16167,5	15584,0	15809,8	16209,5	16415,3	101,5
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	351,2	340,9	344,2	345,8	341,9	97,4
Валовое накопление	22462,5	19824,7	19773,4	21044,7	20935,0	93,26
Справочно						
Экспорт	20695,5	21455,7	22135,6	23245,4	24534,8	118,6
Импорт	24500,4	18365,8	17691,4	20754,7	21300,4	86,96
Источник: данные Росстата.						

Анализируя описанные выше составляющие, можно отметить, что внутренний спрос в РФ на промежутке с 2014 по 2018 год, рассчитанный в постоянных ценах, снизился на 5,5%, продемонстрировав наибольшую отрицательную динамику в 2015 году (табл. 3). Негативная динамика данного показателя обусловлена сокращением объемов валового накопления на 6,8%. Рост потребительских расходов отмечен только в секторе государственного управления, однако на внутренний спрос он не оказывает значимого влияния вследствие своего низкого удельного веса в его структуре. Уменьшение объемов потребительского спроса домохозяйств связано как с сокращением реальных

доходов населения, так и с недостаточным стимулированием внутреннего потребления.

Анализ структуры внутреннего спроса в РФ с 2014 по 2018 год показал, что значительных изменений в нем не произошло (табл. 4). Следует отметить некоторое сокращение доли потребления домашних хозяйств (-0,6 п. п.). Кроме того, отмечено уменьшение доли валового накопления. В условиях снижения внутреннего спроса эти тенденции определяют направления активизации внутреннего спроса – увеличение нормы накопления и стимулирование потребления сектора домашних хозяйств, удельный вес которого в структуре внутреннего спроса в 2018 году составил 56,2%.

Таблица 4. Структура внутреннего спроса в РФ (в постоянных ценах 2016 года), %

Показатель	2014	2015	2016	2017	2018	2018 к 2014, п. п.
Внутренний спрос	100	100	100	100	100	-
Конечное потребление, в т. ч.						
домашних хозяйств	75,10	75,88	75,64	75,10	75,71	0,61
государственного управления	56,86	56,50	55,74	55,52	56,27	-0,59
некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	17,92	18,96	19,48	19,18	19,05	1,13
Валовое накопление	0,39	0,41	0,42	0,41	0,40	0,01
	24,90	24,12	24,36	24,90	24,29	-0,61
Справочно						
Удельный вес импорта во внутреннем спросе	27,16	22,35	21,79	24,55	24,72	-2,44
Источник: данные Росстата.						

Значимым для экономики страны является то, за счет чего покрывается внутренний спрос. Как известно, внутренний спрос может быть удовлетворен как за счет внутреннего производства, так и за счет импорта. За 2014–2018 гг. импорт товаров и услуг в РФ в сопоставимых ценах упал почти на 13,1%, его удельный вес в покрытии внутреннего спроса сократился на 2,4 п. п. Соответственно, существенно возросли возможности для насыщения внутреннего спроса отечественными товарами, но отечественные предприятия пока не могут в полном объеме ответить на эти вызовы.

Валовая добавленная стоимость (т. е. выпуск за вычетом промежуточного потребления), рассчитанная в сопоставимых ценах за 2014–2018 гг., увеличилась на 3,2% (табл. 5). За тот же период данный показатель незначительно вырос в ряде важнейших видов экономической деятельности – «Строительство», «Добыча полезных ископаемых» и «Обрабатывающие производства». Однако демонстрируемой положительной динамики не достаточно для того, чтобы удовлетворить спрос внутри страны.

Ускорение экономического развития страны путем стимулирования внутреннего спроса затруднено из-за отсутствия механизма передачи импульса от совокупного спроса к совокупному предложению, и главное – механизма замещения импортных средств производства.

Таким образом, можно отметить сокращение внутреннего спроса на фоне падения доли импорта в рамках сложной геополитической обстановки и импортозамещения, что требует наращивания производственных мощностей и создания конкурентоспособных предприятий в стране. Также имеет место значительное падение доли валового накопления, обусловленное непривлекательными условиями инвестирования для предприятий (высокий уровень процентной ставки по кредитам, низкая рентабельность производства и т. д.), а также невысокой инвестиционной привлекательностью большинства регионов страны.

Далее анализ внутреннего спроса будет проведен на материалах Вологодской области – региона Северо-Запада России, экономика которого в значительной мере является экспортоориентированной. За период с 2014 по 2017 год внутренний потребительский спрос вырос незначительно – на 1,7% (табл. 6). При этом потребительские расходы сократились на 7%, а валовое накопление основного капитала существенно увеличилось – на 30%.

Основной вклад в динамику расходов на конечное потребление вносят расходы домохозяйств – их удельный вес в структуре потребительского спроса Вологодской области в 2017 году составил 52%. Рассмотрим более детально уровни фактического потреб-

Таблица 5. Валовая добавленная стоимость по видам экономической деятельности в РФ (в постоянных ценах 2016 года), трлн руб.

Вид экономической деятельности	2014	2015	2016	2017	2018	2018 к 2014, %
ВВП в рыночных ценах, в т. ч.:	77,9	76,8	77,1	78,5	80,4	103,2
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,14	3,23	3,29	3,34	3,36	107,2
Добыча полезных ископаемых	7,16	7,27	7,42	7,55	7,72	107,9
Обрабатывающие производства	9,95	9,84	10,02	10,46	10,58	106,4
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,24	2,21	2,26	2,21	2,26	101,0
Оказание коммунальных услуг	0,39	0,35	0,38	0,38	0,39	102,4
Строительство	4,92	4,82	4,90	4,83	4,95	100,7
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	12,61	11,76	11,30	11,43	11,71	92,9
Транспортировка и хранение	5,54	5,49	5,62	5,63	5,74	103,7
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0,75	0,73	0,70	0,72	0,75	99,7
Деятельность в области информации и связи	2,04	2,02	1,95	2,02	2,12	104,0
Деятельность финансовая и страховая	3,35	3,13	3,40	3,42	3,73	111,4
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	7,78	7,81	7,85	8,10	8,35	107,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	3,80	3,63	3,43	3,53	3,62	95,2
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	1,65	1,84	1,87	1,92	1,98	120,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	6,10	6,07	6,14	6,35	6,42	105,4
Образование	2,44	2,46	2,44	2,47	2,50	102,7
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	2,47	2,46	2,45	2,46	2,48	100,3
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,66	0,70	0,69	0,72	0,78	117,7
Предоставление прочих видов услуг	0,39	0,41	0,46	0,48	0,50	128,2
Деятельность домашних хозяйств как работодателей	0,52	0,52	0,51	0,50	0,49	93,1

Источник: данные Росстата.

ления домохозяйств области в сравнении с СЗФО и Российской Федерацией (табл. 7).

По данным таблицы 7 видно, что Вологодская область имеет самые низкие объемы фактического конечного потребления домашних хозяйств на душу населения – в 1,5 раза ниже, чем в среднем по СЗФО. Темпы роста данного показателя также одни из самых низких по округу (рост на 14%), что не способствует струк-

турной сбалансированности региональной экономики.

При этом в Вологодской области основными получателями инвестиций выступают в основном металлургические и химические производства, транспорт, в то время как остальные отрасли испытывают инвестиционный голод.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости как стимулирования по-

Таблица 6. Внутренний спрос в Вологодской области (в постоянных ценах 2016 года), млн руб.

Показатель	2014	2015	2016	2017	2017 к 2014, %
Внутренний спрос	429,0	401,5	412,1	436,4	101,7
Расходы на конечное потребление, в т. ч.:	328,4	307,6	297,9	305,7	93,1
домашних хозяйств	231,3	219,4	214,1	219,1	94,7
государственных учреждений, оказывающих индивидуальные услуги, и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства	97,1	88,3	83,8	86,6	89,2
Валовое накопление основного капитала	100,6	93,9	114,2	130,7	129,9

Источник: данные Вологдастата.

Таблица 7. Фактическое конечное потребление домашних хозяйств на душу населения по Северо-Западному федеральному округу и Российской Федерации (в ценах 2016 года), тыс. руб.

Территория	2014	2015	2016	2017	2017 к 2014, %
РФ	332,1	342,2	353,9	322,9	97,2
СЗФО	291,5	315,0	333,8	352,9	121,0
Республика Карелия	252,7	269,5	279,7	292,5	115,7
Республика Коми	296,0	294,0	290,7	299,8	101,2
Архангельская область	289,2	317,3	331,4	350,3	121,1
Вологодская область	198,2	210,0	213,4	225,4	113,7
Калининградская область	223,0	240,5	253,8	264,2	118,4
Ленинградская область	237,9	264,8	292,7	308,3	129,5
Мурманская область	340,0	351,8	362,0	381,4	112,1
Новгородская область	253,3	275,1	283,6	290,6	114,7
Псковская область	209,1	223,2	223,7	237,3	113,5
г. Санкт-Петербург	356,5	389,1	419,3	446,0	125,1
Справочно					
Отношение ВО к РФ, %	59,7	61,3	60,3	69,8	116,9
Отношение ВО к СЗФО, %	68,0	66,6	63,9	63,9	93,9

Источник: Основные показатели системы национальных счетов (СНС) по Вологодской области. 2018: стат. бюл. / Вологдастат. Вологда, 2019. 70 с.

ребительского спроса, так и наращивания объемов валового накопления. Оба направления дают заикленный эффект: увеличение расходов на внутреннее потребление дает возможность наращивания объемов инвестиционных активов, увеличения доходов всех субъектов экономики (государства, предприятий, населения), что в свою оче-

редь приводит к повышению возможностей для роста уровня потребительских расходов. Важно понимать, какие рычаги стимулирования следует использовать для достижения наиболее быстрого и эффективного результата.

Одним из параметров, характеризующих возможность структурных измене-

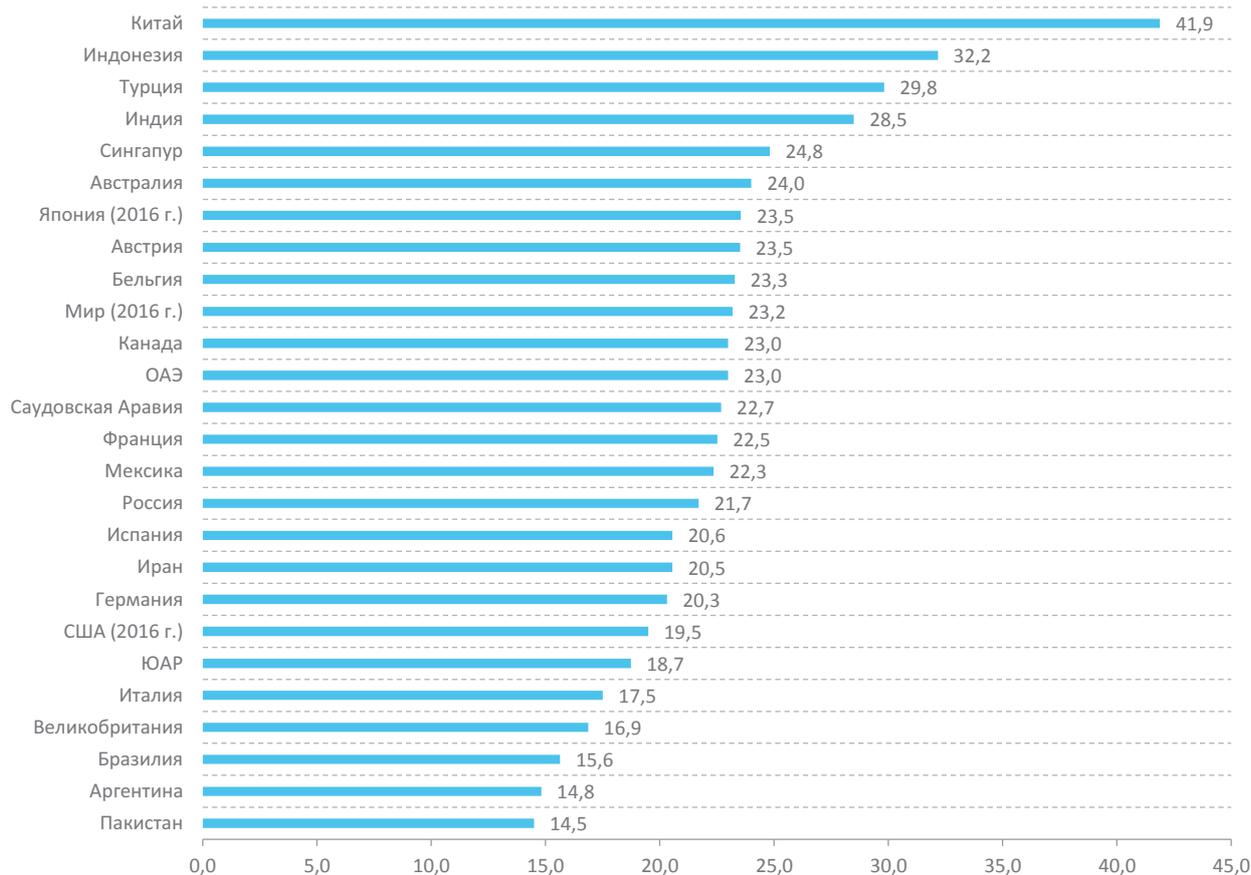

Рис. Норма накопления стран мира, %

Источник: [21].

ний в региональной экономике с учетом временного лага, является норма накопления. Это соотношение определяет темпы будущего экономического роста. Размер нормы накопления в России соответствует уровню стран с развитой промышленностью, таких как США или Германия (рис.). Их экономика нуждается лишь в поддержании стабильности основных производственных фондов, а модернизация мощностей происходит как естественный процесс их обслуживания.

Для стабильного ускорения темпов экономического роста в условиях падения импорта и перехода к импортозамещению норма накопления должна достигать 30% от уровня ВРП, как в развивающихся странах, таких как Индонезия или Турция.

Проанализируем ситуацию при формировании валового накопления в Вологодской области, сопоставляя показатели с субъектами Северо-Западного федерального округа. В условиях запаздывания официальной статистической информации анализ индикаторов проводился по данным за 2017 год. Ввиду того что расчет показателя валового накопления на региональном уровне с 2016 года не ведется, органы статистики предлагают использовать такой показатель, как «инвестиции в основной капитал»².

Данные табл. 8 показывают, что объем инвестиций в основной капитал в Вологодской области по сравнению с регионами СЗФО находится в пределах средних значений по округу. Норма накопления в Вологодской области хоть и соответству-

² Методика расчета показателей «Доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте» и «Доля инвестиций в основной капитал в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации» (утв. приказом Росстата от 30.01.2014 № 56).

Таблица 8. Показатели формирования валового накопления в СЗФО за 2017 год

Территория	Инвестиции в основной капитал, млн руб.	Объем ВРП, млн руб.	Норма накопления (доля инвестиций в основной капитал в ВРП), %	Степень износа основных фондов на конец года, %
Республика Карелия	41707	252 717,4	16,5%	52,8
Республика Коми	129315	574 376,7	22,5%	47,1
Архангельская область	245663	743 562,8	33,0%	48,1
Вологодская область	130804	508 256,1	25,7%	50,5
Калининградская область	118890	417 445,6	28,5%	38,5
Ленинградская область	338589	965 826,5	35,1%	45,2
Мурманская область	110715	445 795,1	24,8%	43,1
Новгородская область	68796	269 357,3	25,5%	46,9
Псковская область	28947	151 607,4	19,1%	46,6
В среднем по СЗФО	134825,1	480 993,8	25,6%	-

Источник: данные Росстата.

ет среднему уровню регионов СЗФО, но ее уровень недостаточен для активного роста экономики. Это подтверждается данными, характеризующими состояние производственного фонда предприятий региона. Так, в 2017 году износ основных средств в экономике Вологодской области составил более 51%, что является одним из наихудших показателей состояния производственных мощностей по СЗФО.

В настоящее время существует ряд ограничений, оказывающих негативное влияние на рост инвестиционной активности как процесса формирования валового накопления. Анализ работ исследователей позволил заключить, что к ним относятся следующие:

- сокращение внутреннего инвестиционного потенциала в связи со значительным объемом оттока капитала за рубеж, осуществляемого как частными его собственниками, так и государством за счет инвестиций в иностранные активы [22];

- неэффективность механизма трансформации сбережений в валовое накопление: барьеры инвестиционного рынка для домохозяйств, закрепитованность экономики, «жадность» государства по отношению к стабилизационным фондам [23];

- диспаритет структурного распределения инвестиций в основной капитал, связанный с низкой привлекательностью боль-

шинства регионов РФ и моноструктурностью их экономик, что приводит к упрощению доступа крупных промышленных игроков, однако «душит» малый и средний бизнес в их доступе к средствам для вложений [24].

Для уменьшения влияния негативных факторов на формирование валового накопления необходимы ужесточение валютного контроля и реструктуризация налоговой системы с целью снижения оттока капитала, а также формирование и, что не менее важно, использование фондов инвестиционного развития для снижения структурного диспаритета и привлечения большего числа игроков на инвестиционный рынок.

Перспективным для сглаживания инвестиционного перекося, имеющего место между отраслями экономики с избытком инвестиционных ресурсов и сферами, испытывающими инвестиционный голод и нуждающимися в модернизации, может стать использование государственного механизма, регулирующего эти процессы.

Проведенный анализ данных о состоянии и динамике совокупного внутреннего спроса в России и в Вологодской области указывает на недостаточное государственное регулирование в указанной сфере.

Так, к направлениям по активизации потребительского спроса можно отнести следующие:

– увеличение расходной части бюджета в части социальных расходов, что обеспечит рост покупательной способности населения и потребительских расходов;

– формирование со стороны государства дополнительного спроса на товары и услуги отечественного производства (например, машиностроительную продукцию, услуги сектора информационно-коммуникационных технологий и туризма);

– развитие механизмов потребительского и ипотечного жилищного кредитования;

– стимулирование предприятий по повышению производительности труда, что обеспечит внедрение прогрессивных подходов к организации производства, управлению и изменениям технологических процессов.

Помимо этого, целесообразной является инициация государством крупных

инвестиционных проектов по созданию и модернизации инфраструктуры в российских регионах, что способствует инвестиционной активности и повышению нормы накопления. Перспективным видится формирование цепочек добавленной стоимости, объединяющих производство конечной продукции с высокой добавленной стоимостью, что помогает расширить внутренний спрос со стороны предприятий и населения.

Следует отметить, что перечисленные меры по активизации потребительского и инвестиционного спроса не являются исчерпывающими. В дальнейшем актуальным направлением станет продолжение исследований по разработке механизма активизации внутреннего спроса на региональном уровне.

*Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

ЛИТЕРАТУРА

1. Макроэкономическая стабилизация и пространственное развитие экономики / А.А. Шилов [и др.] // Проблемы прогнозирования. 2019. № 5. С. 3–15.
2. Структурные изменения в российской экономике и структурная политика: аналитический доклад / НИУ ВШЭ; под науч. рук. Е.Г. Ясина. М., 2018. 252 с.
3. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. / С.М. Дробышевский [и др.] // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5–31.
4. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка (доклад НИУ ВШЭ) // Вопросы экономики. 2018. № 6. С. 5–28. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-6-5-28>
5. Ускова Т.В. Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
6. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48–63.
7. Миронов В.В., Коновалова Л.Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 54–78. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-54-78>
8. Трансформация структуры экономики: механизмы и управление: монография / под науч. ред. А.А. Широга. М.: МАКС Пресс. 2018. 264 с.
9. Kucera D., Jiang X. Structural transformation in emerging economies: leading sectors and the balanced growth hypothesis. *Oxford Development Studies*, 2019, vol. 47, pp. 188–204.
10. Гизатуллин Х.Н., Гарипов Ф.Н., Гарипова З.Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 43–52.
11. Lukin E.V., Uskova T.V. Structural transformation issues in regional economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 6, pp. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2

12. Palley T. Domestic demand-led growth: a new paradigm for development. *After Neo-Liberalism Economic Policies That Work for the Poor*. Washington DC: New rules for Global International Finance, 2002. Pp. 1–8.
13. Yeah K.L. Domestic Demand-driven Growth: Analytical Perspectives and Statistics Needed. *Advances in Economics and Business*, 2017, vol. 5 (3), pp. 109–128. DOI: 10.13189/aeb.2017.050301
14. Mishra B., Nancharaiyah G. Export or Domestic Demand-Led Growth in BRICS Countries? *The Indian Economic Journal*, 2016, vol. 63, pp. 725–749. DOI: 10.1177/0019466220160410
15. Saglam Y., Egeli H. A Comparison of Domestic Demand and Export-led Growth Strategies for European Transition Economies: Dynamic Panel Data Analysis. *Foreign Trade Review*, 2018, vol. 53, pp. 156–173. DOI: 10.1177/0015732517734755
16. Идрисов Г.И. Промышленная политика России в современных условиях. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. 160 с.
17. Кондратьев В. Конец глобализации или новый этап? // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 12. С. 6–17.
18. Восстановление экономического роста – генеральное направление антикризисной политики. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2017/01/01-vosstanovlenie-ekonomicheskogo-rosta.pdf>
19. Замараев В., Маршова Т. Инвестиционные процессы и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 40–62.
20. Ивантер В.В. Перспективы восстановления экономического роста в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 1. С. 15–28. DOI: 10.7868/S0869587317010042
21. Лукин Е.В., Кожевников С.А., Мельников А.Е. Организация и факторы новой индустриализации: монография / под науч. рук. Т.В. Усковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 144 с.
22. Глушенко М.Е. Инвестиционный потенциал российской экономики: финансовый аспект // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 4. С. 63–66.
23. Всемирный банк. 2014. Обзор доклада «Диверсифицированное развитие: Оптимальное использование природных ресурсов в регионе Евразии». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк.
24. Румянцев Н.М. Обоснование территориальных приоритетов инвестирования в Северо-Западном федеральном округе // Вопросы территориального развития. 2019. № 5 (50). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/28377>. DOI: 10.15838/tdi.2019.5.50.3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Екатерина Георгиевна Леонидова – научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru

Никита Михайлович Румянцев – инженер-исследователь, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: rummyanik.95@gmail.com

Leonidova E.G., Rumyantsev N.M.

REVISITING THE INCREASING CONSUMER AND INVESTMENT DOMESTIC DEMAND

The article is devoted to a topical problem of increasing the domestic demand in the Russian Federation the untapped potential of which inhibits the growth of the country's economy. The purpose of the article is to define the areas of increasing consumer and investment demand able to ensure economic growth in the short term. Based on the analysis of statistical data reflecting the total domestic demand in the context of the countries of the world, it is determined that currently, Russia substantially lags behind the major countries on this indicator: the USA, China, Japan, Germany, and India. On the basis of the analysis we revealed the reduction of domestic demand in the country and its regions. It is determined that there is a significant drop in the share of gross savings as a part of domestic demand due to unattractive conditions for investment for businesses and the low investment attractiveness in most regions of the country. The information base was made up by the works of Russian and foreign economists in the field of methodological and practical issues of strengthening of aggregate domestic demand, as well as statistical data of the state statistics bodies and the World Bank. The study is based on general scientific methods of comparison, generalization, analysis, synthesis. The article can be applied in research and educational activities. It may be of practical interest for bodies of power and control implementing economic policies for increasing consumer and investment demand by solving the problems of the territories' economic growth. Further topical area of research is the developing a mechanism to strengthen the domestic demand at the regional level.

Economy, domestic demand, consumer demand, investment demand, final consumption, gross capital formation.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina G. Leonidova – Research Associate, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru

Nikita M. Rumyantsev – Research Engineer, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: rumyanik.95@gmail.com

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.5

УДК 338.28 | ББК 65.050.22

© Кожевников С.А.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПУБЛИЧНОМ СЕКТОРЕ В РАКУРСЕ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ¹

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЖЕВНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

ORCID: [0000-0001-9063-6587](https://orcid.org/0000-0001-9063-6587); ResearcherID: [I-8373-2016](https://orcid.org/I-8373-2016)

Стоящие перед Россией вызовы, заключающиеся, прежде всего, в необходимости обеспечения высоких темпов экономического роста, сокращения технологического отставания от развитых стран мира и высокого уровня и качества жизни населения на фоне санкций и нарастания нестабильности в мировой экономике, требуют повысить эффективность использования внутренних источников развития. Именно на решение этих задач направлены принятые в 2019 году в соответствии с Указом Президента РФ В.В. Путина № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» национальные проекты, предполагающие осуществление значительных финансовых вложений преимущественно в отрасли магистральной, дорожной инфраструктуры и человеческого капитала. Вместе с тем в научном и экспертном сообществе продолжаются острые дискуссии относительно возможных рисков и угроз достижения национальных целей в сложившихся условиях. Цель работы – исследование проблем управления экономическим развитием России в ракурсе достижения национальных целей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ключевыми рисками реализации национальных проектов на данном этапе являются слабый учет региональных составляющих и

Для цитирования: Кожевников С.А. Проблемы развития проектного управления в публичном секторе в ракурсе достижения национальных целей // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 64–77. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.5

For citation: Kozhevnikov S.A. Problems of project management development in the public sector in the perspective of achieving national goals. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 64–77. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.5

¹ Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0004 «Совершенствование механизмов развития и эффективного использования потенциала социально-экономических систем».

территориальных особенностей развития; недостаточная проработанность механизмов их реализации; слабая корреляция нацпроектов с федеральными и региональными госпрограммами, международными документами и т. п. Наряду с этим, на наш взгляд, некоторые целевые показатели недостаточно обоснованы или весьма труднодостижимы. Система мониторинга реализации нацпроектов в настоящее время находится на стадии становления. Вместе с тем следует отметить, что национальные проекты, призванные обеспечить повышение качества жизни населения России на основе сбалансированного роста экономики, при условии доработки механизмов их реализации, эффективной интеграции в систему стратегического управления на региональном и муниципальном уровнях должны заложить основу динамичного развития страны, в том числе и за рамками 2024 года.

Национальные цели, национальные проекты, стратегия, регион, экономический рост, Россия, Вологодская область.

Введение

В сложившихся геополитических и экономических условиях, характеризующихся проведением санкционной политики со стороны западных стран по отношению к России, важной задачей для органов власти всех уровней является поиск механизмов роста отечественной экономики за счет внутренних источников. Осознавая тот факт, что введенные санкции могут быть долгосрочным дестабилизирующим фактором, на федеральном уровне приоритетным направлением реализации бюджетной политики обозначено осуществление государственных инвестиций с акцентом на отрасли инфраструктуры (транспортной, энергетической, ЖКХ и т. п.) и человеческого капитала в рамках внедрения проектного подхода в деятельность органов исполнительной власти².

После избрания В.В. Путина Президентом РФ на новый срок его указом № 204 от 7 мая 2018 г.³ были определены национальные цели и стратегические задачи развития Российской Федерации на период до 2024 года. К числу важнейших из них относится следующее:

– вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых

при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции, на уровне, не превышающем 4%;

– создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и АПК, высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами;

– улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно и др.

Следует отметить, что достижение данных национальных целей и решение стратегических задач весьма актуальны в условиях, в которых в настоящее время находится отечественная экономика. Так, наиболее благоприятным периодом для России были 2000–2008 гг., когда экономика росла в среднем на 6,9% в год, в результате чего удалось улучшить позиции России в мировом рейтинге стран по уровню ВВП с 12 до 6 места. Вместе с тем негативные последствия мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., нарастание мировой напряженности и введенные западными странами по отношению к России санкции и ответные контрсанкции (2014–2015 гг.) привели к снижению ежегодных темпов роста национальной экономики, которые

² См.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года / Министерство экономического развития Российской Федерации. 2018. 95 с. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593/prognoz24svod.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=60223a2f-38c5-4685-96f4-6c6476ea3593>

³ См.: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

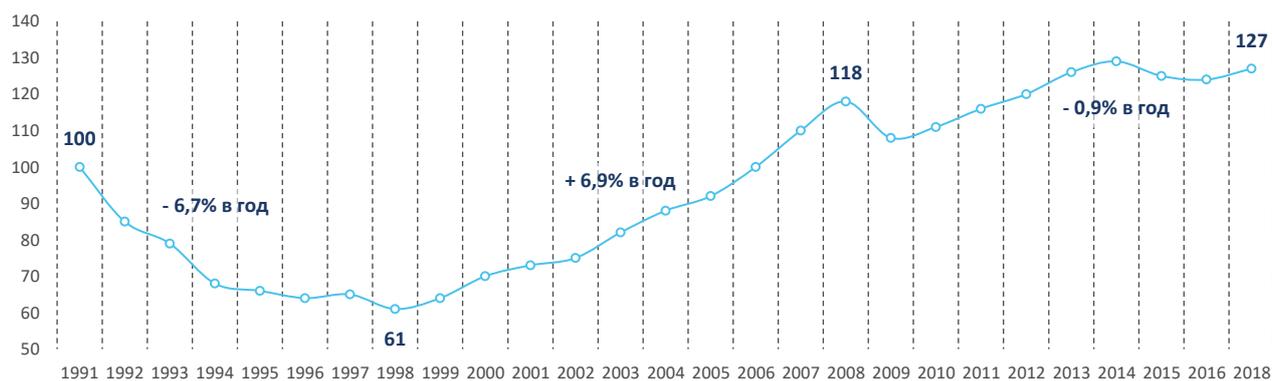

Рис. 1. Динамика ВВП России в 1991–2018 гг., % к 1991 году

Источник: данные Росстата.

 Таблица 1. ВВП на душу населения в 1990–2018 гг.
(в постоянных ценах по ППС), тыс. долл. США / чел.

Страна	1990 г.	1998 г.	2000 г.	2008 г.	2010 г.	2018 г.	2018 г. к 1990 г., раз
Россия	20,6	11,9	14,0	24,0	23,3	25,3	1,23
США	36,8	42,8	45,7	50,3	49,5	55,6	1,51
ЕС	24,8	28,4	30,3	35,1	34,1	38,1	1,54
Германия	31,2	35,1	36,7	40,9	40,4	45,9	1,47

Источник: данные Всемирного банка.

в 2009–2018 гг. составили в среднем лишь 0,9%⁴ (рис. 1).

Несмотря на довольно высокие темпы роста экономики России в первой половине 2000-х гг., в настоящее время по среднему значению ВВП Россия довольно существенно отстает от развитых стран мира (в 2018 году значение данного показателя в России составляло 25,3 тыс. долл. США / чел., тогда как в Соединенных Штатах Америки – 55,6, в Германии – 45,9 тыс. долл. США / чел., табл. 1).

Причиной сложившейся ситуации, по мнению ведущих ученых (С.Ю. Глазьев, С.С. Губанов, В.В. Ивантер и др.), является экспортно-сырьевая модель отечественной экономики, резервы роста которой в существующих условиях весьма ограничены.

Об этом, в частности, свидетельствует развитие отечественной промышленности в постсоветский период. Так, по объему про-

мышленного производства не удалось превзойти уровень 1991 года: в 2018 году он составил 94,1% от базового периода; по обрабатывающим производствам – 92,5%. Довольно устойчиво развивается лишь сектор добычи полезных ископаемых, где почти на ¼ удалось превзойти объем производства 1991 года (рис. 2).

Наряду с определенной стагнацией объемов производства наблюдается снижение числа занятых в сфере промышленности в регионах страны. В частности, в Вологодской области количество работников в ведущих отраслях обрабатывающей промышленности региона (машиностроение и металлообработка, черная и цветная металлургия) в 1995–2018 гг. снизилось с 79,3 до 38,2 тыс. человек (рис. 3).

В целом за годы рыночных реформ в отраслевой структуре российской экономики произошли существенные изменения. Так,

⁴ По данному показателю в последние годы Россия существенно отстает от многих развитых и развивающихся стран мира (в 2019 году темпы роста экономики Китая составили 6,3%, Индии – 7,4%, США – 2,5%, Канады – 2% и т. д.).

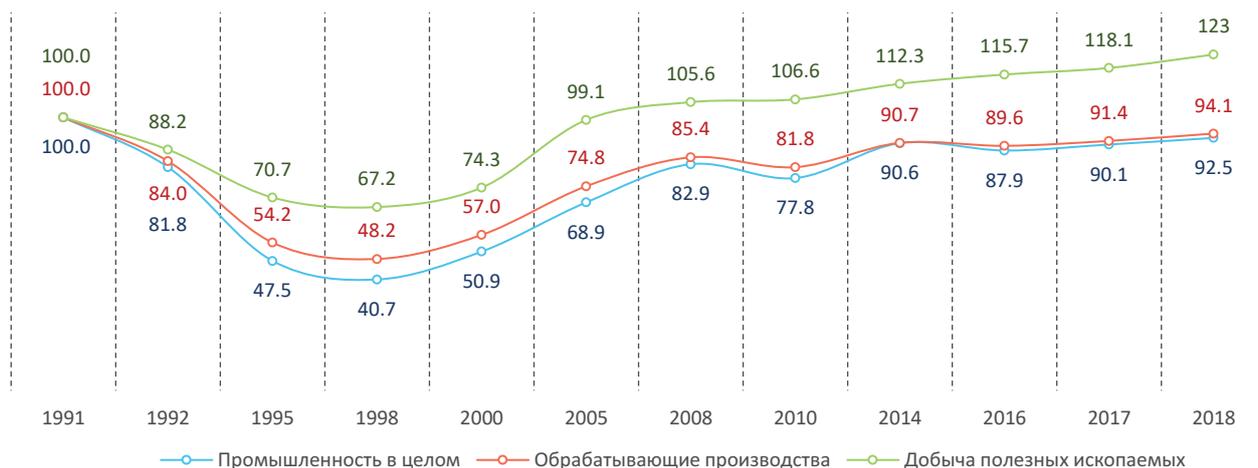

Рис. 2. Индекс промышленного производства в РФ (значение показателя за год), % к 1991 году
Источник: данные Росстата.

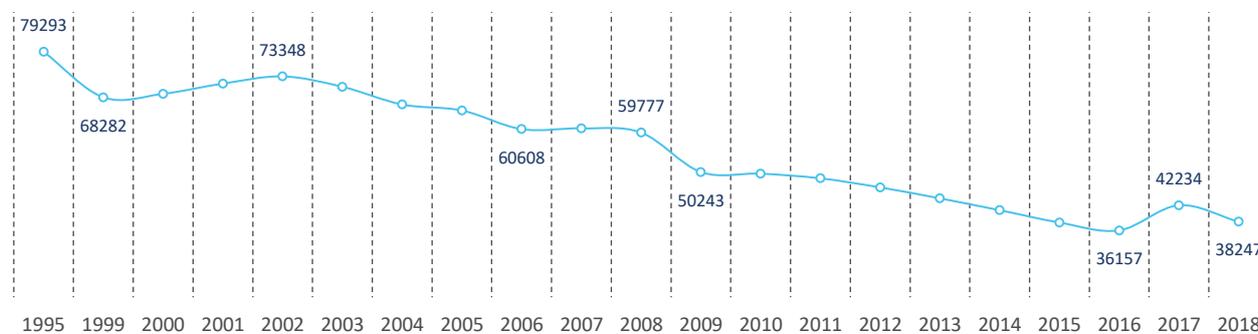

Рис. 3. Численность промышленных работников Вологодской области, чел.
Источник: данные Вологдастата.

в структуре валового выпуска сократилась доля продукции машиностроения (с 11,4 до 2,4%), сельского и лесного хозяйства (с 11,1 до 3,3%), легкой промышленности (с 6,5 до 0,2%). Возрос удельный вес предпринимательских услуг (прежде всего финансового посредничества и операций с недвижимым имуществом), добычи полезных ископаемых и торговли (табл. 2).

Следствием низкой общественной эффективности существующей экономической модели современной России является, прежде всего, то, что реальные располагаемые доходы населения с 1991 года выросли лишь на $\frac{1}{4}$, а в течение последних лет и вовсе наблюдается тенденция к их стагнации и снижению (рис. 4).

Таким образом, стоящие в настоящее время стратегические задачи, направленные на решение проблем социально-экономического развития России, обеспечение высокого

качества жизни населения и национальной безопасности страны, требуют консолидации усилий федеральных, региональных и местных органов власти, частного бизнеса и институтов гражданского общества для достижения национальных целей.

Целью работы является исследование проблем развития проектного управления в публичном секторе в ракурсе достижения национальных целей.

Заявленная цель предполагает постановку и решение следующих задач:

1. Исследование теоретико-методологических аспектов сущности и особенностей внедрения проектного управления в государственном секторе.
2. Анализ ключевых тенденций, проблем и рисков реализации национальных проектов РФ на период 2019–2024 гг.
3. Научное обоснование комплекса мероприятий по нивелированию существующих

Таблица 2. Структура валового выпуска РФ по отраслям в 1990 и 2018 гг., % к итогу

Отрасль	Валовой выпуск		
	1990 г.	2018 г.	2018 к 1990 г., +/-
Предпринимательские услуги*	6,4	17,1	10,7
Добыча полезных ископаемых	3,6	12,9	9,3
Энергетика	1,6	2,7	1,1
Государственное управление	5,0	7,6	2,6
Прочее	5,9	15,4	9,5
Оптовая и розничная торговля	10,0	14,3	4,3
Металлургия	4,0	2,4	-1,6
Образование	1,6	3,2	1,6
Строительство	7,7	6	-1,7
Пищевая промышленность	7,1	1,9	-5,2
Здравоохранение	2,3	3,4	1,1
Связь	1,5	1,0	-0,5
Деревообработка	1,9	0,3	-1,6
Химическое производство	5,7	1,0	-4,7
Транспорт	6,6	4,9	-1,7
Сельское и лесное хозяйство	11,1	3,3	-7,8
Машиностроение	11,4	2,4	-9,0
Легкая промышленность	6,5	0,2	-6,3

* К предпринимательским услугам отнесены:
– гостиницы и рестораны,
– финансовая деятельность,
– операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг,
– предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг.

Источники: данные Росстата; Анализ и моделирование экономики на основе межотраслевого баланса: монография / В.А. Ильин [и др.]; под науч. рук. чл.- корр. РАН В.А. Ильина. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017. 158 с.

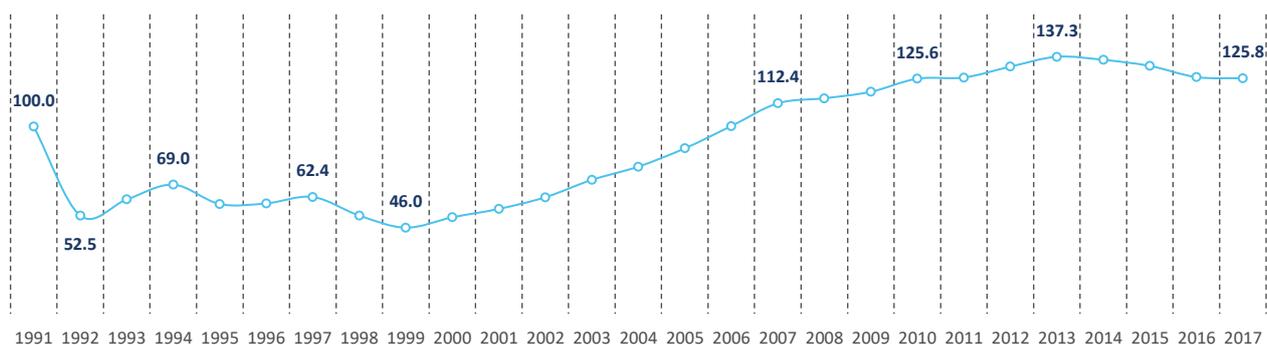

Рис. 4. Динамика реальных располагаемых доходов населения РФ, % к уровню 1991 года

Источник: данные Росстата.

ющих рисков, достижению национальных целей на региональном и муниципальном уровнях.

Теоретические и методологические аспекты исследования. Одним из путей

повышения эффективности управления социально-экономическим развитием страны является внедрение наряду с традиционными подходами к организации системы управления (функциональный и регламентный)

[1; 2] методологии проектного управления на всех уровнях власти, сочетающей в себе сильные стороны целого ряда других подходов (например, декомпозиция основной задачи на фазы, характерная для процессного подхода, и т. п.) [3–5].

Как свидетельствуют исследования [6–8], а также успешный мировой опыт, проектное управление позволяет обеспечить концентрацию и рациональное использование ограниченных ресурсов (финансовых, инвестиционных, человеческих, управленческих и др.) публичного и частного секторов; эффективное взаимодействие экономических субъектов (в том числе межведомственное), являющихся участниками реализации проекта. В частности, результаты исследований Международной ассоциации управления проектами свидетельствуют о том, что использование на практике инструментария проектного управления позволяет обеспечить экономию времени порядка 20–30% и затрачиваемых на осуществление деятельности средств на 5–20%⁵.

Технология проектного управления базируется на понятии «проект», являющемся весьма многоаспектным и характеризующимся следующими основными признаками:

- наличие четкой цели, ориентированной на решение конкретной проблемы;
- четко ограниченные временные рамки реализации проекта;
- определенная уникальность, неповторимость;
- ограниченность ресурсов (финансовых, временных и т. п.) на его реализацию;
- наличие команды проекта и т. п. [9–12].

При этом за годы своего эволюционного развития концепция проектного управления постепенно трансформировалась от подхода, присущего прежде всего крупным государственным проектам с техническим уклоном, до комплексной методологии управления организационными процессами на всех уровнях власти [13; 14].

В Российской Федерации за последние несколько лет на федеральном и региональном уровнях была создана довольно благоприятная институциональная и нормативно-правовая среда для развития проектного подхода в деятельности органов государственной исполнительной власти. На федеральном уровне профильным органом власти, осуществляющим поддержку процессов внедрения проектного управления, был определен Департамент стратегического управления, государственных программ и инвестиционных проектов Министерства экономического развития РФ. При Департаменте в 2013 году образован Совет по внедрению проектного управления в федеральных органах исполнительной власти и органах государственной власти субъектов РФ [3]. Органами, обеспечивающими управление реализацией проектов, являются созданные проектные офисы.

Утверждено Постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 года № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве России». Ключевым новшеством данного документа в отличие от существующей нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы организации проектного управления в системе органов исполнительной власти, является четкое определение иерархии проектов, введение понятия национального проекта [15].

Согласно постановлению, под национальным проектом понимается проект, обеспечивающий достижение целей и целевых показателей, выполнение задач, определенных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

В соответствии с этим указом были разработаны и находятся в настоящее время в фазе реализации 12 национальных проектов на 2018–2024 гг., а также Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры РФ до 2024 года.

⁵ Материалы VIII Международной конференции ПМСОФТ по управлению проектами «ПМСОФТ и Primavera – успешные инвестиции в промышленность и строительство».

Фактически указанные проекты можно сгруппировать по следующим направлениям развития⁶:

- человеческий капитал («Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура»);

- экономический рост («Наука», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Цифровая экономика», «Производительность труда и поддержка занятости», «Международная кооперация и экспорт», «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры»);

- комфортная среда для жизни («Безопасные и качественные автомобильные дороги», «Жилье и городская среда», «Экология»).

Основные результаты исследования

Стоит отметить, что идея национальных проектов как курса на инвестиции в человека заявлена В.В. Путиным еще в 2005 году. Однако уже в 2009 году приоритетные нацпроекты («Здоровье», «Жилье», «Развитие АПК», «Образование») были преобразованы в государственные программы, а специальный департамент упразднен. При этом выполнить удалось не все целевые показатели. Так, одной из поставленных задач был рост ежегодного объема жилищного строительства в РФ к 2010 году до 80 млн кв. м, но в 2008 году объем жилищного строительства, по данным Росстата, составил лишь 64,1 млн кв. м, в 2010 году – 58,4 млн кв. м. Показатель в 80 млн кв. м оказался достигнут только по итогам 2014 года⁷.

Академик РАН С.Ю. Глазьев., анализируя нацпроекты середины 2000-х гг., отмечал отсутствие научно обоснованного, взвешенного подхода при их формировании, считая, по сути, данные документы «...пиар-акцией, а не реальными проектами». По его мнению, нацпроекты строились из практически обычных бюджетных мероприятий без четко

поставленных целей, реализовывались в условиях недофинансирования по сравнению с текущими потребностями [16].

Национальные проекты, позиционируемые властями как драйвер развития экономики, социальной сферы, науки и инфраструктуры России до 2024 года, уже на начальном этапе их реализации привели к острым дискуссиям среди ученых и экспертов ввиду как амбициозных целей и задач, стоящих перед данными проектами, так и наличия значительного количества рисков, ограничивающих возможность их эффективной реализации. При этом возникает вопрос: повторятся ли итоги приоритетных нацпроектов России образца 2000-х гг. или нацпроекты 2019–2024 гг. будут результативнее, учитывая возникшие у предшественников проблемы?

Как отмечают О.Б. Иванов, Е.М. Бухвальд, новое обращение к использованию такого инструмента, как национальные проекты, происходит в заметно изменившихся, менее благоприятных институциональных и экономических условиях. При этом сохраняется неопределенность в понимании места нацпроектов в системе стратегического планирования [17].

Анализ хода реализации национальных проектов в 2019 году, а также экспертных оценок Счетной палаты РФ позволяет выявить целый ряд существующих проблем.

Во-первых, это неполное использование в 2019 году выделенных на реализацию нацпроектов финансовых средств. В частности, за январь–сентябрь 2019 года было освоено лишь 52,1% от запланированного объема финансирования. Так, расходы на нацпроект «Повышение производительности труда и поддержка занятости» были профинансированы на 38,8%, «Экология» – 22,1%, «Безопасные и качественные автомобильные дороги» – на 55,8% (рис. 5). Одной из причин такой ситуации, по мнению экспертов из Счетной палаты РФ, является неготовность регионов представить под финансирование

⁶ См.: Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты (на основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.). М., 2019. 56 с. URL: <http://static.government.ru/media/files/p7nn2CS0pVhvQ98OOWAt2dzCIAietQjh.pdf>

⁷ История нацпроектов в России. URL: <https://tass.ru/info/6101471>

Рис. 5. Уровень исполнения расходов на нацпроекты в I–III квартале 2019 года, % от плана

Источник: В Счетной палате рассказали об освоении средств на нацпроекты.

URL: <https://tass.ru/nacionalnye-proekty/708666868>

проработанные проекты и необходимый пакет документов.

Во-вторых, набор целевых показателей в федеральных и региональных паспортах нацпроектов не всегда обеспечивает полный охват национальных целей. В связи с этим важной задачей является корректировка данных документов.

В-третьих, наблюдается несформированность комплексной системы мониторинга и контроля реализации национальных проектов, позволяющей получать информацию о ходе реализации национальных проектов, достижении их контрольных точек, результатах и показателей в оперативном режиме.

Предложения и заключение

С учетом итогов реализации предыдущих, содержания и целей новых нацпроектов, геополитической и геоэкономической ситуации в мире экспертами уже на начальном этапе отмечается, что в текущих документах не учтены особенности регионов РФ (диспропорции в их развитии, финансовых возможностях); наблюдается недостаточная проработанность нацпроектов; включение задач,

которые реализуются в повседневной работе органов власти; отсутствие корреляции нацпроектов с госпрограммами и др.

В таких условиях достижение национальных целей требует некоторой трансформации системы управления. Так, на федеральном уровне, а также в программах социально-экономического развития регионов и муниципалитетов необходимо заложить мероприятия, направленные на учет местных особенностей при реализации нацпроектов [18]. Например, целесообразно более подробно проработать комплекс инструментов, ориентированных на поддержку модернизации объектов коммунальной инфраструктуры на селе и увеличение доли сельского населения, обеспеченного качественной питьевой водой (в 2018 году на сельских территориях Вологодской области недоброкачественную питьевую воду употребляли 45% жителей). Аналогичные рекомендации можно отметить при реализации нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» в части развития транспортной связи между малыми и отдаленными населенными пунктами (табл. 3).

Таблица 3. Мероприятия по достижению национальных целей на региональном и муниципальном уровне

Мероприятия	Примеры
1. Учет региональных составляющих и местных особенностей развития при реализации нацпроектов в регионах	В нацпроекте «Экология» требуется более подробная проработка мероприятий, направленных на увеличение доли сельского населения, обеспеченного качественной питьевой водой; в нацпроекте «Безопасные и качественные автомобильные дороги» следует уделить большее внимание мерам, касающимся развития транспортной связи между малыми и отдаленными населенными пунктами, и т. п.
2. Более детальная проработка механизмов реализации нацпроектов	В нацпроекте «Жилье и городская среда» следует тщательнее проработать варианты решения жилищных проблем населения с низким уровнем доходов, жителей небольших населенных пунктов; необходима корректировка Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (КП) в регионе, утвержденного в 2018 году, в соответствии с методикой ранжирования отдельных мероприятий транспортной части от 2019 года
3. Увязка нацпроектов с федеральными и региональными госпрограммами, международными документами	В Комплексном плане более детально конкретизировать связь региональных транспортных проектов с задачами по развитию экономики регионов России; в нацпроекте «Экология» увязать цель проекта по увеличению количества и площади особо охраняемых природных территорий с Конвенцией о биологическом разнообразии и т. п.
4. Более четкое обоснование магистральных федеральных и региональных инструментов достижения целевых показателей нацпроектов в «дорожных картах»	В нацпроекте «Жилье и городская среда» более четко прописать по годам реализации запланированные в регионе меры по увеличению темпов жилищного строительства до целевого уровня, учитывая, что объемы строительства в России сокращаются несколько лет подряд и во многих регионах не достигли уровня 2014 года; В нацпроекте «Безопасные и качественные автомобильные дороги» – меры по снижению показателя «смертность от ДТП в расчете на 100 тыс. жителей» (в паспорте федерального нацпроекта – это сокращение в 3,3 раза)
5. Формирование на федеральном и региональном уровне системы статистического наблюдения и оперативного мониторинга за достижением целевых показателей нацпроектов	Например, в нацпроекте «Экология» не утверждена единая методика расчета ущерба от лесных пожаров; наблюдается некоторое несоответствие показателей Росстата с данными Росгидромета относительно количества городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха и т. п.
Составлено по: [19].	

Важной задачей является также увязка национальных проектов с федеральными и региональными госпрограммами, международными документами. Например, в Комплексном плане модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года целесообразно более детально конкретизировать связь региональных транспортных проектов с задачами по развитию экономики регионов России; в нацпроекте «Экология» – увязать цель по увеличению количества и площади особо охраняемых природных территорий с Конвенцией о биологическом разнообразии и т. п. (так, общая площадь ООПТ Вологодской области – 6,2% от всей

площади территории региона; в соответствии с Конвенцией к 2020 году общая площадь наземных ООПТ должна составлять не менее 17%).

На региональном уровне крайне важны более детальная проработка механизмов реализации нацпроектов через институт государственных и муниципальных программ, четкое обоснование магистральных федеральных и региональных инструментов достижения целевых показателей нацпроектов в «дорожных картах».

Например, в нацпроекте «Жилье и городская среда» следует тщательнее проработать варианты решения жилищных проблем на-

селения с низким уровнем доходов, жителей небольших населенных пунктов, для которых использование механизма ипотеки при улучшении жилищных условий является проблематичным. Наряду с этим целесообразным видится более четко прописать по годам реализации запланированные в регионах РФ меры по увеличению темпов жилищного строительства до целевого уровня, учитывая, что объемы строительства в России сокращаются несколько лет подряд и во многих регионах не достигли уровня 2014 года.

Важная задача – сохранение в нормативном состоянии существующего жилищного фонда и предотвращение процессов нарастания его ветхости и аварийности, поскольку, начиная с 1990-го года, объемы такого жилья в России росли стремительными темпами и к середине 2000-х гг., увеличившись более чем в 3 раза, достигли весьма ощутимых размеров – 99,9 млн кв. м (2012 год, *рис. 6*). При этом более быстрыми темпами растут объемы аварийного жилья. Существующие в настоящее время объемы капитального ремонта жилья не позволяют остановить процессы его ветшания и перехода в категорию аварийного. Так, если в 1990 году в целом по России было отремонтировано 29,1 млн кв. м,

то в последние годы объемы ремонтных работ находятся на уровне 3–8 млн кв. м.

Значительное внимание в нацпроектах уделяется инфраструктурному обустройству территорий («Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры», «Безопасные и качественные автомобильные дороги»), где в настоящее время сконцентрирован целый ряд проблем. Существующая дорожная инфраструктура в регионах находится в неудовлетворительном состоянии и требует проведения значительного объема работ. Так, в 2018 году в среднем по России только 70% автодорог имели твердое покрытие (снижение на 18 п. п. по сравнению с 1990 годом), в Вологодской области – 58,9% (снижение на 28,1 п. п., *табл. 4*). Это является, в том числе, причиной высокой смертности от ДТП – 12,4 человек на 100 тыс. чел. населения (тогда как в Германии значение данного показателя, по информации ВОЗ, составило 4,1 чел., в Канаде – 5,8, Финляндии – 4,7, Норвегии – 2,7 и т. д.).

В рамках реализации мероприятий нацпроекта планируется снизить смертность населения в ДТП на 70% (с 13 до 4 погибших в расчете на 100 тыс. чел. населения, что бу-

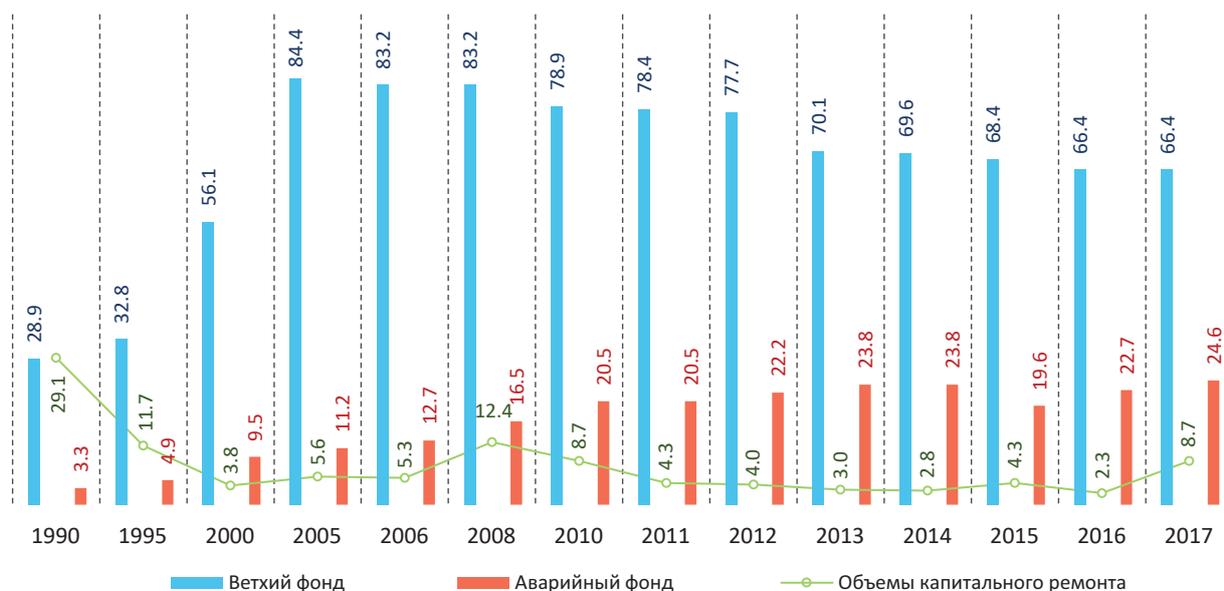

Рис. 6. Площадь ветхого и аварийного жилищного фонда и капитально отремонтированных помещений в квартирах жилых домов России в 1990–2017 гг., млн кв. м

Источник: данные Росстата.

Таблица 4. Показатели, характеризующие развитие дорожного хозяйства регионов РФ

Территория	1990 г.	2010 г.	2015 г.	2016 г.	2018 г.	2018 г. к 1990 г.
Удельный вес дорог с твердым покрытием в общей протяженности автодорог общего пользования федерального, регионального или межмуниципального и местного значения, %						
Российская Федерация	87,9	80,6	70,6	70,3	70,3	-17,6 п. п.
Мурманская область	92,1	95,1	94,1	94,6	95,3	3,2 п. п.
Калининградская область	100,0	94,1	89,3	86,7	86,6	-13,4 п. п.
Республика Коми	68,5	85,5	85,2	85,5	85,7	17,2 п. п.
Республика Карелия	87,8	83,4	79,1	79,5	79,4	-8,4 п. п.
Ленинградская область	99,4	93,6	78,0	77,9	78,8	-20,6 п. п.
Новгородская область	98,5	88,4	72,5	72,9	72,8	-25,7 п. п.
Псковская область	98,8	81,7	72,8	73,0	72,1	-26,7 п. п.
Ненецкий автономный округ	91,9	72,6	66,8	69,3	71,6	-20,3 п. п.
Архангельская область	75,6	61,9	63,1	62,3	61,8	-13,8 п. п.
Вологодская область	87,0	88,6	59,7	58,5	58,9	-28,1 п. п.
С 2012 г. – включая протяженность улиц						
Количество погибших в ДТП, чел. на 100 тысяч чел. населения						
Российская Федерация	23,9	18,7	15,8	13,9	12,4	51,9%
Ленинградская область	34,1	34,9	34,4	27,7	23,9	70,1%
Псковская область	33,2	26,6	27,8	21,7	19,3	58,1%
Новгородская область	31,2	33,9	27,3	23,7	18,6	59,6%
Вологодская область	18,1	16,1	11,6	10,3	12,2	67,4%
Республика Карелия	20,6	15,5	14,7	14,3	12,1	58,7%
Республика Коми	16,3	13,4	14,5	11,8	12,1	74,4%;
Калининградская область	29,6	16,7	17,3	17,3	11,1	50,9%
Архангельская область	18,0	15,9	11,9	12,9	11,0	61,1%
Мурманская область	10,8	12,3	7,3	8,0	8,9	82,4%

дет соответствовать уровню передовых стран Европы, достигнутому по итогам 2016 года). На наш взгляд, задача по сокращению смертности от ДТП в 3,3 раза за семь лет (2018–2024 гг.) выглядит слишком амбициозно, даже учитывая реализацию комплекса широкомасштабных мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения в этот период. За предшествующие девять лет (2009–2017 гг.) данный показатель сократился лишь в 1,6 раза (с 21,1 до 13,0).

Вместе с тем в соответствии с Транспортной стратегией Российской Федерации (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 г. № 1734-р; ред. от 12.05.2018 г.) планировалось достичь следующих значений показателя «число погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 100 тыс. чел.

населения»: в 2024 году – 13,3; в 2030 году – 10,7. В Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 гг. (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 08.01.2018 г. № 1-р) в качестве целевого ориентира обозначено стремление к нулевой смертности в дорожно-транспортных происшествиях к 2030 году; в качестве ориентира на 2024 год устанавливается показатель социального риска, составляющий не более 4 погибших на 100 тыс. чел. населения. Это еще раз свидетельствует о необходимости инвентаризации всех стратегических документов и приведения их в соответствие с обозначенными Президентом РФ национальными целями [20].

Подводя итог, следует отметить, что национальные проекты, призванные обеспе-

чить повышение качества жизни населения России на основе сбалансированного роста экономики, при условии проработки механизмов их реализации могут стать мощным инструментом государственной политики. Предлагаемые в них комплексные преобразования должны заложить основу динамичного развития страны, в том числе и за рамками 2024 года. Таким образом, реализация столь значимых для страны проектов требует комплексного, системного анализа и эффективного управления возникающими рисками на всех этапах реализации.

Необходимо повышение роли Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции РФ, Общественной палаты, общественных советов при органах исполнительной власти, бизнес-ассоциаций

как площадок открытого диалога власти, бизнеса и общественности при реализации обозначенного выше комплекса мероприятий по достижению национальных целей на региональном и муниципальном уровнях и минимизации существующих рисков. Важной задачей является организация системы мониторинга хода реализации национальных проектов в 2020–2024 гг.

Научная и практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы органами государственной и муниципальной власти при совершенствовании механизмов реализации национальных проектов и эффективной их интеграции в систему стратегического управления на региональном и муниципальном уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственное стратегическое управление: монография / под. общ. ред. проф. Ю.В. Кузнецова. СПб.: Питер, 2014. 320 с.
2. Борисов С.А., Плеханов А.Ф. Сравнительный анализ проектного и процессного подходов в управлении инновационной деятельностью // Российское предпринимательство. 2013. № 13 (235). С. 91–96.
3. Кожевников С.А. Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. 2016. № 5 (35). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2037>
4. Kendall G., Rollins S. *Advanced Project Portfolio Management and the PMO. Multiplying ROI at Warp Speed*. 2003. 448 p.
5. Beata Jałochaa, Hans Petter Kraneb, Anandasivakumar Ekambaramc, Grayna Prawelska-Skrzypekd. *Key competences of public sector project managers*, 2013, p. 246–257.
6. Ускова Т.В., Копытова Е.Д. К вопросу о внедрении проектного управления в органах власти // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 7–27.
7. Юрьева Т.В. Проектный подход как инструмент реализации стратегических целей // Экономические науки. 2014. № 11 (120). С. 7–10.
8. Пенчук А.В., Бегчин Н.А. Реализация программно-целевых инструментов на федеральном уровне: анализ, проблемы и перспективы // Аудит и финансовый анализ. 2016. № 2. С. 343–348.
9. Грей К.Ф., Ларсон Э.У. Управление проектами. М.: Изд-во «ДИС», 2003. 528 с.
10. Шестопапов П.Л. Выгоды и возможности проектного управления в органах государственной власти. М., 2015. 26 с.
11. *A Guide to the Project Management Body of Knowledge (PMBOK® Guide) – Fifth Edition*. Available at: <http://www.pmi.org>
12. Reichard C. Education and Training for New Public Management. *International Public Management Journal*, 1998, no. 1 (2), pp. 177–194.

13. Crawford J.K. *The Strategic Project Office: A Guide to Improving Organizational Performance*. N. Y.: Marcel Dekker, Inc., 2002.
14. Johnson R., Kast F., Rozenzweig J. *The Theory and Management of Systems*. N. Y., 1967. Pp. 410–411.
15. Васильев А.И. Развитие инструментария проектного управления в федеральном органе исполнительной власти // Московский экономический журнал. 2019. № 2. С. 489–493. DOI 10.24411/2413-046X-2019-10006
16. Глазьев С.Ю. Национальные проекты: реальность и проблемы // Вестник Института экономики РАН. 2007. № 1. С. 32–35.
17. Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 1. С. 37–53.
18. Ильичева Л.Е., Лапин А.В. Разработка региональной стратегии: новые подходы и критерии // Власть. 2019. Т. 27. № 5. С. 80–89. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i5.6723>
19. Национальные проекты 2019–2024 гг.: Анализ и ключевые риски их реализации. Экономический блок: науч.-справ. изд. / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 93 с.
20. Ворошилов Н.В. Основные характеристики и риски реализации национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» // Вопросы управления. 2019. № 4 (59). С. 122–136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Александрович Кожевников – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

Kozhevnikov S.A.

PROBLEMS OF PROJECT MANAGEMENT DEVELOPMENT IN THE PUBLIC SECTOR IN THE PERSPECTIVE OF ACHIEVING NATIONAL GOALS

Russia is now facing the challenges that lie primarily in the need to ensure high economic growth, reduce the technological gap with the developed countries of the world and provide high level and quality of life of the population on the background of sanctions and the growing instability in the world economy. All these circumstances require improving the utilization of internal development sources. National projects adopted in in 2019 in accordance with the decree of the President of the Russian Federation Vladimir Putin № 204 “On the national goals and strategic objectives of the Russian Federation development for the period up to 2024” are aimed at the solution of these tasks and involve significant financial investments mainly in the industry of trunk road infrastructure and human capital. However, scientific and expert communities continue heated debates about the possible risks and threats of achieving national goals in the current conditions. The aim of the work is to study the problems of economic development management in Russia in the perspective of national goals. The obtained results indicate that the key risks of national projects implementation at this stage is weak consideration of regional components and regional characteristics of development; inadequate mechanisms for their implementation; weak correlation between national projects and the Federal and regional state programmes, international instruments, etc. Besides, a number of targets are insufficiently substantiated or very difficult to achieve, in our view. The system of monitoring of the national projects progress is currently being under development.

However, it should be noted that the national projects designed to improve the quality of the Russian population's life on the basis of balanced growth in the economy, subject to the finalization of the mechanisms for their implementation, effective integration into the system of strategic management at the regional and municipal levels, should lay the basis for the country's dynamic development, including the period after 2024.

National goals, national projects, strategy, region, economic growth, Russia, Vologda Oblast.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kozhevnikov – Ph.D. in Economics, Leading Researcher, Deputy Head of Department, Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.6

УДК 332 | БКК 65.37

© Заостровских Е.А.

УГОЛЬНЫЕ ПОРТЫ ВАНИНО И ВОСТОЧНЫЙ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА

ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА ЗАОСТРОВСКИХ

Институт экономических исследований

Дальневосточного отделения Российской академии наук

Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153

E-mail: zaos-elena@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-7447-0406](https://orcid.org/0000-0002-7447-0406)

Классическое представление о том, что порт является полюсом роста для экономики региона, в последнее время подвергается сомнению. Изменение специализации порта, снижение торговых барьеров, логистических издержек привели к тому, что теоретические и методологические вопросы о характере взаимодействия порта и региона пересматриваются. Базовые модели развития портов не подтверждают снижение экономических эффектов деятельности порта для региона в практической плоскости. В статье предпринята попытка получить ответ на вопрос, могут ли порты стать полюсами роста экономики региона. В этом ключе предлагается количественный анализ взаимозависимостей между специализацией порта и экономикой региона. Одна из основных целей статьи – оценить экономические эффекты для региона от реализации угольных проектов в портах Ванино и Восточный в среднесрочной перспективе. Составлен собственный алгоритм оценки экономических эффектов, локализованных на двух территориальных уровнях: в портовом регионе и в остальных регионах. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что реализация угольных проектов не окажет существенного влияния на портовый регион: экономические эффекты станут постепенно снижаться, а отрицательные последствия – возрастать. Интенсивный рост угольных грузов, следуемых из других регионов, будет блокировать возможности роста перевалки перспективных грузов портового региона, а также увеличит зависимость портов от мирового спроса на топливно-энергетические грузы стран АТР. Нивелирование транспортных расходов за счет налоговых льгот Свободного порта Владивосток на уголь, с одной стороны, создаст конкурентные преимущества для российского угля на международном рынке, а с другой стороны, стимулирует отрицательное воздействие

Для цитирования: Заостровских Е.А. Угольные порты Ванино и Восточный и их влияние на экономику региона // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 78–92. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.6

For citation: Zaostrovskikh E.A. The coal ports of Vanino and Vostochny and their influence on the region's economy. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 78–92. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.6

для портовых регионов. Узкая угольная специализация портов не вызовет цепную реакцию роста промышленного производства в портовом регионе. Следовательно, порты будут выступать исключительно как объекты, которые влияют на экономику портового региона лишь через увеличение объема перевалки угля.

Морские порты, Ванино, Восточный, уголь, экономический эффект, портовый регион, Хабаровский край, Приморский край.

Введение

Одна из активно обсуждаемых тем в области развития экономики России – «новая восточная политика», возникшая еще в конце 90-х годов XX века. Вместе с тем масштабные инвестиции в транспортную инфраструктуру пришли на Дальний Восток только после 2006 года, когда было объявлено о проведении саммита АТЭС во Владивостоке [1; 2]. В число регионов, на которые делается ставка, входят Хабаровский и Приморский края, где ключевыми инфраструктурными проектами выступают морские порты (далее – порты) Ванино и Восточный.

В настоящее время Ванино и Восточный играют исключительную роль в регионе, занимая первое и второе места в Дальневосточном рейтинге портов по перевалке грузов. В них реализуются крупные проекты для экспорта угольных грузов в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР). По самым скромным подсчетам, объем перевалки угля в исследуемых портах увеличится примерно в 1,5 раза и в 2030 году приблизится к отметке 120 млн т, что соизмеримо с показателями 2014 года мирового угольного порта Хэй-Пойнт (Австралия), занявшего 33-е место в мировом рейтинге портов по перевалке грузов.

Трудно предположить, насколько эффективными станут угольные проекты портов Ванино и Восточный для Хабаровского и Приморского краев. На данный момент при реализации этих проектов видны многие трудности, часть из которых обусловлена общими макроэкономическими и институциональными проблемами в стране.

Известно, что порты и экономики регионов исторически тесно взаимосвязаны. В настоящее время в научной литерату-

ре рассматриваются два основных подхода к исследованию взаимодействия порта и региона.

Оптимистический подход определяет порт в качестве полюса роста для экономики региона. Экономические эффекты от функционирующего порта позволяют снижать затраты на торговлю, производят добавленную стоимость, увеличивают занятость, а также вовлекают в свою орбиту определенные сектора экономики. Обеспечение эффективного функционирования порта, с одной стороны, оказывает положительное влияние на регион, с другой стороны, повышает конкурентоспособность порта. Соответственно, двусторонняя связь между портом и регионом является взаимным интересом для обеих сторон [3–5].

Пессимистический подход рассматривает порт исключительно как объект, который реагирует на спрос посредством физической передачи грузов с суши на море и обратно. Экономические эффекты от деятельности порта для региона незначительны из-за непрерывного прогресса транспортных систем, а также снижения торговых барьеров и логистических издержек [6].

В статье рассматриваются вопросы: могут ли в среднесрочной перспективе проекты развития угольных портов Ванино и Восточный оказать положительное влияние на экономику Хабаровского и Приморского краев и какие возникнут экономические эффекты. Это требует ряда теоретических и методологических разъяснений о характере взаимодействий морского порта и портового региона.

Объектом рассмотрения настоящей статьи являются взаимосвязи между экономикой региона и функционированием портов Ванино и Восточный. Новизна исследования

состоит в теоретической постановке и практической реализации проблем взаимосвязи между экономикой портовых регионов и функционированием портов в контексте общегосударственных целей и мировых тенденций.

Теоретические концепции

Теоретически порты могут формироваться как полюса роста региона, взаимодействуя на экономическом и транспортном уровнях [7; 8]. Предпосылки формирования регионального полюса роста на базе порта (снижение доли затрат на перевалку грузов, увеличение расстояния перевозок по мере технологического развития порта, рост объемов перевалки грузов с высокой добавленной стоимостью, преобладание доли транспортно-логистических услуг над долей услуг по перевалке грузов в объеме полученного дохода) могут быть выделены в рамках основных моделей, объясняющих развитие портов и их зон тяготения.

Одной из таких моделей является модель «Aнуport» [9], в которой описывается эволюция портовых функций в пространстве и времени. Более сложная модель – «Port regionalization» [10]. Обе модели объясняют, как меняются зоны обслуживания порта по мере его технологического развития. К числу важных факторов, влияющих на зоны обслуживания порта, относятся: характер и структура грузопотока, инфраструктура, организация труда в порту, структура морских перевозок и конкурентоспособность. Ключевое отличие модели «Port regionalization» от «Aнуport» заключается в том, что она изучает развитие порта вместе с транспортными узлами и объектами инфраструктуры как единую систему грузораспределения.

Для того чтобы определить реалистичность формирования полюса роста на базе порта, необходимо рассмотреть зоны локализации экономических эффектов. Как правило, выделяют два основных уровня: портовый регион¹, который находится в непосредственной близости от порта и может

охватывать различные территориальные образования (экономическая зона вокруг порта, муниципальный район, городской округ и т. д.), и остальные регионы [11]. Однако сложность определения экономических эффектов для портового региона заключается в том, что с интенсивным развитием транспорта существенно расширились границы инновационного производства, удешевилась транспортировка, а коммуникационные технологии обусловили разделение производства между различными регионами и странами. Это привело к тому, что первоначально четко определенные внутренние районы порта стали размыты, потому как ранее генерируемый импульс каждого порта сместился на новые созданные промежуточные импульсы [12].

Как правило, изучение влияния порта на экономический рост региона оценивается разными методами (оценка добавленной стоимости, соотношения вход/выход, статистические методы и т. д.) [13]. Тем не менее существует проблема количественных оценок эффектов функционирования морского порта, локализованных на различных уровнях экономики: «Транспортные связи между портами и внутренними регионами являются слабым звеном в глобальной системе производственно-сбытовых цепочек ... отсутствие высококачественных данных затрудняет понимание воздействия различных факторов на показатели транспортной работы с внутренними регионами»².

А.Л. Кузнецов, А.В. Галин полагают, что «... единой универсальной модели изучаемого объекта создать не удастся ... и поэтому задача создания единой модели пока не может быть решенной» [14]. Во всяком случае, нет общепринятого метода таких измерений. Схожее мнение выражают и другие ученые. Например, В.К. Аблязов отмечает, что прогнозно-плановая работа на предприятиях морского транспорта ведется на недостаточном научно-методическом уровне.

² Вудберн А. Связи между морскими портами и внутренними регионами / Европейская экономическая комиссия ООН. 2010. 107 с. URL: www.unece.org:8080/fileadmin/DAM/trams/doc/.../ECETRANS-210r.pdf (дата обращения 12.2015).

¹ В исследовании под портовыми регионами понимаются Хабаровский и Приморский края.

Степень достоверности прогнозов зачастую лишена обоснованности и не учитывает влияние внешних и внутренних факторов на объем грузов [15]. Аналогичная точка зрения представлена в работах зарубежных исследователей [16; 17].

Поэтому эффекты функционирования порта с трудом поддаются количественному измерению, а отсутствие дезагрегированных данных зачастую является серьезным препятствием для анализа пространственных взаимосвязей между портом и регионом. Это связано с тем, что, во-первых, формирование статистической базы ввоза-вывоза продукции непродовольственных товаров, которая является основой исследования, представляет определенные трудности. Во-вторых, структура грузопотока порта по направлениям (экспорт, импорт, каботаж и транзит) не совпадает с региональной структурой грузопотока. В-третьих, из-за уникальности каждого объекта практически невозможно построить универсальный алгоритм оценки экономических эффектов от деятельности порта для региона [18–20]. В связи с этим при идентификации порта как полюса роста за неимением универсального алгоритма приходится использовать эксклюзивные алгоритмы для каждого отдельного случая. В данной статье предложен один из таких алгоритмов.

Альтернативной точкой зрения является утверждение о том, что порты могут служить не только полюсами роста, но в некоторых случаях и полюсами угнетения экономики регионов. Отмечается несколько ситуаций, когда это становится возможным. Во-первых, развитие транспортной инфраструктуры может привести к региональным диспропорциям и, как следствие, к снижению экономических эффектов для региона [6; 21]. Во-вторых, экономические эффекты от деятельности порта для региона постепенно снижаются из-за уменьшения

логистических издержек и торговых барьеров, в частности использования системы единого окна, создания режима свободной торговли и т. д. [22]. В-третьих, компенсация ущерба окружающей среде от портовой деятельности иногда может превышать экономический эффект для портового региона³. В-четвертых, положительные эффекты от деятельности порта могут «перетекать» в другие регионы, а отрицательные воздействия (загрязнение окружающей среды, образование транспортных заторов) локализоваться в самом портовом регионе [23–26], что характерно для портов, расположенных вдали от основных экономических центров страны. В последнем случае из-за «перетока» доходов в крупные международные экономические системы порт может стать источником социально-экономического конфликта в регионе [27].

В целом существует множество траекторий взаимного развития порта и региона:

- 1) создание логистических терминалов за пределами города («сухой порт»⁴), когда растут численность населения и объем перевалки грузов в порту;
- 2) сокращение территории порта и передача основных функций по перевалке грузов в соседние порты при растущей численности населения и снижающемся объеме перевалки грузов в порту;
- 3) поиск новых источников роста как порта, так и региона при сокращении населения и объемов перевалки грузов;
- 4) поиск перспективных грузов в портовом регионе⁵ при сокращении численности населения и росте объема перевалки грузов в порту.

Анализ текущего состояния

Наиболее развитыми в экономическом отношении территориями Дальнего Востока являются Хабаровский и Приморский края. Общая площадь этих регионов составля-

³ Gibbs D., Rigot-Muller P., Mangan J., Lalwani C. The role of sea ports in end-to-end maritime transport chain emissions. *Energy Policy*, 2014, no. 64, pp. 337–348.

⁴ Сухой порт (от англ. «dry port») представляет собой внутренний терминал, удаленный от порта на небольшое расстояние и связанный с ним железнодорожным или автомобильным сообщением.

⁵ The Competitiveness of Global Port-Cities: Synthesis Report. OECD: Edited by Olaf Merk. 183 p. URL: www.oecd.org/regional/portcities (accessed 09.2012).

ет 952,3 тыс. км² (14% площади ДФО), в них проживает 3224,7 тыс. человек (39% населения ДФО). Эти регионы формируют до 30% регионального продукта по ДФО, занимая первое и второе места по объему отгруженных товаров обрабатывающего производства и второе и пятое – по объему инвестиций в основной капитал. Хабаровский край специализируется на производстве нефтепродуктов, металлопродукции и деревопереработке. Важными отраслями промышленности Приморского края являются рыбная, лесная промышленность и машиностроение. Эти регионы можно назвать лидерами по объему перевозки грузов среди субъектов ДФО. В среднем их доля составляет 33 и 28% соответственно. Уникальное экономико-географическое положение Хабаровского и Приморского краев обеспечивает роль двух основных транспортных узлов Дальнего Востока: «Ванино – Советско-Гаванский транспортно-промышленный узел» и «Восточный – Находка», где ключевыми объектами выступают порты Ванино и Восточный⁶.

Каждый из них имеет свою специфику и историю развития. Универсальный порт Ванино был построен в 1943 году, для того чтобы обеспечить беспрепятственный доступ к Тихому океану в случае открытия второго фронта. Универсальный порт Восточный образован в 1974 году в связи с расширением советско-японской торговли, как основной Дальневосточный транспортный узел, способствующий развитию Международного транспортного коридора «Восток – Запад».

Развитие портов Ванино и Восточный в рамках «новой восточной политики» ознаменовалось строительством двух специализированных терминалов, общей стоимостью 50 млрд руб., для экспорта угля, фор-

мируемого в районах Восточной Сибири⁷. Их суммарный объем перевалки грузов за период с 2005 по 2017 год увеличился в 2,3 раза и достиг отметки 68,7 млн т, из них уголь составил 80%. Вследствие таких преобразований фактически изменилась специализация портов. Особенно ярко трансформация прослеживается в порту Ванино, где доля угольных грузов за исследуемый период увеличилась с 4 до 84% (рис. 1а). В порту Восточный доля угля в перевалке грузов выросла на 8 процентных пунктов и составила 78% (рис. 1б).

Стоит отметить, что «угольный бум» характерен не только для портов Ванино и Восточный, но и для большинства портов Дальнего Востока. В погоне за угольными грузами некоторые терминалы поменяли свою специализацию. В целом 2017 год является переломным годом в развитии портов страны, когда отправка экспортного угля в восточном направлении существенно превысила западное направление⁸.

Ожидалось, что угольные грузы окажут положительное влияние на развитие Хабаровского и Приморского краев. На самом деле сложилась иная ситуация. Во-первых, образовались транспортный коллапс на подъезде к портам и дефицит провозной способности железной дороги. Это привело к потере части грузов – деловая древесина, минеральные удобрения, металлы «ушли» на конкурирующие порты. Во-вторых, появилась проблема доставки каботажных грузов. В-третьих, из-за того что уголь в портах перегружался не только на новых специализированных терминалах, но и на иных терминалах с использованием дешевых технологий (открытый способ хранения и грейферная перегрузка грузов), ухудшилась экология прилегающих территорий [28–31]. По этой причине первоочередным

⁶ В 2009 году к порту Восточный был присоединен Специализированный морской нефтеналивной порт Козьмино. В данном исследовании порт Козьмино не учитывается из-за ограниченной информации о нем.

⁷ В порту Ванино в 2008 году введен в эксплуатацию балкерный терминал, который принадлежит Дальтрансуголь, его общая стоимость составила 28 млрд руб. В порту Восточный с 2012 года введена в эксплуатацию третья очередь угольного терминала, принадлежащего Кузбассразрезуголь, общей стоимостью 32 млрд руб.

⁸ Протяженность территории России с Востока на Запад составляет около 10 тыс. км, поэтому традиционно грузопотоки страны делятся на два направления: западное – грузы, которые расположены до Западной Сибири, тяготеют к портам Южного и Северо-Западного бассейнов, восточное – грузы, которые расположены до района Восточной Сибири, относятся к портам Дальневосточного бассейна.

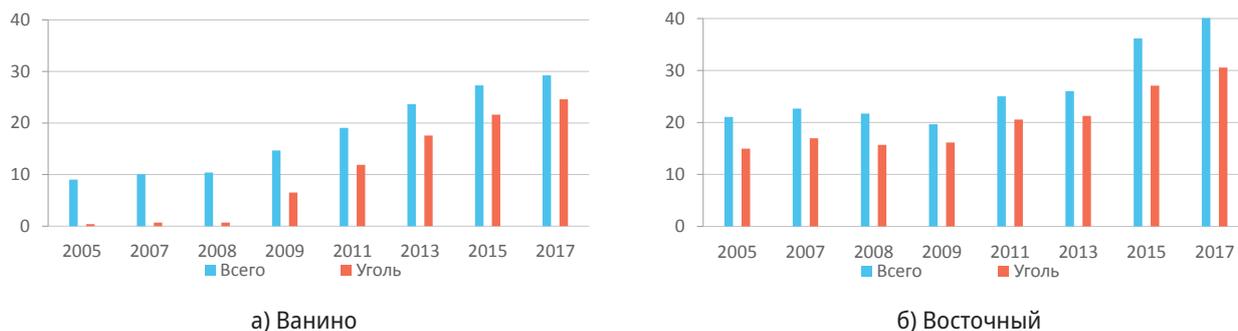

Рис. 1. Динамика перевалки грузов в портах, млн т

Составлено по: данные ОАО «ДНИИМФ», Росморпорт.

вопросом развития исследуемых портов стала разработка стратегии «зеленого порта», которая уже давно широко используется в международных портах. Пока на некоторых терминалах в исследуемых портах разработаны лишь проекты по обеспечению экологической безопасности⁹. В целом перечисленные факторы: образование транспортных заторов и загрязнение окружающей среды – являются классическим примером отрицательного воздействия на портовый регион.

Значимое отрицательное воздействие на портовый регион оказывает снижение численности населения. Предполагалось, что развитие портов Ванино и Восточный будет способствовать созданию синергетического эффекта в виде повышения уровня и качества жизни в регионе, который способствует привлечению дополнительных трудовых ресурсов и приращению населения. Однако в действительности отмечается прямо противоположная тенденция – порты Ванино и Восточный растут, но при этом численность населения продолжает сокращаться¹⁰, а рабочие места частично заполнены людьми из других регионов (заявленные вакансии высококвалифицированных работников не были обеспечены местным рынком труда¹¹). Это означает, что пока наращивание объема перевалки грузов в портах не оказы-

вает положительного влияния на благосостояние и рост численности населения этих территорий. В таком случае, согласно теории, ключевым условием развития порта является поиск перспективных грузов в портовом регионе.

В качестве еще одного важного отрицательного воздействия на портовый регион отмечено «сжатие» зоны обслуживания портов Ванино и Восточный. Это произошло в результате сокращения числа регионов, взаимодействующих с портами на дальние расстояния, и увеличения числа регионов, взаимодействующих на короткие расстояния. Так, если в 2005 году отправка основных грузов в порты осуществлялась из западных регионов страны (Брянская, Свердловская и Оренбургская области), то уже в 2017 году грузы стали формироваться в районах Восточной Сибири. Следовательно, расстояние по-прежнему остается значимым фактором в грузовом потоке портов Ванино и Восточный, что не соответствует теории, в которой отмечается, что зоны обслуживания порта стираются по мере его технологического развития.

Кроме перечисленного выше, еще одним показателем отрицательного воздействия является снижение уровня конкурентоспособности портов Ванино и Восточный по сравнению с портами стран АТР, где до-

⁹ В 2016 году на балкерном терминале АО «Дальтрансуголь» разработан проект «Обеспечение экологической безопасности. Внедрение систем пылеподавления».

¹⁰ Численность постоянного населения в пгт Ванино сократилась на 18% и в 2017 году составила 33,9 тыс. человек, в г. Находке – на 13%, составив 152,2 тыс. человек (по данным Госкомстата РФ. URL: <http://www.gks.ru>).

¹¹ Социально-экономическое положение Ванинского муниципального района Хабаровского края за 2016 год / Управление экономического развития администрации Ванинского муниципального района Хабаровского края. 2017. URL: <http://vanino.org> (дата обращения 03.2019).

минирующую роль играют высокотехнологичные и более эффективные операции по перевалке контейнерных грузов. Например, в порту Ванино в 2005 году объем перевалки контейнерных грузов составлял 5%, в 2017 году этот вид груза исчез. Сохранение угольной специализации может привести к тому, что порты окончательно утратят свою привлекательность на международном рынке транспортных услуг, способных обрабатывать транзитные контейнеры, и будут выступать исключительно как порты для перевалки примитивных грузов.

Между тем мировой рынок угля переживает не лучшие времена. За последние четыре года объем потребления угля основных внешнеторговых партнеров Дальнего Востока (Китай, Республика Корея и Япония) снизился на 4,2% и в 2017 году составил 2081,4 млн т. Такое снижение стало результатом многих факторов, от сокращения производства и установления квот на эксплуатацию угольных шахт в Китае, изменения географии основных поставщиков угля в Республике Корея и Японии до замены угля на сжиженный природный газ в Японии и Китае. Основным поставщиком угля для перечисленных стран выступает Австралия, так как ее конкурентным преимуществом является относительно близкое расстояние до рынка сбыта.

Доля присутствия России по тоннажу на рынке импорта угля этих стран незначительна: Китай – 8%, Республика Корея – 19%, Япония – 10% [32]. Основная проблема поставок угля в восточном направлении заключается в большом расстоянии и транспортных расходах, которые достигают 60% от общей стоимости угля. Перевозка железнодорожным сообщением от Кузнецкого угольного бассейна до порта Ванино составляет 5,3 тыс. км, до порта Восточный – 5,8 тыс. км. В то же время перевозка железнодорожным сообщением от австралийского угольного бассейна Боуэн до порта Хэй-Пойнт – 330 км.

Для того чтобы иметь ценовые конкурентные преимущества на мировом рынке угля, крупные российские угольные компании стремятся контролировать весь процесс транспортировки от места зарождения до места погашения, приобретая железнодорожные вагоны и вкладывая деньги в строительство портовых терминалов. По этой же причине между угольными компаниями существует четкое разделение рынка стивидорных услуг, которые территориально не связаны с портовым регионом. Например, ОАО «Восточный порт» принадлежит УК «Кузбассразрезуголь», ОАО «Ванинский морской торговый порт» – группе ПАО «Мечел», ЗАО «Дальтрансуголь» – ОАО «СУЭК».

Не следует упускать из виду и тот факт, что в будущем спрос на уголь будет постепенно снижаться. Ряд стран разработали новую «зеленую политику» в результате принятия Парижского климатического соглашения, целью которого является сокращение выбросов парниковых газов. В частности, в Китае разработана новая экологическая политика. Согласно ей будет постепенно снижаться спрос на экспортный уголь. В Республике Корея к 2030 году планируется уменьшить энергопотребление на 46% и увеличить долю возобновляемых источников энергии с 2 до 11%. В Японии появилась стратегия энергосбережения до 2030 года¹². Поэтому не исключено, что в условиях снижения спроса стран АТР на импортный уголь нарабатанный резерв конкурентоспособности российской угледобычи будет постепенно снижаться, а порты Ванино и Восточный могут столкнуться с падением рентабельности и ужесточением конкурентной борьбы за новые грузопотоки.

В программных документах страны¹³ порты Ванино и Восточный определены как основные точки роста не только Хабаровского и Приморского краев, но и Дальнего Востока в целом. Приrost их мощностей проектиру-

¹² China 2030 Building a Modern, Harmonious, and Creative Society. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank and the Development Research Center of the State Council, P. R. China, 2013. 444 p.

¹³ ФЦП «Развитие транспортной системы России», подпрограмма «Развитие экспорта транспортных услуг»: утв. Постан. Правительства РФ от 20 декабря 2017 г. № 1596; Стратегия развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года: одобр. Морской коллегией при Правительстве РФ 28 сентября 2012 г.

Таблица 1. Основные перспективные проекты портов Ванино и Восточный

№ п/п	Проект	Инициатор проекта	Объем инвестиций, млрд руб.	Кол-во рабочих мест	Сроки реализации	Прирост мощностей портов
Ванино						
1	Комплекс по перевалке угля*	ООО «Сахатранс»	25,5	480	2020–2023	24,0 млн т
2	Комплекс по перевалке угля*	ООО «ДВП»	23,6	450	2016–2021	15,0 млн т
3	Нефтеперерабатывающий комплекс	ГК «Трансбункер-Ванино»	15,1	150	2020–2025	1,5 млн т
4	Терминал по перевалке глинозема	ООО «РусАл»	5,4	200	2020–2025	3,0 млн т
Восточный						
5	Комплекс по перевалке угля*	ООО «Новый угольный терминал»	60,0	250	2020–2025	20,0 млн т
6	Комплекс по перевалке угля (третья очередь)	ОАО «Восточный порт»	27,0	500	2012–2020	6,0 млн т
7	Контейнерный терминал	ООО «ВСК»	20,0	250	2016–2021	1,0 млн ДФЭ
* Проекты, которые реализуются в рамках СПВ. Составлено по: Инвестиционная карта ДФО. URL: http://map.minvr.ru/ ; Корпорация развития Дальнего Востока. URL: https://erdc.ru						

ется суммарно на уровне 96 млн т при общем объеме инвестиций 176,6 млрд руб. и приросте занятых в 2,2 тыс. человек (табл. 1).

Однако большая часть проектов, «привязанных» к этим планам развития портов, имеет сырьевую направленность, что обуславливает высокую вероятность потери потенциального эффекта от такого расширения. Часть угольных проектов реализуется в рамках проекта «Свободный порт Владивосток» (СПВ)¹⁴ и никак не согласуется с основными целями и задачами СПВ, который направлен на развитие международных транспортных коридоров и наращивание экспорта с высокой добавленной стоимостью. В будущем такая ситуация может привести к тому, что компенсация ущерба окружающей среде от перевалки угля может превысить экономическую выгоду. Кроме того, сроки строительства инфраструктурных проектов (железная дорога, подъездные пути к портам, линия электропередач, водохранилище для заправки судов пресной водой) не синхронизированы с завершением инвестиционных проектов для портов Ванино и Восточный,

приходящихся на один и тот же прогнозный период (2020–2025 гг.). Это может привести к «инвестиционной усталости», а сроки завершения проектов будут растянуты на несколько лет.

Таким образом, перспективы развития портов Ванино и Восточный зависят от сложного переплетения нескольких противоречивых направлений. Первое обусловлено стратегическим значением в экономике страны транспортного сектора. Второе связано с долговременными перспективами освоения угольных месторождений страны и увеличением добычи угля на экспорт. Третье – с созданием режима свободной торговли СПВ.

Методика оценки перспектив развития портов

Базой для анализа послужили данные по ввозу-вывозу продукции производственно-технического назначения непродовольственных товаров (по 83 субъектам РФ), а также статистические данные о погрузочно-разгрузочной деятельности портов

¹⁴ О внесении изменений в ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» и ФЗ «О свободном порте Владивосток»: Федеральный закон от 24 июня 2016 г. № 252-ФЗ.

по 12 наименованиям (уголь, нефть, круглый лес, глинозем, металлы, машины, клинкер, минерально-строительные материалы, руда, минеральные удобрения, контейнеры и прочие тарно-штучные). Для оценки стоимостных показателей все цены приведены к ценам 2017 года. Период исследования составляет 14 лет (2017–2030 гг.). Все расчеты выполнены в программе Microsoft Excel.

Оценка перспектив развития проведена с учетом особенностей экспортных, импортных и каботажных грузов:

- объем экспортных грузов определен на основе объема спроса стран АТР на основные грузы и таблицы 1;
- объем каботажных грузов определен на основе объема спроса территорий ДФО на основные грузы.

Предполагается, что все семь проектов, которые представлены в таблице 1, будут завершены к концу исследуемого периода (2030 год). Для проектов СПВ учитывалась нулевая ставка налога на прибыль в течение первых пяти лет и ставка в размере 12% в течение следующих пяти лет.

Группировка грузов осуществлялась по трем категориям: 1) уголь СПВ; 2) остальной уголь; 3) прочие грузы. Подробно оценка взаимосвязей между экономикой региона и портом представлена в работах [33; 34].

Для оценки вероятных эффектов при формировании полюса роста на базе порта необходимо определить следующие показатели:

- объем грузопотока портового региона (V_i) и остальных регионов (V_j);
- численность занятых в порту и на взаимодействующих с портом предприятий (N_i);
- численность занятых в остальных регионах (N_j);
- объем полученного дохода порта от перевалки грузов (I);
- объем региональной и федеральной части налога на прибыль (TAX).

Объем грузов портового региона определяется как:

$$V_i = F_i(ex) + C_i(ex) + L_i(ex + im + cab), \quad (1)$$

где:

- V_i – объем грузов портового региона;
- F_i – объем угля СПВ;
- C_i – объем остального угля;
- L_i – объем прочих грузов;
- ex – объем грузов на экспорт;
- im – объем грузов на импорт;
- cab – объем грузов на каботажа.

Объем грузов остальных регионов определяется как:

$$V_j = F_j(ex) + C_j(ex + cab) + L_j(ex + im), \quad (2)$$

где:

- V_j – объем грузов остальных регионов;
- F_j – объем угля СПВ;
- C_j – объем остального угля;
- L_j – объем прочих грузов;
- ex – объем грузов на экспорт;
- im – объем грузов на импорт;
- cab – объем грузов на каботажа.

Объем дохода порта определен как произведение объема перевалки грузов в порту на тарифы погрузо-разгрузочных работ порта с учетом экспортно-импортного и каботажного направлений:

$$I = \sum_{m=1}^{m=12} W_m \times T_m, \quad (3)$$

где:

- I – объем дохода порта;
- W_m – объем любого груза в порту;
- T_m – тариф для конкретного груза;
- m – вид груза (12 наименований).

Налог на прибыль вычислен по данным о полном объеме дохода от погрузо-разгрузочной деятельности порта:

$$TAX = I \times 0.7 \times 0.02 \times 0.18, \quad (4)$$

где:

- TAX – объем региональной и федеральной части налога на прибыль;
- I – чистая прибыль от общего объема полученного дохода от погрузо-разгрузочной деятельности порта.

Численность занятых в портовом регионе определена как сумма численности занятых в порту и на взаимодействующих с портом предприятиях:

$$N_i = K + 300 \times V_i \times 10^{-6}, \quad (5)$$

где:

N_i – численность занятых в портовом регионе;
 K – численность занятых на предприятиях, взаимодействующих с портом;
 V_i – объем перевалки груза в порту.

Учтены инфраструктурные ограничения по провозной способности железной дороги и перевалочной мощности порта:

$$r + \Delta r \leq a \leq z, \quad (6)$$

где:

r – мощность порта;
 z – пропускная способность ж/д;
 a – пропускная способность порта.

Результаты

Порт Ванино. Объем перевалки грузов в 2030 году приблизится к отметке 73 млн т, из них доля угольных грузов составит 90% (СПВ – 54%, остальной уголь – 36%; табл. 2).

Это означает, что угольная специализация порта Ванино станет еще более выраженной по сравнению с 2017 годом. Такая ситуация способна заблокировать попытки внедрения инновационных технологий и диверсификацию грузовой базы порта Ванино.

Экономические эффекты для Хабаровского края, формируемые портом Ванино, будут малозаметны. Объем региональной части налога на прибыль по сравнению с 2017 годом увеличится лишь в 1,8 раза и в 2030 году составит примерно 257,4 млн руб., из них налоговые выплаты от угольных проектов СПВ – лишь 23% (60,1 млн руб.), от остального угля – 38% (96,7 млн руб.). В свою очередь объем перевалки грузов Хабаровского края в общем грузовом потоке порта Ванино в 2030 году составит примерно 5 млн т. К традиционным краевым грузам

(нефть, деловая древесина и металлы) добавится уголь, добываемый на Ургальском месторождении (Хабаровский край). Однако ощутимого роста объема доходов порта Ванино от их перевалки не отмечается.

В качестве перспективного груза портового региона для порта Ванино может выступать металлопродукция, поскольку увеличение ее производства повлечет за собой рост объема перевалки грузов в порту с высокой добавленной стоимостью, строительство горно-обогачительного комбината, возобновление судоремонтной деятельности. Такое развитие может стать импульсом роста для экономики Хабаровского края. Численность занятых в порту Ванино увеличится на 65%. Указанное количество рабочих мест может быть лишь частично заполнено жителями п. Ванино и г. Советская Гавань. В целом прирост численности занятых в остальных регионах, в том числе в Восточной Сибири, будет существенно выше, чем в Хабаровском крае.

Порт Восточный. В 2030 году объем перевалки грузов в порту Восточный составит примерно 91 млн т, из них доля угольных грузов – 64% (СПВ – 7%, остальной уголь – 57%). По сравнению с 2017 годом угольная специализация порта Восточный снизится на 14%. Объем региональной части налога на прибыль по сравнению с 2017 годом увеличится в 3,2 раза и составит примерно 754,5 млн руб., из них налоговые выплаты от угольных проектов СПВ – всего 1,2% (9,3 млн руб.), от остального угля – 28% (211,9 млн руб.). В свою очередь объем краевых грузов (деловая древесина, минерально-строительные материалы, клинкер и руда) сохранится на уровне 2017 года. Суммарно они создадут примерно лишь 1,6% объема дохода порта. Перспективы развития порта Восточный могут быть связаны с развитием перевалки контейнерных грузов. Ее доля в доходах порта может превысить 60%. Однако успех проекта по строительству контейнерного терминала в первую очередь связан с синхронизацией объектов строительства транспортной инфраструктуры. Прирост численности занятых в остальных регионах су-

Таблица 2. Расчетные показатели экономических эффектов для портов Ванино и Восточный

Показатель	Ванино			Восточный		
	2017 год	2025 год	2030 год	2017 год	2025 год	2030 год
Объем перевалки грузов, млн т	29	71	73	39	90	91
Объем перевалки грузов, %	100	100	100	100	100	100
уголь СПВ, %	–	55	54	–	7	7
остальной уголь, %	84	35	36	78	57	57
прочие грузы, %	16	10	10	22	36	36
Портовый регион						
Региональная часть налога на прибыль, млн руб.	136,7	189,3	257,4	231,7	738,6	754,5
уголь СПВ, млн руб.	–	–	60,1	–	–	9,3
остальной уголь, млн руб.	93,4	95,3	96,7	125,3	210,0	211,9
прочие грузы, млн руб.	43,3	94,0	100,3	106,4	528,6	533,4
Объем перевалки грузов края, млн т	1	5	5	1	1	1
Численность занятых в крае, тыс. чел.	10,1	11,9	13,0	3,6	6,0	6,5
в порту, тыс. чел.	2,0	3,1	3,3	2,7	3,6	3,8
на взаимодействующих с портом предприятиях, тыс. чел.	8,1	8,8	9,7	0,9	2,4	2,7
Объем дохода порта от перевалки грузов, млн руб.	4465,8	9361,1	9653,7	7572,2	24624,7	24849,7
уголь СПВ, млн руб.	–	3174,1	3215,8	–	488,7	496,0
остальной уголь, млн руб.	3050,7	3114,5	3160,2	4096,3	6862,3	6923,8
прочие грузы, млн руб.	1415,1	3072,5	3277,7	3475,8	17273,7	17429,9
Остальные регионы						
Федеральная часть налога на прибыль, млн руб.	15,2	21,0	27,4	25,7	82,1	83,6
уголь СПВ, млн руб.	–	–	5,5	–	–	0,8
остальной уголь, млн руб.	10,4	10,6	10,7	13,9	23,3	23,5
прочие грузы, млн руб.	4,8	10,4	11,1	11,8	58,7	59,3
Объем перевалки грузов, млн т	28	66	68	38	89	90
Численность занятых, тыс. чел.	16,5	25,1	25,4	14,8	39,4	39,7
Примечание: прочерк в графе означает, что соответствующая величина равна нулю. Источник: рассчитано автором.						

ущественно выше (24,9 тыс. человек), чем в Приморском крае (2,9 тыс. человек).

Полученные результаты оценок объема дохода портов от перевалки грузов и объема налоговой части на прибыль сопоставимы с отчетными данными некоторых терминалов исследуемых портов, что подтверждает их достоверность. Материалы данного исследования представляют интерес для ученых, аспирантов, преподавателей и студентов в научно-исследовательском и учебном процессах.

В целом можно сделать вывод о том, что реализация угольных проектов не окажет

существенного влияния на Хабаровский и Приморский края, поскольку экономические эффекты для портовых регионов будут постепенно снижаться, а отрицательные последствия – возрастать. Это выражается в снижении темпов роста региональных налогов; уменьшении доли региональных грузов в общем грузовом потоке портов; сокращении числа занятых во взаимосвязанных отраслях. Кроме того, угольная специализация портов способствует росту отрицательного влияния на Хабаровский и Приморский края: увеличение числа рисков, связанных с поставками каботажных грузов; ухудше-

ние экологии прилегающих территорий, увеличение оттока населения, усиление зависимости от мирового спроса на топливно-энергетические грузы стран АТР.

Заключение

Вопросы взаимосвязи и взаимовлияния экономики региона и порта всегда были предметом пристального внимания ученых. Классическое представление о том, что порт является полюсом роста для экономики региона, в последнее время подвергается сомнению. Изменение специализации порта, прогресс транспортных систем, снижение торговых барьеров, логистических издержек, а также смещение основных импульсов роста на новые созданные промежуточные импульсы привели к тому, что теоретические вопросы о влиянии порта на экономику региона пересматриваются. Базовые модели развития портов не подтверждают снижение экономических эффектов деятельности порта для региона в практической плоскости, поэтому требуется переосмысление теоретических и методологических вопросов о характере взаимодействий порта и региона.

В рамках «новой восточной политики» порты Ванино и Восток выступают в качестве основных точек роста Дальнего Востока. Анализ деятельности портов Ванино и Восточный за период с 2005 по 2017 год показал, что развитие их портовой инфраструктуры и наращивание поставок угля в страны АТР не помогают создать синергетический эффект в виде повышения уровня и качества жизни в портовом регионе, который способствует привлечению дополнительных трудовых ресурсов и приращению населения. Ухудшение экологии прилегающих территорий из-за роста угольной пыли и образование транспортных заторов делают эти регионы непривлекательными.

Для того чтобы оценить на среднесрочную перспективу экономические эффекты для Хабаровского и Приморского краев от реализации угольных проектов, автором составлен собственный алгоритм оценки экономических эффектов, локализованных на двух территориальных уровнях.

Определены условия, выполнение которых может способствовать решению задач формирования полюса роста. Полученные расчеты по оценке перспектив развития портов Ванино и Восточный показали следующие результаты. Интенсивный рост угольных грузов Восточной Сибири будет блокировать возможности для роста перевалки перспективных грузов в портовых регионах, а также увеличит зависимость портов Ванино и Восточный от мирового спроса на топливно-энергетические грузы стран АТР. Нивелирование транспортных расходов за счет налоговых льгот СПВ на уголь, с одной стороны, создаст конкурентные преимущества для российского угля на международном рынке, а с другой – будет стимулировать отрицательные воздействия для Хабаровского и Приморского краев. Поэтому в будущем важно разработать стратегию «зеленого порта», которая должна сочетать как экономические, так и экологические цели, что приведет к устойчивому развитию этих регионов.

Вместе с тем не сохраняется условие, при котором развитие порта распространится на взаимосвязанные с ним элементы хозяйства портового региона, вызывающие цепную реакцию роста промышленного производства. Это означает, что порты Ванино и Восточный не могут выступать в качестве полюсов экономического роста региона. В силу того что порты станут узкоспециализированными по перевалке угля, увеличение доли грузов с высокой добавленной стоимостью не предполагается. Из этого следует, что порты Ванино и Восточный могут выступать исключительно как порты, влияющие на экономику портового региона лишь через увеличение объемных показателей своей работы, отражающихся, в том числе, и на прибыли портов. Частично это отражается в доходах бюджета региона и доходах населения.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в возможности использовать теоретические положения и выводы, сделанные в нем, в дальнейшей научной разработке проблем взаимосвязи между экономикой региона и функциони-

рованием портов в контексте общегосударственных целей и мировых тенденций, а также предложенные подходы при планировании и прогнозировании развития пор-

тов в увязке с социально-экономическим развитием Хабаровского и Приморского краев и со стратегией развития транспортной системы Дальневосточного региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минакир П.А., Прокапало О.М. Экономика Дальнего Востока России: состояние и перспективы // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 48–56. DOI: 10.14530/reg.2017.3
2. Минакир П.А. Дальний Восток и Забайкалье накануне реформы: концепция вхождения в рынок // Пространственная экономика. 2017. № 1. С. 17–51. DOI: 10.14530/se.2017.1.017-051
3. Giuliano G., Brien T. Responding to Increasing Port-Related Freight Volumes: Lessons from Los Angeles / Long Beach and Other US Ports and Hinterlands. *Port Competition and Hinterland Connections*. OECD Publishing, 2009, no. 143, pp. 77–108. Available at: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/09rt143.pdf>
4. Haezendonck E. Essays on Strategy Analysis for Seaports. *International Journal of Maritime Economics*, 2002, no. 4, pp. 185–187.
5. Asariotis R., Benamara H., Mohos-Naray V. Port Industry Survey on Climate Change Impacts and Adaptation. *Division on Technology and Logistics, UNCTAD*, 2017, no. 18. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ser-rp-2017d18_en.pdf
6. Fujita M., Mori T. The Role of Ports in the Making of Major Cities: Self-Agglomeration and Hub-Effect. *Journal of Development Economics*, 1996, no. 49, pp. 93–120.
7. Suykens F., Van de Voorde E. A quarter of a century of port management in Europe: objectives and tools. *Maritime Policy and Management*, 1998, no. 25, pp. 251–261.
8. Olivier D., Slack B. Rethinking the port. *Environment and Planning*, 2005, no. 38, pp. 1409–1427.
9. Bird J. *Seaports and Seaport Terminals*. London: Hutchinson University Library, 1971. 240 p.
10. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Port regionalization: towards a new phase in port development. *Maritime policy and management*, 2005, no. 3, pp. 297–313.
11. Ducruet C. Port regions and globalization. Ports in Proximity: Competition and Coordination among Adjacent Seaports, Ashgate. *Transport and mobility*, 2009, pp. 41–53.
12. Hilling D., Hoyle B.S. Spatial approaches to port development. Hoyle B.S., Hilling D. (eds.). *Seaport systems and spatial change*. Chichester, 1984. Pp. 1–19.
13. Зеленев Н.Н., Федоренко А.И. Совершенствование методов экономического анализа показателей эффективности портовой деятельности // Морские порты. 2010. № 7. С. 28–35.
14. Кузнецов А.Л., Галин А.В. Генезис моделей развития портов в современной транспортной науке // Вестн. гос. ун-та морского и речного флота им. адм. С.О. Макарова. 2015. № 2. С. 141–153.
15. Аблязов В.К. Прогнозирование грузооборота порта в условиях риска и неопределенности. Методика прогнозирования. Берлин: LAP LAMBER Academic Publishing, 2013. 185 с.
16. Ducruet C., Notteboom T., De Langen P. Revisiting inter-port relationships under New Economic Geography research framework. *Ports in Proximity: Competition and Coordination among Adjacent Seaports*. Idem (eds.), Ashgate, UK, 2009. P. 11–28.
17. Notteboom T., Rodrigue J.-P. Re-assessing port-hinterland relationships in the context of global commodity chains. In: Wang J., Olivier D., Notteboom T., Slack B. (eds.). *Ports, Cities and Global Supply Chains*. London: Ashgate, 2007. P. 51–68.
18. Александрова Т.Е. Зоны тяготения морских бассейнов России // Транспортное дело России. 2010. № 6. С. 98–101.
19. Лернер В.К. Прогнозирование грузовой базы морского транспорта. Методические принципы анализа // Морские порты России. 2011. № 9. С. 62–66.
20. Ducruet C., Itoh H., Olivier J. Ports and the local embedding of commodity flows. *Papers in Regional Science, Springer Verlag*, 2015, vol. 94, no. 3, pp. 607–627.

21. Ottaviano G.I.P. Market size and tax competition. *Journal of International Economics*, 2005, no. 67, pp. 25–46.
22. Tabuchi T., Thisse J.F. Regional specialization and transport costs. *Discussion Paper 3542*. Centre for Economic Policy Research, 2002. Available at: <http://www.cepr.org/pubs/dps/DP3542.asp>
23. Haralambides H., Musso E., Benacchio M. On the Economic Impact of Ports: National vs. Local Costs and Benefits. *Conference: World Conference on Transport Research (WCTR)*, At Seoul, Korea, Volume: Proceedings 9th WCTR, 2001. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/295402196>
24. Ducruet C. Port-city relationships in Europe and Asia. *Journal of International Logistics and Trade*, 2006, no. 4, pp.13–35.
25. Slack B. Satellite terminals: a local solution to hub congestion? *Journal of Transport Geography*, 1999, no. 7, pp. 241–246.
26. Heaven T. The evolution and challenges of port economics. In: Cullinane K., Talley W. (eds.). *Port Economics*. Oxford, 2006. P. 11–42.
27. Сергеев А.С. Влияние экспортного товарно-сырьевого бизнеса на развитие экономики морских портов Дальневосточного региона // Изв. ДВФУ. Экономика и управление. 2014. № 3. С. 107–114.
28. Новосельцев Е.М., Семенихина О.Я., Холоша М.В. Приморье: будущее – за «зелеными» портами // Морские порты. 2011. № 9. С. 30–34.
29. Vuzoleva L.S., Bogatyrenko Ye.A., Yes'kova A.I., Kim A.V., Dolmatova Ye.S., Golozubova Yu.S. Taxonomic composition and ecological and trophic structure of bacterial communities of the coastal areas of water of the Sea of Japan differing in the intensity of anthropogenic load. *Hydrobiological Journal*, 2016, vol. 52, no. 6, pp. 66–74. DOI: 10.1615/Hydrobj.v52.i6.80
30. Гончарук С.М., Дроздов Е.А., Крапивный В.А. Проблемы негативного влияния на экологию окружающей среды экспорта угля и пути их ликвидации // Проектирование развития региональной сети железных дорог. 2017. № 5. С. 188–191.
31. Влияние крупного угольного терминала на состав атмосферных взвесей населенного пункта / К.С. Голохваст [и др.] // Бюл. физиологии и патологии дыхания. 2015. № 56. С. 73–77.
32. Заостровских Е.А. Свободный порт Владивосток и проблемы его загрузки // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 55–65. DOI: 10.14530/reg.2018.4.55
33. Заостровских Е.А. Морские порты Хабаровского края как полюса экономического роста // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 170–183. DOI: 10.14530/se.2017.4.170-183
34. Venevsky S., Zaostrovskikh E. Evolution of seaports of the Russian Far East in relation to changes in the energy structure in Pacific Asia. *Advances in Geosciences*, 2018, no. 45, pp. 267–272.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Анатольевна Заостровских – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: zaos-elena@yandex.ru

Zaostrovskikh E.A.

THE COAL PORTS OF VANINO AND VOSTOCHNY AND THEIR INFLUENCE ON THE REGION'S ECONOMY

The classic notion that port is a growth pole for the region's economy is recently being questioned. Changing port's specialization, reducing trade barriers and logistics costs have led to the reviewing of theoretical and methodological questions concerning the nature of the interaction between the port and the region. Basic models of ports' development do not support the reduction of economic effects of port's operations for the region in a practical way. The article attempts to an-

swer the question, if ports can become growth poles of regional economy. In this vein, a quantitative analysis of the interdependencies between the port's specialization and the region's economy is proposed. One of the main aims of this article is to assess the economic effects for the region from implementation of coal projects in the ports of Vanino and Vostochny in the medium term. An algorithm of evaluation of economic effects localized on two territorial levels is composed, in the port region and in other regions. The obtained results allow to conclude that the implementation of the coal projects will not have a significant impact on the port region, the economic effects will gradually decline and the negative consequences will increase. The intensive growth of coal cargoes following from other regions will block the opportunities for growth of promising goods transshipment in the port region and will increase the ports' dependence on the world demand for fuel and energy goods from the Asia Pacific. The leveling of transportation costs due to the tax benefits of the Free port of Vladivostok for coal, on the one hand, will create competitive advantages for the Russian coal on the international market, and on the other hand, will induce a negative impact on port regions. The ports' narrow coal specialization will not cause a chain growth reaction of industrial production in the port region. Therefore, the ports will act solely as the objects affecting the port region's economy only through the increase in of coal transshipment.

Seaports, Vanino, Vostochny, coal, economic effect, port region, Khabarovsk Krai, Primorsky Krai.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Zaostrovskikh – Ph.D. in Economics, Junior Researcher, Federal State Budget Institution of Science “Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences”. 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: zaos-elena@yandex.ru

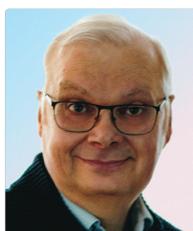
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7

УДК 336:332 | ББК 65.9(255)

© Леонов С.Н.

ПРОБЛЕМЫ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153
E-mail: leonov@ecrin.ru

ORCID: [0000-0001-6936-5436](https://orcid.org/0000-0001-6936-5436); ResearcherID: [V-3471-2019](https://orcid.org/V-3471-2019)

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов формирования бюджетной сферы регионов в условиях трансформации российской экономики, нестабильности экономической конъюнктуры и финансовой системы страны. Целью статьи является системно-структурный анализ состояния бюджетной сферы регионов Дальневосточного федерального округа. На примере дальневосточных субъектов Федерации, охватывающих более 40% территории России, проанализированы динамика состояния и тенденции изменения объемов и структуры доходов и расходов консолидированных бюджетов регионов за 2013–2018 гг. Показано, что динамика региональных финансов в значительной мере детерминирована состоянием трех групп особенностей экономики дальневосточных субъектов: конъюнктурой региональной экономики, демонстрирующей в последние годы ухудшение; наличием широкого круга объектов и видов экономической деятельности, финансируемых федеральным бюджетом, что значительно повышает удельный вес дотаций в доходной части региональных бюджетов; проводимой федеральными властями для стабилизации макроэкономического положения жесткой монетаристской политикой, приводящей к снижению инвестиций в промышленность Дальнего Востока, замедлению экономического развития регионов и снижению темпов роста объема налогооблагаемой базы консолидированных бюджетов. На основе статистического и эмпирического методов исследования выполнен анализ сбалансированности консолидированных бюджетов, динамики и структуры государственного регионального долга. Показано, что в условиях невысокой инфляции 2018 года и положительной динамики в реальном выражении основных доходных источников темп роста доходов дальневосточных бюджетов за рассматриваемый период был ниже, чем соответствующий среднероссийский показатель, сохранялась высокая зависимость доходов дальневосточных регионов от дотаций из федерального бюджета. Выявлено, что за анализируемый период одновременно с сокращением числа регионов с дефицитным бюджетом с 8 до 4 в макрорегионе наблюдались рез-

Для цитирования: Леонов С.Н. Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7

For citation: Leonov S.N. Problems of budgetary sphere of the Far Eastern constituent entities of the Federation. *Problems of Territory's Development*, 2020. no. 1 (105), pp. 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7

кий рост и ухудшение структуры регионального государственного долга. Аргументировано, что в среднесрочной перспективе ожидается замедление темпов роста доходов консолидированных бюджетов в дальневосточных субъектах Российской Федерации. Материалы статьи могут использоваться бакалаврами, магистрантами и аспирантами в процессе обучения, научными сотрудниками – в качестве исследовательской базы, представителями органов управления – в процессе принятия решений по бюджетной проблематике.

Консолидированный бюджет, субъект Федерации, Дальний Восток, государственный региональный долг.

Введение

Динамические изменения хозяйственного комплекса любого региона в значительной мере детерминируются состоянием территориального бюджета, величиной и структурой источников формирующейся на территории налоговой базы, объемами и целевой направленностью расходов бюджета, а также структурой источников покрытия возникающего дефицита регионального бюджета [1–3].

Дальневосточные субъекты Российской Федерации¹, формирующие Дальневосточный федеральный округ (ДФО), официально находящийся под патронажем федерального правительства, постоянно сталкиваются с проблемами как в части формирования доходных источников, так и сбалансированности региональных бюджетов [4]. Поэтому вопросы формирования и изменения доходной базы, как и уровня сбалансированности бюджетов дальневосточных субъектов Федерации, имеют непреходящую значимость для эффективной реализации государственной региональной политики в этом макрорегионе, по площади превышающем 40% территории страны.

Особенности экономики Дальнего Востока, определяющие состояние бюджетной сферы региона

Самый крупный по площади макрорегион России является самым малонаселен-

ным, занимая по показателю численности населения 8 место среди федеральных округов, при этом по удельному весу в территориальной структуре ВРП, инвестиций в основной капитал, численности занятых в экономике ДФО занимает 7 место, уступая всем федеральным округам, кроме Северо-Кавказского (табл. 1).

Для Дальнего Востока характерна экспортно-сырьевая модель экономики с эксплуатацией транзитных и природно-ресурсных полезностей региона, позволяющая поддерживать положительный темп роста в соответствующих отраслях, на фоне находящихся в процессе стагнации обрабатывающих и потребительских производств и сохранения негативных процессов в социально-экономической сфере [5]. Социально-экономическая ситуация в дальневосточных регионах в значительной мере определяет состояние бюджетов субъектов Федерации макрорегиона, которые, в свою очередь, зависят от финансового положения предприятий и организаций, а также от инвестиционной активности субъектов хозяйствования [6; 7].

Выделяются три особенности экономики регионов Дальнего Востока, влияющие на состояние бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации.

Во-первых, состояние региональных финансов в значительной мере детерминируется состоянием конъюнктуры региональной

¹ В соответствии с Указом Президента РФ от 3 ноября 2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» территориальный состав Дальневосточного федерального округа был расширен за счет включения в него двух регионов, ранее административно входивших в Сибирский федеральный округ (Забайкальский край и Республика Бурятия). В данной статье, если не указано особо, состав Дальневосточного федерального округа рассматривается в границах, существовавших до 03.11.2018, включая 9 субъектов Федерации: Республика Саха (Якутия), Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область (ЕАО) и Чукотский автономный округ (ЧАО).

**Таблица 1. Роль ДФО в российской экономике
(2018 год; числитель – удельный вес в РФ, %; знаменатель – место среди федеральных округов)**

Показатель	Дальневосточный федеральный округ	
	в старых границах	в новых границах
Территория	36,0/1	40,6/1
Численность населения	4,2/8	5,6/8
Среднегодовая численность занятых в экономике	4,4/8	5,6/8
Валовой региональный продукт	5,2/7	5,8/7
Инвестиции в основной капитал	7,1/7	7,9/7

Составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения 12.2019); Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации: стат. бюл. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438 (дата обращения 12.2019).

**Таблица 2. Макропоказатели развития экономики РФ и ДФО
(темпы прироста (снижения) в среднем за период), %**

Показатель	2000–2009 гг.		2010–2017 гг.		2018/2017	
	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО
Валовой внутренний (региональный) продукт	5,3	5,1	1,9	1,0	2,3	3,0***
Индекс промышленного производства	3,45	6,9	1,3	3,7	2,9	4,4*
Инвестиции в основной капитал	8,7	16,6	1,3	-0,4	4,3	2,6*
Реальные денежные доходы населения	9,8	9,0	-0,65	0,8	-1,3**	-1,7**

* ДФО в новых границах (включая Республику Бурятию и Забайкальский край).
 ** Данные 2017/2016.
 *** Оценка.
 Составлено по: Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 27; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе – декабре 2018 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438

экономики. Ухудшение конъюнктуры в отраслях с высокой долей добавленной стоимости, сокращение численности населения и падение уровня жизни, снижение прибыльности предприятий, высокий удельный вес теневой экономики на Дальнем Востоке на протяжении последнего десятилетия имели более выраженный характер, чем в среднем по России [8]. Это формировало проблемную среду для роста ВРП региона и наращивания темпов роста региональных финансов (табл. 2).

В целом в 2010–2017 гг. показатели динамики ВРП по ДФО хотя и имели положительные значения, но были существенно ниже уровня 2000–2009 гг. Формирование общеэкономического темпа роста происходило на фоне замедления роста в промышлен-

ности, строительстве, внешней торговле, социальной сфере. Как отмечают эксперты [10], в основном это объяснялось практическим исчерпанием потенциала восстановительного периода и связанного с ним потенциала трансформационных бонусов.

В 2018 году рост ВРП Дальневосточного федерального округа составил 103% к уровню 2017 года, превысив среднероссийский уровень. Он был обеспечен, главным образом, вводом инвестиционных проектов в промышленности и на транспорте Еврейской автономной области (ЕАО), Чукотского автономного округа (ЧАО), Амурской области и Республики Саха (Якутия). Однако на основе приводимых Госстатом данных за один год вряд ли можно делать вывод, что 2018 год

явился переломным для динамики роста показателя валового регионального продукта на Дальнем Востоке России.

Во-вторых, традиционно для Дальнего Востока характерно наличие широкого круга объектов и видов деятельности, финансируемых федеральным бюджетом (компенсация суровых природно-климатических условий региона, наличие «северного завоза», компенсация повышенных тарифов на электроэнергию, содержание военных объектов) [11]. Все это значительно усиливает влияние федерального бюджета на регионы, повышая удельный вес дотаций в доходной части региональных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации [12].

Результатом названных особенностей экономики Дальнего Востока России является высокая зависимость бюджетов дальневосточных субъектов от федеральной помощи. Удельный вес безвозмездных поступлений из федерального бюджета на протяжении 2013–2018 гг. оставался высоким во всех регионах Дальнего Востока, кроме

Сахалинской области. Последняя, с точки зрения состояния региональных финансов, выглядит своеобразным оазисом, что объясняется доходами регионального бюджета от добычи углеводородов. Для всех остальных территорий характерен значительный уровень дотационности региональных бюджетов (рис. 1).

Как видно из данных, представленных на рисунке 1, в среднем за 2017 год дотации составляли 17% доходов бюджетов дальневосточных регионов, при этом в Камчатском крае их вес в доходах бюджета был равен 49%, в Чукотском автономном округе – 32%, в Республике Саха (Якутия) – 18%, в ЕАО – 17%, в Магаданской области – 14%, в Амурской области – 7%, в Приморском крае – 7%, в Хабаровском крае – 6%, в Сахалинской области – 0%.

В-третьих, для ускоренного экономического развития любого региона, повышения налогооблагаемой базы и стимулирования доходов регионального бюджета необходимо увеличение объема инвестиций в новые крупные проекты, способные генерировать высокие темпы роста [13]. Однако проводимая федеральными властями для стабилизации макроэкономического положения

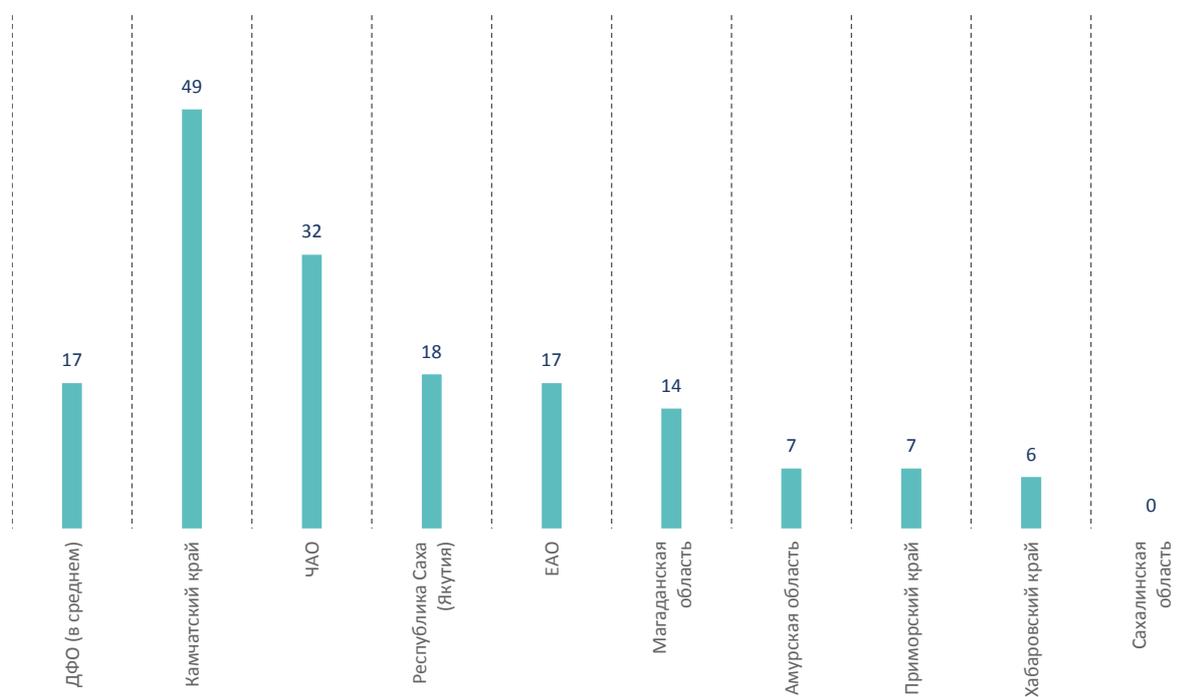

Рис. 1. Дотационность бюджетов дальневосточных субъектов РФ в 2017 году, %

Рассчитано по: Отчет об исполнении консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации / Федеральное казначейство. 2017. URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov>; Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов / Министерство финансов Российской Федерации. 2017.

в стране жесткая монетаристская политика привела к снижению инвестиций и в промышленность Дальнего Востока (рис. 2).

В литературе отмечается [9], что для Дальневосточного федерального округа наиболее успешным с точки зрения высокой инвестиционной активности оказался период 2010–2011 гг., когда в экономику округа было вложено 1848,2 млрд руб. В это время по интенсивности наращивания инвестиций регион сохранял лидирующие позиции среди федеральных округов России, а инвестиционная «накачка» Дальнего Востока происходила в связи с реализацией политики государства и бизнеса по созданию здесь надежной производственной инфраструктуры, направленной на преодоление существующих ограничений по интенсивной эксплуатации действующих и разработке новых месторождений минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов с целью увеличения экспортных поставок в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

В целом динамика инвестиций в макро-регионе остается неустойчивой. Ввод в эксплуатацию основных объектов производственной инфраструктуры привел к спаду инвестиционной активности на Дальнем

Востоке [14]. В 2017 году казалось, что удалось переломить ситуацию снижающихся приростов инвестиционных ресурсов. Номинальный объем инвестиций в основной капитал в 2017 году превысил 1217 млрд руб., что составило 110,8% к уровню предыдущего года, против 98,8 и 96,6% в 2016 и 2015 гг. соответственно (см. рис. 2). По интенсивности наращивания объемов инвестиций в 2017 году Дальневосточный федеральный округ опережал все федеральные округа России. Правда, сложившаяся в регионе норма инвестиций оставалась невысокой, что отражает общероссийскую тенденцию. При этом, если в РФ норма инвестиций в основной капитал в 2016 году составляла 17%, то развивающиеся страны в 2010–2016 гг. формировали долю инвестиций в основной капитал в ВВП на уровне 30–35%, что позволяло им увеличивать производство на 4–6% в год. Китай в настоящее время обеспечивает прирост ВВП на 6,7% в год при средней норме инвестиций в основной капитал в ВВП, равной 46% [15].

Небольшой рост в 2018 году (102,6% к 2017 году) диссонирует с показателями 2017 года, но не позволяет говорить о том, что коренной перелом в инвестиционной сфере Дальнего Востока произошел.

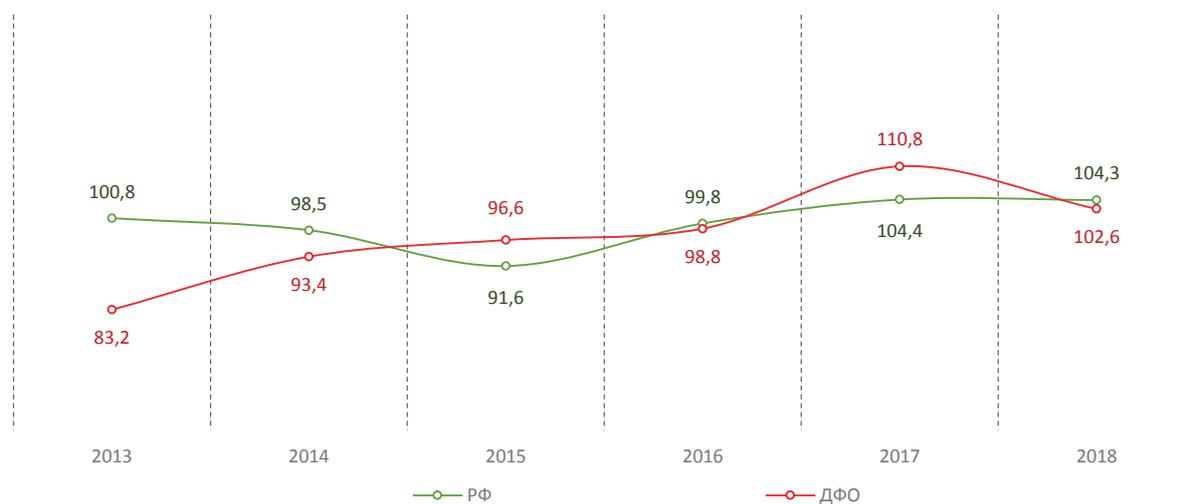

Рис. 2. Ежегодный темп роста инвестиций в основной капитал в России и на Дальнем Востоке, %

Рассчитано по: Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе – декабре 2016 года / Федеральная служба государственной статистики; Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе – декабре 2018 года / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1246601078438

Названные три группы факторов напрямую влияют на параметры доходной базы дальневосточных бюджетов, определяя состояние их количественных показателей.

Доходы региональных бюджетов

В условиях невысокой инфляции в 2018 году все основные доходные источники региональных бюджетов и в среднем по РФ, и по дальневосточным субъектам Федерации в реальном выражении демонстрировали положительную динамику. Во всех девяти регионах Дальнего Востока доходы консолидированных бюджетов выросли. Подобная тенденция была характерна также и для всех российских регионов, лишь в республиках Марий Эл и Мордовии темпы роста доходов оказались ниже уровня инфляции.

Основными источниками доходов бюджетов субъектов Дальнего Востока традиционно являются налог на доходы физических лиц (НДФЛ), налоги на прибыль и трансферты из других бюджетов (табл. 3).

Причем, если удельный вес НДФЛ в структуре доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ на протяжении 2013–2018 гг. оставался практически неизменным, колеблясь в пределах

23%, то динамика долей налога на прибыль и трансфертов демонстрировала разнонаправленные тенденции. На этапе 2013–2015 гг. отмечался рост удельного веса налога на прибыль (с 15 до 30,3%) при одновременном снижении доли трансфертов (с 37,7 до 23,9%). Ухудшение экономической ситуации в 2016–2018 гг. привело к снижению доли налога на прибыль с 25,4 до 17,5% при одновременном росте доли трансфертов в доходах региональных бюджетов с 24,7 до 29,7%.

Как видно из табл. 4, максимальный рост в 2018 году продемонстрировали межбюджетные трансферты из бюджетов других уровней, выросшие за год в 1,3 раза и обеспечившие 30% доходов дальневосточных региональных бюджетов. Также значительными темпами к уровню 2017 года росли поступления по налогу на доходы физических лиц (112,4%), налогам на совокупный доход (111,7%), налогам на имущество (119,6%), налогу на прибыль организаций (110,9%).

Тем не менее темп роста доходов бюджетов в дальневосточных субъектах РФ за период 2013–2018 гг. был ниже, чем соответствующий среднероссийский показатель (140,5 против 151,8%, соответственно).

Отставание в темпах роста доходов консолидированных бюджетов дальневосточ-

Таблица 3. Объем и структура доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ в 2013–2018 гг.

	Объем доходов (в номинальном выражении), млрд руб. / %					
	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год
Доходы, всего	646,6/100	704,6/100	791,8/100	773,9/100	776,8/100	908,6/100
В том числе:						
Налоговые и неналоговые доходы	403,1/62,3	494,1/70,1	602,5/76,1	582,9/75,3	572,3/73,7	639,1/70,3
<i>Налоговые доходы</i>	349,0/54,0	432,6/61,4	544,9/68,8	526,5/68,0	488,2/62,9	540,2/59,5
Налог на прибыль	97,2/15,0	159,3/22,6	240,3/30,3	196,7/25,4	143,7/18,5	159,4/17,5
НДФЛ	149,0/23,0	158,1/22,4	163,5/20,6	178,1/23,0	187,3/24,1	210,5/23,2
Акцизы	20,8/3,2	19,9/2,8	20,7/2,6	28,5/3,7	27,9/3,6	28,2/3,1
Налоги на совокупный доход	19,2/3,0	20,8/3,0	22,9/2,9	25,1/3,2	27,4/3,5	30,6/3,4
Налоги на имущество	42,9/6,7	49,4/7,0	57,7/7,3	62,5/8,1	67,7/8,7	81,0/8,9
<i>Неналоговые доходы</i>	54,1/8,1	61,4/8,7	57,6/7,3	56,4/7,3	84,1/10,8	98,9/10,8
Трансферты из других бюджетов	243,5/37,7	210,6/29,9	189,3/23,9	191,1/24,7	204,5/26,3	269,5/29,7
Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov (дата обращения 04.10.2019).						

Таблица 4. Темпы роста доходов консолидированных бюджетов субъектов Дальнего Востока и Российской Федерации, % к предыдущему году

	2014 год		2015 год		2016 год		2017 год		2018 год		2018/2013	
	РФ	ДВ	РФ	ДВ								
Доходы бюджета	109,1	109,0	104,5	112,4	106,6	97,7	108,4	100,4	115,2	117,0	151,8	140,5
Налоговые и неналоговые доходы	108,9	122,6	96,5	121,9	108,7	96,7	108,4	98,2	113,8	111,7	155,2	158,5
Налоговые доходы	108,8	124,0	106,7	125,9	109,4	96,6	108,3	92,7	114,9	110,6	158,0	154,8
Налог на прибыль организаций	114,2	163,8	107,3	150,9	108,1	81,8	110,9	73,06	122,8	110,9	180,5	163,9
НДФЛ	107,8	106,1	104,2	103,5	107,5	108,9	107,7	105,2	112,4	112,4	146,2	141,3
Акцизы	97,6	95,7	101,4	103,6	136,0	138,0	92,4	97,9	103,4	101,0	128,7	135,4
Налоги на совокупный доход	107,6	107,9	110,4	110,5	111,7	109,3	115,0	109,4	116,5	111,7	177,7	159,2
Налоги на имущество	106,3	115,2	111,6	116,8	104,5	108,3	111,9	108,4	111,7	119,6	155,1	189,0
Неналоговые доходы	110,2	113,6	102,1	93,8	102,2	97,9	109,1	149,2	101,6	117,5	127,6	182,9
Трансферты из других бюджетов	109,6	86,5	97,4	89,9	97,1	100,9	108,4	107,0	122,5	131,8	137,7	110,7

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov> (дата обращения 04.10.2019).

ных регионов за 2013–2018 гг. объясняется заторможенным на 3,2 п. п., в сравнении со среднероссийскими темпами, приростом налоговых доходов и отставанием на 27 п. п. темпов прироста трансфертов, в сравнении со среднероссийскими тенденциями.

Налог на доходы физических лиц, формировавший в 2013–2018 гг. чуть меньше четверти доходов бюджетов дальневосточных регионов, рос в рассматриваемом периоде хуже, чем в среднем по России, показав, тем не менее, в 2018 году лучший для Дальнего Востока за 6 лет темп роста – 112,4%.

Результатом сложной экономической ситуации в дальневосточных регионах стали более низкие темпы роста налогов на прибыль организаций и на совокупный доход в сравнении со среднероссийскими показателями. Более быстрый рост акцизов, налогов на имущество и неналоговых доходов, в силу невысокого удельного веса данных видов доходов в консолидированных бюджетах дальневосточных регионов, не смог нивелировать общее отставание по темпам роста доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов в сравнении со среднероссийскими показателями.

Сбалансированность консолидированных бюджетов и государственный региональный долг

Если в анализируемом периоде 2013–2018 гг. темп роста доходов консолидированных бюджетов в целом по российским субъектам постоянно превышал темп роста расходов, то для дальневосточных регионов была характерна «рваная» динамика данных показателей (табл. 5).

В результате за 2013–2018 гг. средний темп роста доходов консолидированных бюджетов регионов РФ обгонял темп роста расходов на 16,9 п. п., а по дальневосточным субъектам Федерации разрыв в темпах роста доходов и расходов консолидированных бюджетов составил за рассматриваемый период лишь 10,2 п. п.

Можно выделить как минимум две причины отставания темпов роста бюджетных расходов от доходов консолидированных бюджетов в макрорегионе.

Во-первых, с начала 2018 года до сентября включительно рост расходов к аналогичному периоду 2017 года не сильно отставал от роста бюджетных доходов. Скачок в тем-

Таблица 5. Темпы роста доходов и расходов консолидированных бюджетов субъектов Дальнего Востока и Российской Федерации, % к предыдущему году

Год	Темпы роста консолидированных бюджетов			
	субъектов РФ		дальневосточных субъектов РФ	
	доходы	расходы	доходы	расходы
2014	109,1	106,2	109	105,3
2015	104,5	101,4	112,4	111,2
2016	106,6	104,8	97,7	96,8
2017	108,4	108,8	100,4	102,1
2018	115,2	109,9	117	112,6
2018/2013	151,8	134,9	140,5	130,3

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov> (дата обращения 04.10.2019).

пах роста доходов произошел в четвертом квартале 2018 года, когда доходы регионов увеличились по отношению к четвертому кварталу 2017 года почти на четверть [16]. Регионы не успели потратить дополнительные доходы, поступившие в конце года. Кроме того, их рационально было приберечь для реализации мероприятий, связанных с выполнением майского указа Президента 2018 года.

Второй причиной являются ограничительные меры, предпринимаемые Министерством финансов России по стимулированию региональных властей к проведению жесткой бюджетной политики, что и заставляет власти дальневосточных регионов жестче подходить к формированию расходных статей бюджета [17].

Рост доходов и сдерживание расходов формально привели к наилучшим с 2000 года показателям по числу субъектов Российской Федерации, закончивших год с профицитом консолидированного бюджета (табл. 6).

В 2018 году 70 субъектов РФ из 85 закончили год с профицитом. Среди дальневосточных субъектов Федерации также достигнуты наилучшие показатели – пять профицитных

Таблица 6. Число субъектов РФ, исполнивших в 2013–2018 гг. консолидированный бюджет с дефицитом и профицитом

Год	С дефицитом		С профицитом	
	РФ	в т. ч. ДФО	РФ	в т. ч. ДФО
2013	77	8	6	1
2014	74	8	11	1
2015	76	7	9	2
2016	56	6	29	3
2017	47	6	38	3
2018	15	4	70	5

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhetny-subektov> (дата обращения 04.10.2019).

регионов (Приморский и Камчатский края, Республика Саха (Якутия), Амурская область и Чукотский автономный округ).

Однако четыре дальневосточных субъекта Федерации (Хабаровский край, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область) оказались в числе тех 15-ти российских регионов, которые имеют дефицитный бюджет. То есть дальневосточные регионы в настоящее время составляют более четверти числа российских территорий с дефицитом бюджета.

В целом по Российской Федерации профицит бюджетов большинства субъектов позитивно сказался на динамике их государственного долга, размер которого за период 2013–2018 гг. хотя и вырос в 1,27 раза, но по итогам двух последних лет сократился с 2,32 трлн руб. в 2017 году до 2,21 трлн руб. в 2018 году (табл. 7).

Иную динамику демонстрировал региональный государственный долг дальневосточных регионов: на этапе 2013–2018 гг. он стабильно рос с 97,6 до 166,3 млрд руб., увеличившись за рассматриваемый период в 1,7 раза.

В результате изменилась территориальная структура российского регионального государственного долга: если в 2013 году дальневосточные регионы формировали 5,4% общей его величины, то к 2019 году их доля выросла до 7,5%.

Таблица 7. Динамика регионального государственного долга субъектов РФ и ДФО, млрд руб.

Регион	Год						2018/2013, %
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
РФ	1 737,46	2 089,50	2 318,60	2 352,89	2 315,40	2 206,30	127,0
ДФО	97,58	118,37	142,99	149,49	158,75	166,30	170,4

Рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения 04.10.2019).

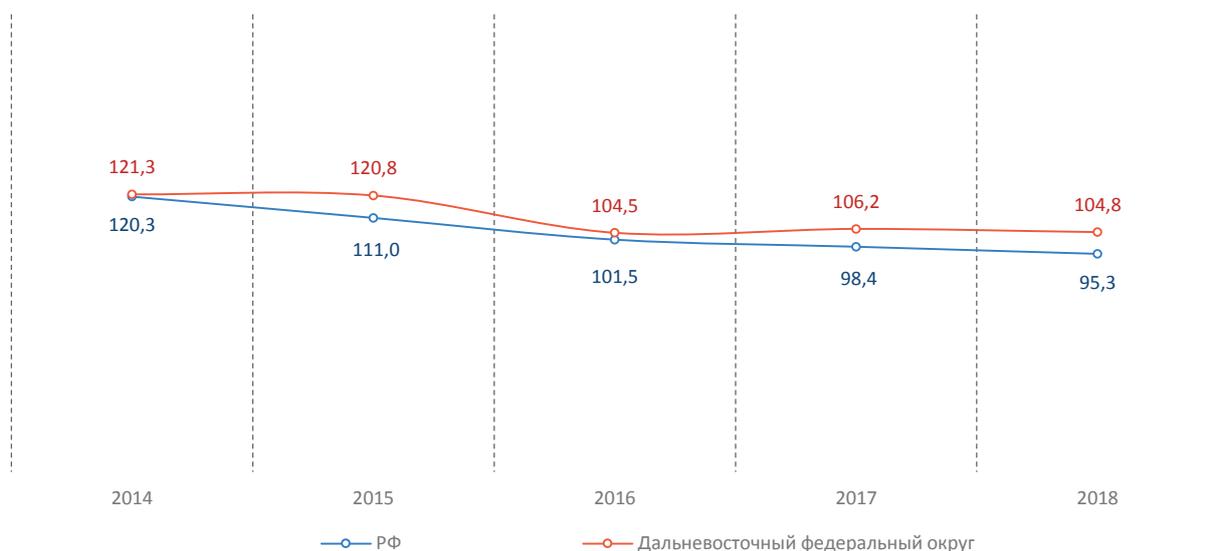

Рис. 3. Темпы роста государственного долга субъектов РФ и ДФО, % к предыдущему году

Источник: данные Федерального казначейства РФ; расчеты автора.

Общероссийская ситуация с региональным государственным долгом с 2017 года стала улучшаться, и темпы роста государственного долга субъектов Федерации в целом в 2017–2018 гг. были ниже 100% (рис. 3), но на этом фоне диссонанс создают дальневосточные регионы, продолжающие демонстрировать рост государственной задолженности, хотя и со снижающимся темпом.

Следствием названного процесса явилось то, что за период 2013–2018 гг. долговая нагрузка² субъектов РФ снизилась с 33 до 25,3%, а долговая нагрузка дальневосточных субъектов РФ за этот же период возросла с 31,6 до 32,4%. При этом динамика долговой нагрузки по дальневосточным субъектам РФ сильно отличалась от региона к региону.

² Уровень долговой нагрузки субъекта Федерации – отношение государственного регионального долга к налоговым и неналоговым доходам бюджета субъекта Федерации.

На территории Дальнего Востока чрезвычайно высока степень дифференциации размеров и качества государственного долга по регионам. В целом на протяжении всего периода уровень их долговой нагрузки оставался высоким (табл. 8).

Как видно из таблицы 8, в 2014–2018 гг. долговые обязательства полностью отсутствовали только у Сахалинской области. Еще у трех регионов (Республика Саха (Якутия), Приморский и Камчатский край) динамика долговой нагрузки оставалась в рамках 0,01–50% на протяжении всего периода. По ряду регионов (ЕАО, ЧАО, Амурская область) величина долга в отдельные годы была сравнима или даже превышала объем собственных доходов региональных бюджетов.

Если в 2013 году уровень долговой нагрузки в диапазоне 0,01–50% отмечался у шести дальневосточных субъектов; 50,01–100% – у двух регионов и лишь в ЧАО пре-

Таблица 8. Динамика долговой нагрузки субъектов Дальневосточного федерального округа, %

Регион	Год					
	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Республика Саха (Якутия)	37,7	36,1	37,5	40,1	46,2	36,4
Приморский край	16,7	13,7	12,6	8,7	5,8	6,1
Хабаровский край	30,6	42,5	55,6	55,4	59,1	66,3
Амурская область	86,0	98,1	95,4	86,8	72,5	69,3
Камчатский край	27,5	37,2	27,8	16,5	21,9	17,7
Магаданская область	22,8	52,2	77,5	60,0	72,7	71,1
Сахалинская область	5,9	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Еврейская автономная область	58,7	73,2	109,4	100,6	93,5	89,8
Чукотский автономный округ	123,0	144,5	100,9	76,3	96,7	90,3

Рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt; Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov> (дата обращения 04.10.2019).

вышал предельную норму в 100%, то в 2015 году ситуация ухудшилась. Число регионов, попадавших в диапазон 0,01–50%, снизилось до четырех субъектов при одновременном увеличении до трех числа регионов, находившихся в диапазоне долговой нагрузки 50,01–100%. В число субъектов Федерации, нарушивших бюджетное законодательство, т. е. тех, где долговая нагрузка превысила 100%, входили ЕАО и ЧАО.

В целом, как было отмечено выше, за период 2013–2018 гг. наблюдался рост средней долговой нагрузки по дальневосточным субъектам РФ с 31,6% в 2013 году до 32,4% в 2018 году. Число регионов с долговой региональной нагрузкой выше 50% увеличилось до пяти. Однако, как самый значимый факт, следует отметить, что на этапе 2016–2018 гг. все дальневосточные субъекты, включая ЧАО и ЕАО, вышли из критической зоны, где долговая нагрузка превышает 100%.

Структура элементов государственного долга дальневосточных субъектов Федерации в отличие от среднероссийских данных за рассматриваемый период существенно изменилась (табл. 9).

Традиционно наиболее значимыми источниками финансирования дефицита региональных бюджетов являются прямые государственные заимствования субъектов РФ в форме эмиссии облигаций внутрен-

него государственного займа и получения кредитных ресурсов. Однако в разные периоды происходили изменения в соотношении этих элементов, которые по степени предпочтительности и стоимости затрат на их обслуживание можно расположить в следующей последовательности: государственные гарантии, бюджетные кредиты, ценные бумаги (облигации), кредиты банков [18].

В Российской Федерации удельный вес наиболее дорогих источников покрытия государственного долга (государственные ценные бумаги и коммерческие кредиты) за 2013–2018 гг. сократился с 25,9 и 39,8 до 25 и 28,8% соответственно. Это объясняется реакцией федерального центра на усложнение макроэкономической ситуации в стране, в частности на повышение ключевой ставки после 2014 года. В результате государство наращивало свое участие в формировании «дешевого» долга регионов путем увеличения доли бюджетных кредитов. Подобные действия при сложившейся макроэкономической ситуации и пространственном распределении параметров финансовой устойчивости и конкурентоспособности субъектов РФ были наиболее (а возможно и единственно) рациональными, так как возможности регионов по привлечению коммерческих кредитов и выпуску региональных ценных бумаг (облигаций) ограничены высокой сто-

Таблица 9. Структура государственного регионального долга субъектов Федерации, %

Регион	2013 год					2018 год				
	в том числе по видам долговых обязательств				всего	в том числе по видам долговых обязательств				всего
	гос. ценные бумаги	кредиты от кредитных организаций	бюджетные кредиты	государственные гарантии		гос. ценные бумаги	кредиты от кредитных организаций	бюджетные кредиты	государственные гарантии	
РФ	25,9	39,8	27,1	7,2	100	25,0	28,8	42,6	3,6	100
ДФО	9,0	44,8	34,0	12,2	100	18,5	38,0	34,5	9,0	100
Республика Саха (Якутия)	36,0	27,5	6,7	29,7	100	48,7	15,6	12,6	23,1	100
Камчатский край	0	68,0	4,8	27,2	100	24,7	0	75,3	0	100
Приморский край	0	74,2	16,3	9,5	100	0	0	69,3	30,7	100
Хабаровский край	0	58,6	40,0	1,4	100	8,3	71,2	20,3	0,2	100
Амурская область	0	0	100	0	100	0	34,8	65,2	0	100
Магаданская область	0	71,5	28,5	0	100	7	57,7	35,3	0	100
Сахалинская область	0	78,7	21,3	0	100	-	-	-	-	-
ЕАО	0	38,0	62,0	0	100	0	47,3	52,7	0	100
ЧАО	0	0	96,6	3,4	100	0	0	85,2	14,8	100

Рассчитано по: Объем государственного долга субъектов РФ и долга муниципальных образований. URL: https://www.minfin.ru/ru/performance/public_debt/subdbt (дата обращения 14.09.2019).

имостью этих источников финансирования. Практически программа Министерства финансов РФ по замещению банковских кредитов бюджетными являлась вынужденной мерой для снижения стоимости региональных долговых обязательств.

Как следует из таблицы 9, на Дальнем Востоке в это время ситуация отличалась от среднероссийской. К 2019 году лишь Сахалинская область, аккумулирующая значительные доходы благодаря нефтегазовой отрасли, не имела государственного долга и выполняла социальные мандаты. Для остальных дальневосточных субъектов наличие высокой долговой нагрузки объясняется отсутствием подобного мощного источника дополнительных доходов бюджета.

В структуре сформировавшегося государственного долга на Дальнем Востоке доля коммерческих кредитов, миновав пик 44,8% в 2013 году, снизилась к 2019 году до 38%,

оставаясь в целом выше среднероссийской. Удельный вес ценных бумаг за 6 лет вырос с 9% (в 2013 году этот инструмент использовала только Республика Саха) до 18,5% (в 2018 году к Республике Саха присоединились Камчатский и Хабаровский края, а также Амурская область). Доля прочих долговых инструментов, включая государственные гарантии, в рассматриваемый временной промежуток стабильно снижалась: с 12,2% (2013 год) до 9% (2018 год).

Бюджетные кредиты составляли около трети в структуре госдолга на протяжении анализируемого периода, но концентрировались в пяти регионах. При этом Приморский край и ЧАО 100% долга формировали за счет бюджетных кредитов и государственных гарантий, ЕАО, Амурская область и Камчатский край на 53–75% формировали свой госдолг за счет кредитов федерального бюджета.

В этих условиях вопрос стабильности сложившейся структуры государственного долга в дальневосточных субъектах Федерации не решен. Программа Министерства финансов РФ на этапе 2013–2018 гг. по замещению банковских кредитов бюджетными являлась вынужденной и временной мерой для снижения стоимости региональных долговых обязательств. Как следствие, вопрос о возможности федерального центра придерживаться данного нерыночного инструмента заимствований остается открытым, поскольку для ряда дальневосточных субъектов РФ программа федерального кредитования региональных бюджетов выступает практически единственной реальной моделью поддержания устойчивости их бюджетных систем.

В целом, судя по среднероссийским показателям, 2018 год можно считать лучшим для региональных и местных бюджетов России за последнее десятилетие: высокие темпы роста доходов при сдерживании расходов позволили большинству регионов закончить год с профицитом консолидированного бюджета. Была существенно (с 33 до 25,3%) сокращена долговая нагрузка региональных бюджетов, и, как следствие, уменьшились расходы на обслуживание регионального государственного долга.

Однако для дальневосточных субъектов РФ ситуация была не столь однозначной. Хотя в условиях невысокой инфляции 2018 года все основные доходные источники дальневосточных бюджетов в реальном выражении демонстрировали положительную динамику, темп роста доходов бюджетов за 2013–2018 гг. был ниже, чем у соответствующего среднероссийского показателя. Сохраняется высокая зависимость региональных бюджетов от дотаций из федерального бюджета. При сокращении с восьми (2013 год) до четырех (2018 год) числа дальневосточных субъектов Федерации, завершивших год с дефицитом бюджета, суммарный региональный государственный долг Дальнего Востока за этот период вырос в 1,7 раза (с 976 до 1663 млрд руб.).

Возможно ли ожидать в среднесрочной перспективе сохранения достигнутых сред-

нероссийских результатов и улучшения на этом фоне финансового положения консолидированных бюджетов у дальневосточных регионов?

Как будет показано ниже, динамика изменения основных рассмотренных источников для роста доходной базы региональных бюджетов в дальневосточных субъектах Федерации не дает оснований для оптимизма.

Основными источниками доходов субъектов Российской Федерации являются налог на прибыль, налог на доходы физических лиц и трансферты из федерального бюджета, в сумме составившие в 2018 году 71,4% общего объема доходов российских регионов. На Дальнем Востоке вклад названных источников в консолидированные бюджеты в 2018 году был на 1 п. п. ниже, но также крайне высок – 70,4%.

База налога на прибыль организаций в значительной степени зависит от сложившейся экономической конъюнктуры и цен на нефть. В 2019 году не произошло резкого улучшения конъюнктуры, а цены на нефть упали ниже среднего для минувшего года, поэтому возможно ожидать замедления роста базы налога на прибыль.

Для налога на доходы физических лиц 2018 год стал завершающим годом, когда темпы роста заработной платы значительной части работников бюджетной сферы, во исполнение майских указов Президента России 2012 года, превышали темпы роста средней заработной платы в экономике. Поэтому можно прогнозировать, что в 2019 году бюджетный сектор в РФ, и на Дальнем Востоке в частности, перестанет быть двигателем роста фонда оплаты труда в экономике.

Темпы роста межбюджетных трансфертов регионам из федерального бюджета также замедлятся и, согласно Закону о федеральном бюджете, составят в 2019 году 107,9% против 122,4% в 2018 году.

Как следствие, в среднесрочной перспективе следует ожидать замедления темпов роста доходов консолидированных бюджетов как регионов в среднем по России, так и дальневосточных субъектов Федерации в частности.

Развернувшаяся в настоящее время дискуссия с обсуждением проектов региональных законов о бюджете субъектов Российской Федерации на 2020 год и плановый период 2021–2022 гг. подтверждает высказанные выше предположения.

Например, в проект закона о бюджете Хабаровского края на 2020 год и плановый период 2021–2022 гг. прямо заложено сокращение доходов краевого бюджета: 2020 год – 100,7 млрд руб., 2021 год – 97,8 млрд руб., 2022 год – 95,7 млрд руб.

При этом необходимо отметить разнонаправленную динамику важнейших доходных источников, закладываемую в проект бюджета края. Удельный вес трансфертов из бюджетной системы РФ в доходах краевого бюджета за рассматриваемый плановый период должен резко сократиться с 20,8% в 2020 году до 14,9% в 2021 году и до 10,3% в 2022 году. Одновременно в проекте закона на период 2020–2022 гг. планируется рост фискальной (налоговой) части доходов краевого бюджета с 79,7 млрд руб. в 2020 году до 83,2 млрд руб. в 2021 году и 85,9 млрд руб. в 2023 году.

Возникают вопросы, касающиеся как закладываемых в проект закона соотношений между налогом на доходы физических лиц и налогом на прибыль предприятий, так и абсолютных величин изменения заложенных в проект закона сумм НДФЛ и налога на прибыль предприятий и организаций. Планируемый в Хабаровском крае рост в абсолютном выражении и НДФЛ, и налога на прибыль предприятий будет происходить с различной скоростью. В проект закона заложено, что НДФЛ будет опережать рост налога на прибыль предприятий. Поскольку в предплановый период НДФЛ в абсолютном выражении уже превышал величину налога на прибыль предприятий, то соотношение НДФЛ к налогу на прибыль предприятий, заложенное в проекте закона, станет монотонно возрастать и составит 1,7 раза в 2020 году, 1,73 в 2021 году и 1,74 в 2022 году.

Другими словами, в проекте закона о бюджете Хабаровского края акцент в доходах бюджета все более смещается с налогов

на прибыль предприятий на налоги с доходов физических лиц, что является косвенным показателем ухудшения экономической ситуации в указанном регионе.

Отметим еще один момент. Традиционно считается [19–21], что региональные бюджеты, ввиду социальной направленности своих расходов, не эластичны в части сокращения расходных обязательств, поэтому в кризисных ситуациях темп снижения расходов обычно оказывается меньше темпа снижения доходов региональных бюджетов. Мы уже отмечали, что дальневосточная ситуация в этом вопросе имеет свою специфику, что подтверждает проект закона Хабаровского края. Так, в плановом периоде 2020–2022 гг. при планируемом сокращении доходов на 4,9% расходы бюджета планируется сократить на 6,22%. Подобное положение можно объяснить только ужесточением усилий краевого правительства по контролю ситуации над региональным государственным долгом [22].

В целом рассмотренная ситуация с проектом закона о бюджете Хабаровского края на 2020 год и на плановый период до 2022 года соответствует замедлению темпов роста доходов региональных бюджетов на Дальнем Востоке в среднесрочный период.

Резюме

1. Анализ динамики консолидированных бюджетов дальневосточных регионов за 2013–2018 гг. показал, что тенденции изменения объемов и структуры доходов и расходов региональных бюджетов в значительной мере определялись состоянием трех групп особенностей экономики дальневосточных субъектов Федерации: конъюнктурой российской региональной экономики; наличием значительного числа объектов, финансируемых федеральным бюджетом; проводимой федеральными властями жесткой монетаристской политикой.

2. Выявлено, что невысокая инфляция 2018 года и положительная динамика основных доходных источников дальневосточных бюджетов не снизили зависимость доходов регионов от федеральных дотаций,

а сокращение за 2013–2015 гг. числа регионов с дефицитом бюджетов с восьми до четырех происходило одновременно с ростом и ухудшением структуры регионального государственного долга.

3. Аргументировано, что для субъектов Федерации Дальневосточного федерального округа следует ожидать замедления темпов роста доходов в среднесрочной перспективе до 2022 года.

Вопросы формирования сбалансированных региональных бюджетов имеют важное теоретическое и практическое значение. Новизна выполненного исследования заключается в эмпирическом анализе состо-

яния сложного регионального объекта, каковым является бюджетная сфера субъектов Дальневосточного федерального округа. Выявленные в статье проблемы и направления их решения, в числе прочих, будут способствовать задействованию имеющихся резервов снижения регионального государственного долга и активизации бюджетной политики дальневосточных регионов.

Результаты исследования могут быть востребованы органами власти при корректировке бюджетной политики, а также полезны специалистам и научному сообществу, занимающимся вопросами регулирования бюджетной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 385 с.
2. Лазарева Г.И. Бюджетная политика на субфедеральном уровне // Вестн. Белгород. ун-та кооперации, экономики и права. 2017. № 4. С. 114–125.
3. Печенская М.А. Актуальные вопросы формирования бюджетного потенциала территории: факторы, принципы, структурные элементы // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 149–161. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.10
4. Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
5. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2018 г. / О.М. Прокапало [и др.] // Пространственная экономика. 2019. № 2. С. 110–149. DOI: 10.14530/se.2018.2.110-149
6. Кудрин А., Дерюгин А. Субнациональные бюджетные правила: зарубежный и российский опыт // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 1. С. 8–35.
7. Россия и проблемы бюджетно-налогового федерализма / под ред. К. Валлих. М.: Известия, 1993. 207 с.
8. Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015
9. Демьяненко А.Н., Прокапало О.М. Экономическое пространство Дальнего Востока России: посткризисная динамика и экономическая безопасность // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 25–32. DOI: 10.14530/reg.2018.5.25
10. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка / Е.Г. Ясин [и др.]. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 32 с.
11. Леонов С.Н. Современное состояние бюджетной системы дальневосточных регионов России // Региональные проблемы. 2001. № 5. С. 62–66.
12. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
13. Исаев А.Г. Инвестиционная динамика и потенциал эндогенного роста российских регионов // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 18–38. DOI: 10.14530/se.2019.1.018-038
14. Минакир П.А. Ожидания и реалии политики «поворота на Восток» // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 4. С. 1016–1029.
15. Аганбегян А.Г. Как преодолеть стагнацию и рецессию // Науч. тр. Вольного экон. общества России. 2017. Т. 203. С. 58–74.
16. Дерюгин А.Н. Бюджеты регионов в 2018 г.: лучшие итоги десятилетия // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26. № 3. С. 56–62.

17. Леонов С.Н. «Модельный» бюджет: особенности формирования и реализации // Изв. Байкал. гос. ун-та. 2019. Т. 29. № 2. С. 314–323.
18. Минакир П.А., Леонов С.Н. Государственный региональный долг: тенденции и особенности формирования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 4. С. 26–41.
19. Kelleher C.A., Yackee S.W. An Empirical Assessment of Devolution's Policy Impact. *The Public Studies Journal*, 2004, vol. 32, no. 2, pp. 253–270.
20. Longley R. Welfare Reform in the United States. *ThoughtCo*, 2018, March 11. Available at: <https://www.thoughtco.com/welfare-reform-in-the-united-states-3321425>
21. Лыкова Л.Н. Финансовый потенциал субъектов Федерации // Федерализм. 2008. № 3 (51). С. 41–59.
22. Леонов С.Н. Динамика доходной базы и уровня сбалансированности бюджетов дальневосточных субъектов Российской Федерации // Уч. зап.: сб. ст. / под ред. О.М. Прокапало; Российская академия наук, Дальневосточное отделение, Институт экономических исследований. Хабаровск, 2019. С. 118–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук». Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: leonov@ecrin.ru

Leonov S.N.

PROBLEMS OF BUDGETARY SPHERE OF THE FAR EASTERN CONSTITUENT ENTITIES OF THE FEDERATION

The article is devoted to the urgent issues of the regional budgetary sphere formation under the conditions of transformation of the Russian economy, unstable economic environment and financial system of the country. The purpose of the article is a systematic structural analysis of the budgetary sphere of the Russian Far East. By means of an example of the Far Eastern regions covering more than 40% of the territory of Russia, the dynamics of changes in the volume and structure of revenues and expenditures of the regions' consolidated budgets for the period of 2013-2018 was analyzed. It is shown that the dynamics of the regional finance is largely determined by the status of the three groups of features of the Far Eastern subjects' economy: the environment of regional economy lately demonstrating deterioration; the presence of a wide range of objects and types of economic activities financed by the Federal budget, which significantly increases the share of subsidies in the regional budgets' revenues; strict monetarist policies conducted by the Federal authorities to stabilize the macroeconomic situation and leading to the decline of investment in the Far Eastern industry, the slowdown of the regions' economic development and reduction of growth rates of the tax base of the consolidated budgets. On the basis of statistical and empirical research methods, the analysis of the balance of the consolidated budgets and of the dynamics and structure of the regional public debt was carried out. It is shown that under the conditions of low inflation in 2018 and positive dynamics of the major revenue sources in real terms, the incomes growth rate of the Far Eastern budgets during the period under review was lower than the corresponding national average, high dependence on subsidies from the Federal budget of the Far Eastern regions' incomes remained. It is revealed that for the analyzed period, while reducing the number of regions with the

budget deficit from 8 to 4, there was a sharp growth and deterioration in the structure of the regional public debt in the macro-region. It is argued that in the medium term a slowdown of incomes of the consolidated budgets of the Far Eastern subjects of the Russian Federation is expected. The article can be used by bachelors, undergraduates and postgraduate students in process of training, by academic staff as a research base, by the government in the process of decision-making on budget issues.

Consolidated budget, constituent entity of Federation, Far East, regional public debt.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergei N. Leonov – Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science “Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences”. 153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: leonov@ecrin.ru

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.8

УДК 316.454.2 | ББК 60.54

© Недосека Е.В.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ МОНОГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. СОКОЛА)¹

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА НЕДОСЕКА

СИ РАН - филиал ФНИСЦ РАН

Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

E-mail: nedelena@socinst.ru

ORCID: [0000-0003-1944-0367](https://orcid.org/0000-0003-1944-0367)

Статья направлена на анализ феномена локальной идентичности городского сообщества моногорода. Предложена структурная модель локальной идентичности, включающая в себя следующие компоненты: образ города, оценка будущего и перспектив развития города и миграционные настроения жителей. В работе в качестве кейса представлена характеристика локальной идентичности городского сообщества моногорода Сокола Вологодской области, полученная в результате социологического исследования (методами группового интервью и анкетного опроса). Эмпирической базой исследования послужили: групповое интервью с местными жителями, проведенное в августе 2018 года; данные социологического опроса «Социально-структурные эффекты цивилизационных изменений российского общества», организованного на территории г. Сокола Вологодской области в октябре 2018 года. Метод измерения: анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности 500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Ошибка выборки не превышает 3%. Репрезентативность социологической информации обеспечивалась использованием модели многоступенчатой выборки с квотным отбором единиц наблюдения по половозрастному составу населения; случайного отбора респондентов анкетерами по заданным квотам. По результатам исследования установлены расхождения между когнитивными и поведенческими компонентами локальной идентичности городского сообщества моногорода Сокол, которые свидетельствуют о превалировании в сознании горожан образа советской модели устройства города, тесно связанного с деятельностью профильного предприятия, но не совпадающего с реальными практиками трудоустройства и удовлетворения социальных и культурных запросов. Произошедшие в последние десятилетия изменения внесли

Для цитирования: Недосека Е.В. Локальная идентичность населения моногорода (на примере г. Сокола) // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 109–123. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.8

For citation: Nedoseka E.V. Local identity of single-industry towns' population (case study of the town of Sokol). *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 109–123. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.8

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 18-011-01254 «Социально-структурные эффекты цивилизационных изменений российского общества».

серьезные коррективы в смысловое наполнение идентичностей жителей моногородов: периферийность стала локальным проклятием и ассоциируется с удаленностью, отсталостью и стагнацией; пролетарская идентичность потеряла всякую социальную значимость и престижность, а жизнеутверждающий образ профильного предприятия трансформировался в корпоративные идентичности, в которых четко прослеживаются корпоративные культуры бизнес-структур, далеких от конкретных территориальных привязок.

Локальная идентичность, моногород, город Сокол.

Пространственная структура современной России тяготеет к административно-территориальному многообразию, особое место в котором занимают моногорода (54%). Будучи продуктом политики индустриализации советского государства, они являли собой специфичный для России способ размещения производительных сил в зависимости от особых климатических и географических условий страны.

По данным Научно-методического центра «Города России», в России в 1997 году насчитывалось около 500 моногородов (из 1092 городов) [1]. В соответствии с исследованиями, проведенными позже «Экспертным институтом» в рамках проекта «Монопрофильные города и градообразующие предприятия», к монопрофильным поселениям было отнесено 467 городов и 332 пгт, в которых проживало 24,5 млн человек [2, с. 5]. На сегодняшний день перечень монопрофильных муниципальных образований РФ включает 319 моногородов, где по состоянию на начало 2016 года проживало 13,0 млн человек (около 9% населения России) [3]. Средняя по стране численность населения моногорода составляет около 40 тыс. человек. Поселения данного вида имеются в 61 из 85 регионов России, но в наибольшей степени они сосредоточены в регионах Поволжья и Сибири [4].

Происходившие в конце 1990-х годов социально-экономические изменения привели большинство российских моногородов к критической фазе своего существования, которую они переживают по-разному. В настоящее время в отношении моногородов все чаще звучат эпитеты «умирающий», «кризисный», «бесперспективный». В конечном счете переживание стресса, а также адаптив-

ность городских сообществ определяются имеющимися у них культурными ресурсами [5, с. 151].

В связи с этим определение направлений развития, обеспечение защиты социально-экономических интересов локального сообщества и формирование позитивного образа территорий являются насущными управленческими проблемами на местах. Успешное решение этих задач во многом связано с особенностями содержания и формирования локальной идентичности. Положительная идентификация населения с территорией проживания может благоприятствовать консолидации регионального сообщества, построению эффективной системы регионального взаимодействия и стать одним из весомых факторов устойчивого и поступательного развития территории. Целью данной статьи является анализ особенностей локальной идентичности городского сообщества моногорода на примере города Сокола Вологодской области.

На сегодняшний день в научной литературе существует определенный разброс мнений относительно понятия «локальная идентичность», и главная проблема – найти грани понятийной чувствительности от схожих категорий: региональная и территориальная идентичности. В исследовательской практике накопилось достаточное количество работ, в которых предпринимаются попытки теоретического осмысления обозначенных категорий, но, несмотря на это, они остаются взаимозаменяемыми. Причина данного обстоятельства скорее кроется в особенностях административно-территориального деления российского социума, обусловленного политическими и социально-экономическими процессами последних

десятилетий прошлого века и первого десятилетия настоящего.

В процессе изучения локальной идентичности сразу возникает ряд трудностей теоретико-методологического характера. Во-первых, это проблема определения самого понятия и проработанного инструментария исследования, которая возникает из-за междисциплинарных научных барьеров. Во-вторых, как отмечает Е.В. Дзякович, это сложности в административном выделении идентификационных границ той или иной местности в рамках конкретного региона (или, зачастую, нескольких соседних регионов) [6, с. 6].

Теоретическими предпосылками к изучению локальной идентичности можно назвать концепции, в которых наиболее полно обосновывается связь субъекта с пространством, бытие субъекта в локальной культуре. Сюда относятся работы по гуманитарной географии и городским исследованиям, связанные с анализом «культурных ландшафтов», «локальной культуры», «привязанности к месту», «образов места» (В.Л. Глазачев [7], Г.В. Горнова [8], А. Джилберт [9; 10], Н.С. Дягилева [11], Л.А. Журавлева [12], Т. Ингольд [13; 14], Д.Н. Замятин [15; 16], Н.Ю. Замятина [17], Н.В. Зубаревич [18], М.П. Крылов [19], К. Линч [20], С.В. Панарин [21], Р. Парк [22; 23], Х. Прошански [24] и др.). Немаловажными являются концепции феноменологической направленности, рассматривающие пространство через призму субъективного восприятия (Б. Верлен [25], Э. Гуссерль [26], М. Мерло-Понти [27], М. Фуко [28; 29], А. Шюц [30], М. Хайдеггер [31; 32] и др.).

Возвращаясь к проблеме определения понятия «локальная идентичность», можно отметить работы В.А. Колосова, Н.А. Шматко, Ю.Л. Качанова [33; 34], которые воспринимают локальную идентичность как часть территориальной и понимают под ней идентификацию человека с местным сообществом, чувство сопричастности по отношению к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания. В этом смысле территория выступает как символическое пространство для соз-

дания и укрепления идентичности. Интересна точка зрения П.Л. Крупкина, предложившего при описании локальной идентичности использовать общую концепцию структуры коллективных идентичностей [35, с. 122]. Согласно этой концепции практически каждая коллективная идентичность содержит четыре базовых элемента: «центральное место», географическое или сугубо символическое; ценности/святыни («боги» локального сообщества); ритуалы поддержания и укрепления идентичности/солидарности участников; вклад участников в сообщество – материальный или символический. Помимо этого, группа с коллективными идентичностями обычно включает ядро и периферию, зачастую структурированную по статусным уровням.

Так или иначе, при определении локальной идентичности ключевым понятием является «место», занимаемое локальной общностью. Это ограниченное социальное пространство с собственными культурными особенностями, обуславливающее поведение индивидов и одновременно воспроизводимое благодаря тем представлениям, смыслам, ценностям, которые вкладывают в него индивиды.

Итак, локальная идентичность – это чувство связи с местом, местным сообществом, причастность к событиям, происходящим на «родной» территории. Благодаря проживанию в определенном месте, социализации внутри аутентичного сообщества у человека формируется специфическое мировосприятие, выражающееся в его деятельности, отношении к отдельным явлениям, интерпретации событий и т. д.

Вторая обозначенная нами проблема касается сложности административного выделения идентификационных границ той или иной местности в рамках конкретного региона. Действительно, чаще всего можно встретить исследования, затрагивающие этнокультурную и конфессиональную проблематику в пределах региона(ов). Моногорода редко попадают в исследовательский фокус социологов скорее по причине преобладания работ, акцентирующих внимание на региональных аспектах макро- и мезоуровней.

С нашей точки зрения, локальные идентичности моногородов обусловлены целым рядом факторов, которые позволяют более рельефно взглянуть и на проблему региональной идентичности в целом.

Во-первых, являясь продуктом советской системы административно-территориального деления, моногорода оказались в более сложном социально-экономическом положении после распада Советского Союза. Происходившие трансформации геополитического и социально-экономического характера, запустившие негативные процессы в социальной сфере моногородов, привели к интенсивному оттоку и маргинализации населения в большей степени, чем это прослеживалось в больших городах. А отсутствие ресурсов и реальных рычагов воздействия на кризисные явления привели территории к депрессивным состояниям. В связи с этим важным исследовательским вопросом остаются механизмы адаптации и стратегии выживания, применяемые в пределах поселений, которые зачастую порождают особые векторы их развития, например стихийные агломерации.

Во-вторых, будучи наследством от советской системы административно-территориальной организации с ее политикой распределения и социальными гарантиями, жители моногородов активнее всего транслируют ностальгию по советскому прошлому. К жизни в новых капиталистических реалиях, требующих большей индивидуальной ответственности и активности, население оказалось не готовым. Это обстоятельство также подтверждается невысокими показателями развитости в поселениях данного типа малого и среднего бизнеса, ТСЖ и прочих форм, требующих самоорганизации населения.

В-третьих, производственная привязка к ограниченному числу предприятий остается для моногородов основой экономической жизни. Это обстоятельство сказывается на структуре локальной идентичности, где особое место занимает корпоративная идентичность. Часть трудоспособного населения моногородов продолжает быть за-

нятой на градообразующих предприятиях, которые, будучи не заинтересованными в текучке кадров, стараются удерживать их в пределах поселений. В 1990-е гг. основные промышленные предприятия были приобретены крупнейшими российскими бизнес-структурами. Например, на территории Вологодской области функционирует крупнейшая корпорация ГК Segezha Group корпорации АФК «Система». Центры принятия решений и прибыли компании находятся за пределами региона. При ухудшении рыночной конъюнктуры крупные компании, как правило, уменьшают объемы производства, занижают цены на продукцию производственных подразделений в регионах присутствия. Таким образом, прибыль концентрируется в центральных управленческих структурах, и затем средства перераспределяются на приоритетные для бизнес-групп направления. Возникает конфликт интересов компаний и региона их базирования, недополучающего налоги. Компаниям интересны эффективность и прибыль, а не социум и люди с их потребностями [36, с. 57]. Население рассматривается как эффективная или неэффективная рабочая сила. И в этом смысле локальная идентичность наполняется качественными характеристиками дополнительного содержания.

Градообразующие предприятия с их корпоративной культурой являются значительным агентом влияния на локальную идентичность в поселениях данного типа, где особый образ жизни (связанный с повседневной коммуникацией и непосредственным взаимодействием горожан и их групп по самым различным поводам) воспроизводит особую ментальность. Здесь формируются солидарные группы со своими лидерами и авторитетами, у них складываются формальные и неформальные отношения с управленческими структурами предприятий, зона влияния которых зачастую распространяется далеко за пределы организаций. Немаловажную роль играет и характер профессиональной деятельности большинства трудоспособного населения. Так, у имеющего узкую специализацию профильного

рабочего возможности для диверсификации трудовой деятельности по специальности за пределами региона сведены к нулю, если только речь не идет о территориях с похожей отраслевой принадлежностью.

В-четвертых, немаловажным обстоятельством, качественно наполняющим локальные идентичности в моногородах, являются последствия деятельности градообразующих предприятий, которые негативно сказываются на экологии территориальных образований. Данное обстоятельство рассматривается как отягощающее и вносит в образ мест проживания отрицательные характеристики.

В связи с этим важно отметить, что моногорода представляют собой микросоциумы региона, наполненные ограниченным числом идентификационных маркеров, что требует пристального исследовательского внимания, прежде всего с точки зрения понимания процессов, протекающих в конкретном моногороде и регионе, и является значительным фактором при формировании адаптационных стратегий и развития территории в целом.

Объектом данного исследования послужил город Сокол. Поселение располагается в центральной части Вологодской области. Статус городского поселения Сокол приобрел в 1932 году. С 2014 года поселение включено в категорию «Монопрофильные муниципальные образования Российской Федерации (моногорода), в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения».

Основными эмпирическими показателями локальной идентичности моногорода были выбраны ее когнитивные компоненты: образ города, оценка будущего и перспектив развития города, миграционные настроения. В заключение мы попытались соотнести данные когнитивные компоненты с реальными поведенческими практиками.

Образ города

Прежде чем перейти к анализу образа города у населения, необходимо акцентиро-

вать внимание на степени оседлости местных жителей (табл. 1).

Результаты исследования показали, что каждый четвертый сокольчанин не является коренным жителем города (26%), при этом почти половина из них (46%) переехали в Сокол относительно недавно (после 2000-х гг.). Несмотря на это, большинство приезжих (62%) считает себя «полностью местными» и лишь 6% придерживаются противоположной точки зрения, что может свидетельствовать о достаточно благоприятных условиях адаптации мигрантов на территории города.

Также необходимо отметить, что 17% информантов из числа приехавших родились на территории других населенных пунктов Вологодской области, что, по-видимому, является фактором, значительно облегчающим данный процесс.

Таблица 1. Оценка респондентами степени оседлости

Вопрос / вариант ответа	%
Вы родились в г. Соколе? Если нет, укажите, где Вы родились?*	
Да, родился в Соколе	74,0
Нет, родился в другом месте:	26,0
родился в Вологодской области в другом населенном пункте	17,0
родился на территории РФ в другом регионе	6,8
родился за пределами РФ	2,2
В каком году Вы переехали в город Сокол?***	
После 2000-х гг.	45,7
В 90-е годы XX века	16,5
В 80-е годы XX века	15,0
В 60–70-е годы XX века	14,2
После 1945 года до конца 50-х годов XX века	8,7
На данный момент Вы уже считаете себя в Соколе местным или по-прежнему приезжим?***	
Полностью местным	62,3
В чем-то местным, в чем-то приезжим	22,3
По-прежнему приезжим	6,2
Трудно сказать, не хочу отвечать, не думал об этом	9,2
Всего	100,0
* В % от числа опрошенных.	
*** В % от тех, кто родился не в Соколе.	

«...Я патриот своего города. Я здесь родилась. И умру, наверное, здесь. Поэтому мне в разные годы город нравится по-разному. Да. В 80-е один, в 90-е другой. Сейчас он преобразуется по-своему, по-современному, как считают люди уже среднего преклонного возраста. Поэтому у молодежи свои интересы, ну, нравятся им развлечения. Мне, например, нравятся спокойные улочки, чистые тротуары. Поэтому меня пока все устраивает в нашем городе. Будут новые постройки. Вот у нас площадь строят, где будем отдыхать».

Образ города транслируется жителями через такие индикаторы, как ощущение единства с жителями (табл. 2), оценки жизненного уровня и условий жизни.

Таблица 2. Субъективные оценки ощущения единства горожан в структуре по социальным группам, % от числа опрошенных

Социальная группа / вариант ответа	%	
Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Другие же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми – о ком Вы могли бы сказать: «Это – мы»?		
С людьми Вашего поколения, возраста	Часто	60,4
	Иногда	30,8
	Никогда	0,6
	Затрудняюсь ответить	8,2
С людьми той же профессии, рода занятий	Часто	52,2
	Иногда	37,2
	Никогда	1,4
	Затрудняюсь ответить	9,2
Со всеми гражданами России	Часто	13,8
	Иногда	50,8
	Никогда	7,8
	Затрудняюсь ответить	27,6
С жителями Вашей области	Часто	18,4
	Иногда	51,4
	Никогда	5,6
	Затрудняюсь ответить	24,6

С теми, кто живет в том же городе, где и Вы	Часто	27,8
	Иногда	50,2
	Никогда	4,8
	Затрудняюсь ответить	17,2
С жителями Вашего района	Часто	25,0
	Иногда	51,2
	Никогда	4,6
	Затрудняюсь ответить	19,2
С людьми Вашей национальности	Часто	22,4
	Иногда	48,6
	Никогда	7,4
	Затрудняюсь ответить	21,6
С людьми такого же достатка, что и Вы	Часто	31,0
	Иногда	41,8
	Никогда	4,6
	Затрудняюсь ответить	22,6
С людьми, близкими Вам по политическим взглядам	Часто	15,2
	Иногда	41,2
	Никогда	8,2
	Затрудняюсь ответить	35,4
С людьми Вашей веры	Часто	18,0
	Иногда	36,8
	Никогда	8,6
	Затрудняюсь ответить	36,6

Единство с жителями области, города и района отмечают не более 80% сокольчан (70, 78 и 76% соответственно); с представителями своей национальности – 71%; с людьми схожих политических взглядов – 66%; религиозных убеждений – 55%; с людьми «такого же достатка» идентичность отмечают 73% жителей города.

Наиболее высоким уровнем межличностного доверия сокольчан пользуются члены их семей (95%; табл. 3), что, в целом, соответствует общероссийской ситуации, характеризуя которую, многие ученые отмечают, что «россияне концентрируют свои усилия на создании комфортной микросреды обитания... Ядром микромира россиян является семья» [37, с. 7]. Весьма примечательно, что

Таблица 3. Субъективные оценки доверия горожан в структуре по социальным группам, % от числа опрошенных

Социальная группа / вариант ответа		%
Какому числу людей Вы доверяете среди...?		
Членов Вашей семьи	Всем	78,6
	Большинству	16,4
	Меньшинству	2,4
	Никому	1,0
	Затрудняюсь ответить	1,6
Ваших коллег	Всем	19,8
	Большинству	54,4
	Меньшинству	19,2
	Никому	3,4
	Затрудняюсь ответить	7,2
Соседей	Всем	12,0
	Большинству	40,8
	Меньшинству	32,0
	Никому	8,2
	Затрудняюсь ответить	7,0
Представителей своей национальности	Всем	3,0
	Большинству	42,2
	Меньшинству	24,8
	Никому	9,0
	Затрудняюсь ответить	21,0
Представителей других национальностей	Всем	1,2
	Большинству	19,4
	Меньшинству	33,4
	Никому	21,2
	Затрудняюсь ответить	24,8
Руководства Вашей организации, предприятия	Всем	11,4
	Большинству	25,8
	Меньшинству	29,6
	Никому	13,6
	Затрудняюсь ответить	19,6

коллеги по работе пользуются значительно большим доверием, чем соседи по дому (74 против 53%). В наибольшей степени локальная идентичность жителей г. Сокола проявляется по признаку возраста и рода занятий. Более 90% сокольчан чувствуют близость с представителями своего поколения (91%); 89% – с представителями своей профессии.

Также необходимо отметить, что жители Сокола достаточно часто говорят о том, что доверяют руководству своей организации (37%). По крайней мере, по результатам исследований, проведенных в 2018 году в целом на территории Вологодской области, этот показатель составлял 28% и за весь период мониторинговых измерений (с 2000 по 2018 год) никогда не поднимался выше 30%.

Оценки жизненного уровня горожан представлены в *табл. 4*.

Таблица 4. Субъективные оценки уровня жизни населения г. Сокола, % от числа опрошенных

Вопрос / вариант ответа	%
Оцените, пожалуйста, свой жизненный уровень	
Живу в полном достатке	6,8
Живу вполне сносно	45,8
Живу от зарплаты до зарплаты	34,8
Не могу свести концы с концами	7,6
Затрудняюсь ответить	5,0
Как изменилась Ваша жизнь за последние пять лет?	
Заметно улучшилась	5,2
В основном изменилась к лучшему	27,6
Моя жизнь идет как и прежде	45,8
Мое положение, в основном, ухудшилось	11,0
Жизнь стала намного хуже	5,2
Затрудняюсь ответить	5,2
Всего	100,0

В отношении оценки жизненного уровня практически половина респондентов (46%) считают, что живут «вполне сносно». Каждый третий (35%) житель города оценивает свой жизненный уровень ниже среднего, так как живет «от зарплаты до зарплаты». Еще 8% – ниже среднего, потому что «не могут свести концы с концами». Только 7% сокольчан высоко оценивают свой уровень, говоря, что живут «в полном достатке». Половина жителей Сокола отмечает отсутствие перемен в своей жизни за последние пять лет: 46% респондентов ответили, что их жизнь идет как и прежде. Каждый третий житель города видит позитивные тенденции. Их жизнь в основном изменилась к лучшему (28%)

и заметно улучшилась (5%). У шестой части сокольчан за пять лет произошли негативные изменения: их положение ухудшилось (11%), у 5% респондентов сложилось мнение, что их жизнь стала намного хуже.

Субъективные оценки уровня жизни зависят от восприятия своих возможностей удовлетворить ту или иную потребность в товарах и услугах. Оценки жителей города Сокола относительно доступности товаров и социальных услуг представлены в табл. 5.

Таблица 5. Субъективные оценки респондентов относительно доступности товаров и социальных услуг в г. Соколе, % от числа опрошенных

Вопрос / вариант ответа	%
Как Вы считаете, можете ли Вы получить в Вашем городе все необходимые Вам товары и услуги?	
Могу приобрести любые товары и услуги	12,2
Могу приобрести большинство необходимых товаров и услуг	34,0
За некоторыми товарами и услугами приходится ездить в областной центр	38,2
В нашем городе плохо с товарами и услугами, приходится ездить в другие города	9,8
Затрудняюсь ответить	5,8
Всего	100,0

По данному показателю мнение жителей города разделилось пополам. Одна половина считает, что может приобрести любые или большинство необходимых товаров и услуг (соответственно 12 и 34% респондентов). Другая половина отмечает, что за товарами или услугами им приходится ездить в областной центр (38%) и в другие города (10%).

Более половины жителей города уверены, что при необходимости они сами или их дети, внуки могут получить хорошее образование (табл. 6). Определенную уверенность в этом выразили 12% респондентов; большая часть (44%) считает это вероятным сценарием. Сомневаются в возможностях получить хорошее образование 28% сокольчан.

Таблица 6. Субъективные оценки респондентов относительно доступности образовательных услуг в г. Соколе, % от числа опрошенных

Вопрос / вариант ответа	%
Можете ли Вы, Ваши дети, внуки сейчас при необходимости получить хорошее образование?	
Определенно да	12,0
Скорее да	44,2
Скорее нет	27,6
Определенно нет	5,2
Затрудняюсь ответить	11,0
Всего	100,0

Еще ниже жители города оценивают свои возможности относительно хорошего медицинского обслуживания (табл. 7). Уверенность в получении последнего выразили 16% респондентов. Половина жителей города думают, что скорее всего не смогут получить хорошее медицинское обслуживание (50%), еще 28% точно уверены в отрицательном результате.

Таблица 7. Субъективные оценки респондентов относительно доступности медицинских услуг в г. Соколе, % от числа опрошенных

Вопрос / вариант ответа	%
Можете ли Вы, другие члены Вашей семьи при необходимости получить хорошее медицинское обслуживание?	
Определенно да	4,2
Скорее да	12,4
Скорее нет	49,8
Определенно нет	28,2
Затрудняюсь ответить	5,4
Всего	100,0

Культурные запросы, может быть, и не являются первостепенно важными, но общий уровень жизни зависит также и от степени их удовлетворения. Треть респондентов отмечает, что они могут удовлетворить полностью или большую часть культурных запросов в своем городе (табл. 8). Другая треть отмечает, что культурно-досуговая инфраструктура г. Сокола способна удовлет-

Таблица 8. Субъективные оценки респондентов относительно доступности культурных услуг в г. Соколе, % от числа опрошенных

Вопрос / вариант ответа	%
В какой степени Вы можете удовлетворить в Вашем городе свои культурные запросы?	
Могу удовлетворить их полностью	9,6
Могу удовлетворить большую их часть	26,8
Могу удовлетворить только небольшую их часть	31,0
Мои культурные запросы в нашем городе я удовлетворить не могу, приходится ездить в другие города	16,4
Затрудняюсь ответить	16,2
Как Вы считаете, есть ли в Вашем городе возможности для хорошего проведения Вашего свободного времени?	
Есть все возможности	9,2
Какие-то возможности есть	56,2
Возможностей мало, приходится ездить в другие города	24,0
Затрудняюсь ответить	10,6
Всего	100,0

ворить небольшую часть запросов горожан. Еще 16% респондентов для удовлетворения своих культурных запросов уезжают в другие города. Если говорить в целом о проведении свободного времени, то с этой целью из Сокола уезжает уже каждый четвертый (24% респондентов). Большинство сокольчан (65%) находят возможности для хорошего проведения своего свободного времени, из них 9% считают, что в городе есть все возможности для этого.

Что не хватает респондентам в городской культурно-досуговой инфраструктуре? В ответах на открытый вопрос сокольчане часто отмечали отсутствие театра, музеев, различных культурных мероприятий – выставок, концертов, экскурсий; малочисленность спектаклей и концертов артистов, приезжающих из области и других городов, недоступность цен на билеты. При наличии кинотеатра у горожан есть претензии к его репертуару. Респонденты указали, что в городе отсутствуют спортивные и спортивно-развлекательные сооружения – бассейн,

каток, аквапарк, боулинг, стадион, фитнес-залы; не работают спортивные секции. Уровень заведений общественного питания вынуждает респондентов говорить о том, что им недостает хороших ресторанов и кафе. Плохо развита и культурно-досуговая инфраструктура для детей: отсутствует парк аттракционов; детям негде кататься на роликах, велосипедах. Резюмируя, можно сказать, что у жителей г. Сокола различен уровень культурных запросов, хотя в целом возможности для семейного культурного и спортивного отдыха небольшие.

Статус малого города отражается на качестве жизни населения. Наиболее острыми проблемами, с которыми жители города сталкиваются ежедневно, являются состояние дорог (ее отметили 63% респондентов) и рост цен (61%). Каждый второй респондент видит проблему в состоянии медицинского обслуживания (56%), неблагоустроенности дворов (51%), низком уровне зарплат и пенсий (49%). Не удовлетворены работой жилищно-коммунальных служб 29% респондентов. Каждый четвертый видит проблему в безработице и пьянстве (20%).

Таким образом, основные проблемы, которые волнуют сокольчан, носят узкий, «личностный» характер. Это действительно те проблемы, с которыми люди сталкиваются каждый день. Более масштабные, глобальные проблемы упоминаются респондентами значительно реже. Например, только 5–8% жителей города волнуют отсутствие порядка, бездействие властей, произвол чиновников, коррупция, наплыв приезжих, мигрантов, преступность. Практически никто не отметил конфликты между различными ветвями власти в городе и работу общественного транспорта (по 1%). При этом каждый седьмой сокольчанин считает актуальными экологические проблемы, т. к. в Соколе работает ряд предприятий, загрязняющих окружающую среду: ПАО «Сокольский ЦБК», ЗАО «Солдек», ОАО «Сокольский ДОК», ООО «Сухонский КБК». Из экологических проблем, которые их волнуют больше всего, жители г. Сокола выделили проблему утилизации отходов (59%),

чистоту воды (58%) и загрязнение воздуха (55%). Каждого третьего респондента волнует состояние лесов, окружающих город (33%), чистота рек и озер (29%). Также среди экологических проблем назывались озеленение города (15%) и сохранение животного мира (7%).

«...предприятия работать стали меньше. Экология стала лучше. Потому что предприятия работают не на полную силу. Если бы заводы работали, что Сухонский, что Сокольский, Солдек, как раньше, мы бы еще больше задыхались».
«Люди, когда работали сокольские предприятия на полную мощность, все вылилось в болезни. И в отвратительной медицине».

Резюмируя распределение ответов на вопросы, касающиеся образа города, необходимо отметить, что в наибольшей степени социокультурная идентичность жителей проявляется по признаку возраста и рода занятий, а не по территориальному, имущественному или политическому признаку. Наиболее высоким уровнем межличностного доверия сокольчан пользуются члены их семей. Значительно больше респонденты доверяют коллегам по работе, чем соседям по дому. Более трети жителей г. Сокола доверяют руководству своей организации, что значительно выше среднеобластного уровня.

При рассмотрении оценок населения г. Сокола относительно своего жизненного уровня, условий жизни, повседневных проблем выявлено, что каждый третий сокольчанин характеризует свой жизненный уровень ниже среднего, а половина респондентов считают, что живут «вполне сносно». Лишь каждый 14-й сокольчанин живет «в полном достатке».

Болевыми точками городского пространства, по мнению сокольчан, остаются доступность и качество медицинского обслуживания и возможность в полной мере удовлетворять культурные запросы.

Анализ оценок респондентов об экономическом положении города и его перспек-

тивах показывает распространение негативных суждений (каждый второй житель г. Сокола). Каждый третий полагает, что за последние 10–12 лет экономическое положение в данном населенном пункте ухудшилось.

Оценка будущего и перспектив развития города

Жители города различаются по восприятию будущего и своим настроениям в отношении него (табл. 9).

Таблица 9. Субъективные оценки будущих жизненных перспектив населения г. Сокола, % от числа опрошенных

Вопрос / вариант ответа	%
С каким настроением Вы смотрите в будущее?	
С уверенностью и оптимизмом	15,6
С надеждой и без особой тревоги	21,0
С надеждой и тревогой в равной степени	36,4
С тревогой и неуверенностью	16,4
С безысходностью и отчаянием	5,0
Затрудняюсь ответить	5,6
Всего	100,0

У трети населения будущее вызывает позитивные чувства. Среди них 16% респондентов с уверенностью и оптимизмом смотрят в будущее, 21% – с надеждой и без особой тревоги. Треть населения (36%) испытывают смешанные чувства – одновременно и тревогу, и надежду. Негативные чувства по отношению к будущему выражает каждый четвертый житель города. Их спектр – от тревоги и неуверенности (16%) до безысходности и отчаяния (5%).

Одним из основных факторов, влияющих на уверенность в завтрашнем дне, является угроза потери работы. Среди тех, кто работает, чуть меньше половины респондентов (45%) считают, что не потеряют работу в ближайшее время. Другая половина респондентов заявляет о возможностях потери работы, при этом они по-разному оценивают шансы найти новую работу. Считают, что сравнительно легко найдут другую работу по той же профессии, специальности, 17% жителей го-

рода. О сложностях поиска новой работы говорят 29% респондентов, причем 5% из них считают, что сделать это будет практически невозможно.

Известно, что г. Сокол, как множество моногородов, в настоящее время переживает определенные трудности.

Мнения сокольчан по поводу решения проблем моногородов распределились между двумя противоположными вариантами (табл. 10): большинство горожан считает, что необходимо развивать в городе различные производства и услуги, уйти от узкой специализации (48%), при этом почти каждый третий житель Сокола настаивает на том, чтобы сохранить статус моногорода, для чего необходимо модернизировать главное предприятие, сделать его конкурентоспособным.

Таблица 10. Оценка вариантов решения проблем моногорода Сокола по мнениям горожан, % от числа опрошенных

Вариант ответа	%
Развивать в городе различные производства и услуги, уйти от узкой специализации города	48,4
Модernизировать главное предприятие города, сделать его конкурентоспособным	32,6
Переселить жителей города в те регионы, в которых требуются работники	1,4
«Затянуть пояса» и дождаться окончания кризиса	2,0
Другое	0,4
Затрудняюсь ответить	15,2
Всего	100,0

Несмотря на то что Сокол как город, имеющий градообразующее предприятие, переживает сейчас нелегкие времена и имеет множество нерешенных пока проблем в сфере ЖКХ, здравоохранения, занятости и трудоустройства, социальное настроение населения достаточно оптимистично. Более трети жителей города (37%) смотрят в будущее с уверенностью и оптимизмом (16%) или с надеждой и без особой тревоги (21%). Отрицательные эмоции испытывают 21% горожан, при этом крайне негативные – только 5%.

Таким образом, ожидания населения относительно ближайших перспектив развития города разделились практически пополам. 38% сокольчан надеются на благоприятные изменения обстановки в городе и рассчитывают на улучшение условий жизни в перспективе. Половина горожан считают необходимым уйти от узкой специализации города, а треть – настаивает на сохранении статуса моногорода и развитии градообразующего предприятия.

Миграционные настроения

Лишь 9% сокольчан в той или иной степени рассматривают возможность своего переезда из города (из них только 2% имеют на этот счет конкретные планы). Подавляющее большинство населения (82%) не собирается менять место жительства (табл. 11).

Таблица 11. Готовность респондентов к смене места жительства

Вопрос / вариант ответа	%
В будущем Вы допускаете для себя, своей семьи переезд в другой регион или страну?*	
Да, уже есть конкретные планы на этот счет	2,0
Скорее да, рассматриваю возможности для этого	6,6
Возможно, но подробно еще не думал(а) об этом	14,6
Скорее нет	31,0
Точно нет	36,4
Трудно сказать, не скажу	9,4
С какой целью Вы собираетесь сменить место жительства?***	
Переезд вместе с соотечественниками, земляками	–
Работать	30,2
Заниматься предпринимательством	2,3
Учиться	7,0
К близким, родственникам, супругам	7,0
Вложить средства в недвижимость	4,7
Хочу найти лучшие условия жизни	51,2
Здесь небезопасно	–
Здесь нет работы, невыгодно заниматься бизнесом, все уезжают	9,3
Есть возможность переехать организованно – по программе переселения, набора кадров, репатриации и пр.	–
Хочу жить в определенном месте – стране, городе, климате и т. п.	4,7
Всего	100,0
* В % от числа опрошенных.	
*** В % от тех, кто планирует переехать или рассматривает возможности для переезда.	

В то же время следует отметить, что главным мотивом, побуждающим к переезду, является поиск «лучших условий жизни» (51%); второй по распространенности мотив – «поиск работы» (30%). Эти моменты требуют дополнительного, более углубленного изучения (особенно среди людей, собирающихся уехать за пределы города на постоянное место жительства). Как показали результаты ответов на открытые вопросы, половина людей (из числа тех, кто собирается уехать) рассматривают вариант нового места жительства в пределах области (чаще всего это город Вологда – 15 человек из 36); некоторые собираются уехать в Санкт-Петербург (10 чел.).

Резюмируя, необходимо отметить, что главным мотивом, побуждающим к переезду, является поиск лучших условий жизни и работы.

Таким образом, анализ локальной идентичности жителей моногорода Сокола показывает, что он характеризуется высоким уровнем укорененности населения и положительным образом города в сознании сокольчан. В данном образе присутствует и проблемное ядро в виде социально-экономических трудностей (невысокий жизненный уровень большинства населения, реальная и потенциальная безработица, низкое качество медицин-

ских, образовательных и культурных услуг). Особо важно подчеркнуть превалирование в сознании населения связи город-предприятие, причем эта связь носит противоречивый характер. С одной стороны, ожидание возврата былого производственного могущества предприятия, «чтобы цеха работали на полную мощность» (в основном это связано с ностальгическими настроениями по советской стабильности), с другой стороны, уход от монопрофильности считается населением эффективной стратегией развития города. Можно предположить, что представления о необходимости диверсификации экономики – это своего рода воспроизводство медийного дискурса о возможных альтернативах развития города, а в самом Соколе давно сложились практики выживания в виде стихийных агломераций с близлежащими региональными центрами: Вологдой, Череповцом, где маятниковая миграция приобретает все большее значение в трудовой и культурной жизни населения. Вопрос об устойчивости образа город-предприятие – это еще и вопрос возрастного восприятия, диспропорции в возрастной структуре моногорода Сокола в сторону старших групп населения, так или иначе заставших Советский Союз, что накладывает свой отпечаток на образ города в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Монопрофильные города и градообразующие предприятия: обз. докл. / под ред. И.В. Липсица. М.: Хроникер, 2000. 256 с.
2. Пути активизации социально-экономического развития монопрофильных городов России / под ред. Г.Ю. Кузнецовой, В.Я. Любовного. М.: МОНФ, 2004. 217 с.
3. Об изменениях, которые вносятся в перечень монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов): распоряж. Правительства РФ от 16 апреля 2015 г. № 668-р.
4. Обзор российских моногородов: аналит. докл. ИКСИ. URL: <https://icss.ru/vokrug-statistiki/obzor-rossijskix-monogorodov> (дата обращения 01.10.2019).
5. Разумова И.А. Исследование города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 148–156. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2010_12 (дата обращения 01.10.2019).
6. Дзякович Е.В. Локальные идентичности в контексте социокультурной динамики российских регионов: дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01; Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М., 2011. 326 с.
7. Глазычев В.Л. Политическая экономия города. М.: Дело АНХ, 2009. 192 с.

8. Горнова Г.В., Мирошникова О.В. Объективация идеальной стороны городского бытия в экзистенциальной парадигме города // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 4. С. 315–322.
9. Gilbert A. The idea of the region. *Geography*, 1960, vol. 45, no. 3, pp. 157–175.
10. Gilbert A. The new regional geography in English and new-speaking countries. *Progress in Human Geography*, 1988, no. 12, pp. 208–228.
11. Дягилева Н.С. Теоретические основания городской идентичности // *Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы*. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59.
12. Дягилева Н.С., Журавлева Л.А. Городская идентичность: понятие, структура, основы // *Социология города*. 2012. № 1. С. 46–61.
13. Ingold T. *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London: Routledge, 2000. 465 p.
14. Ingold T. The Temporality of the Landscape. *World archaeology*, 1993, vol. 25, no. 2, pp. 152–174.
15. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // *Социологическое обозрение*. 2010. Т. 9. № 3. С. 26–50.
16. Замятин Д.Н. *Культура и пространство. Моделирование географических образов*. М.: Знак, 2006. 488 с.
17. Замятина Н.Ю. Социальная лесотундра: географическая подвижность как элемент семейных траекторий жителей северных городов (на примере Норильска и Дудинки) // *Неприкосновенный запас*. 2014. № 5 (97). С. 198–208.
18. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и институты: российская специфика // *Регион. исслед.* 2010. № 2 (28). С. 3–14.
19. Крылов М.П. Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере Европейской России) // *Логос*. 2005. № 1 (46). С. 275–289.
20. Линч К. *Образ города* / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
21. Панарин С.А. Вместо послесловия: двенадцать тезисов о региональной идентичности // *В поисках России: серия публикаций и дискуссий об идентичности*. Т. 3. Восточная Россия – Дальний Восток / сост. и отв. ред. С.А. Панарин. СПб.: Интерсоцис, 2011. С. 206–243.
22. Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. С.П. Баньковской // *Социол. обозрение*. 2002. Т. 2. № 3. С. 3–12.
23. Парк Р. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / пер. В. Николаева // *Социол. обозрение*. 2006. Т. 5. № 1. С. 11–18.
24. Proshansky H.M., Fabian A.K., Kaminoff R. Place identity: physical world socialization of the self. *Journal of Environmental Psychology*, 1983, no. 3.
25. Верлен Б. Общество, действие и пространство. Альтернативная социальная география / пер. с англ. С.П. Баньковской // *Социол. обозрение*. 2001. № 1 (2). С. 26–47.
26. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А.В. Михайлова; вступ. ст. В.А. Куренного. 2-е изд. М.: Академический проект, 2009. 496 с.
27. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Наука, 1999. 245 с.
28. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга (Сер. «Au Puga. Французская коллекция»), 2004. 416 с.
29. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления, интервью / пер. с фр. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. 384 с.
30. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом*. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 486 с.

31. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997. 452 с.
32. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 197–202.
33. Колосов В.А. Территориальная идентичность и межэтнические отношения: на примере восточных районов Ставропольского края // Полис. 2001. № 2. С. 61–72.
34. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социол. исслед. 1998. № 4. С. 94–98.
35. Крупкин П.Л. Россия и современность. Проблемы совмещения: опыт рационального осмысления. М.: Флинта: Наука, 2010. 568 с.
36. Измоденова Н.Н. Социальная идентичность молодежи Мурманской области // Тр. Кольск. науч. центра РАН. Гуманит. исслед. 2018. № 2 (9). Вып. 13. С. 52–58.
37. Горшков М.К., Тихонова Н.Е. «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социол. исслед. 2012. № 12. С. 3–11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Владимировна Недосека – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт Российской академии наук – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14; e-mail: nedelena@socinst.ru

Nedoseka E.V.

LOCAL IDENTITY OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS' POPULATION (CASE STUDY OF THE TOWN OF SOKOL)

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of local identity of the single-industry towns' urban community. The proposed structural model of local identity includes the following components: the city image, the city's future and development prospects assessment and the residents' migration intentions. The characteristics of local identity of the urban community of the town of Sokol, the Vologda Oblast, based on the results of a sociological research (group interviews and a questionnaire surveys) is presented in the work as a case study. The empirical base of the study included group interviews with local residents conducted in August 2018; the data of sociological survey "Socio-structural effects of civilizational changes of the Russian society" organized on the territory of the town of Sokol in the Vologda Oblast in October 2018. Method of measurement is the survey by place of the respondents' residence. The volume of sample is 500 people aged 18 years and older. Sampling error does not exceed 3%. The representativeness of sociological information was provided by using a multi-stage sample with quota selection of observation units by sex and age composition of the population; random respondents' selection by the interviewers according to set quotas. The results of the study established differences between cognitive and behavioral components of the local identity of the urban community of the town of Sokol indicating the predominance of the image of a Soviet city model in the minds of the residents which is closely associated with the activity profile of the enterprise, but does not coincide with the actual employment practices and satisfaction of social and cultural needs. The changes having occurred in recent decades have made significant adjustments to the identity of single-industry

towns' residents; the periphery became a local curse and is associated with remoteness, backwardness and stagnation; the proletarian identity has lost all social significance and prestige and the life-affirming image of a specialized enterprise has transformed into a corporate identity with a clearly recognizable corporate culture of business structures which are far from specific territorial references.

Local identity, single-industry town, the town of Sokol.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Nedoseka – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – Branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. 25/14, 7 Krasnoarmeyskaya Street, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: nedelena@socinst.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.9

УДК 332.122 (574) | ББК 65.04

© Альжанова Ф.Г., Нурланова Н.К., Днишев Ф.М.

ОЦЕНКА УРОВНЯ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА

ФАРИДА ГАЗИЗОВНА АЛЬЖАНОВА

Институт экономики Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29
E-mail: farida.alzhanova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7451-7470; ResearcherID: X-7146-2019

НАИЛЯ КАПЕНОВНА НУРЛАНОВА

Институт экономики Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29
E-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4210-3783; ResearcherID: N-9394-2016

ФАРХАТ МУСАЕВИЧ ДНИШЕВ

Институт экономики Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан
Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29
E-mail: dfm0704@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2196-0441; ResearcherID: X-7162-2019

Для того чтобы развиваться в русле современных тенденций мировой технологической революции, цифровизации всех отраслей и сфер экономической деятельности, в Казахстане необходимы коренные преобразования экономики и общества в рамках модернизационной парадигмы. Между тем, значительное региональное неравенство социально-экономического и научно-технического развития в стране, отсутствие однозначной оценки достигнутого уровня процессов модернизации в регионах Казахстана затрудняют выбор стратегии и механизмов их дальнейшего продвижения в соответствии с трендами «Индустрии 4.0». Цель работы – оценка уровня модернизации регионов Казахстана и обоснование приоритетных на-

Для цитирования: Альжанова Ф.Г., Нурланова Н.К., Днишев Ф.М. Оценка уровня и приоритетные направления модернизации регионов Казахстана // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 124–141. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.9

For citation: Al'zhanova F.G., Nurlanova N.K., Dnyshev F.M. Assessment of level and priority guidelines of Kazakhstan regions' modernization. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 124–141. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.9

правлений и механизмов модернизационных преобразований по типам регионов. Для достижения цели были решены следующие задачи: изучены основные постулаты теории модернизации; исследованы и адаптированы к условиям Казахстана методы количественной оценки ее уровня, осуществлена оценка степени завершенности модернизации регионов Казахстана и дана их типология по этому признаку; обоснованы приоритеты и механизмы модернизационных преобразований по типам регионов. Были использованы методы сравнения и аналогий, системного подхода, статистического анализа, ранжирования и типологии. Адаптирован к казахстанским условиям и применен инструментарий китайских исследователей для измерения степени завершенности модернизации. В статье использованы официальная информация Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан (РК) и разработки авторов. Результатом проведенного научного исследования являются: методологические рекомендации по оценке степени завершенности процессов модернизации, разработка типологии регионов по этому признаку и научно обоснованные предложения для региональных органов власти по выбору стратегии модернизации и механизмов ее реализации в зависимости от типов регионов Казахстана. Статья подготовлена по результатам исследований по гранту № AP05130845 и научной программы № BR05236639 Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Модернизация, регион, экономика, общество, стратегия, механизмы, Казахстан.

Введение

Основная идея статьи состоит в разработке типологии регионов Казахстана в зависимости от выявленных особенностей и достигнутых фаз модернизации и обосновании стратегии и механизмов их завершения по типам регионов.

Глобальные вызовы современности, развитие «Индустрии 4.0» во многих странах вызывают необходимость модернизации экономики и общества. В мире появляются принципиально новые возможности для будущего устойчивого развития. Благодаря развитию информационных технологий и глобальных коммуникаций сокращаются расстояния, устраняются многие барьеры на пути экономического роста стран. Неоднозначная направленность мировой экономической динамики вынуждает государства задуматься о выборе собственной стратегии модернизации, поэтому в последние годы исследователи уделяют особое внимание сравнительной оценке предпосылок и возможностей для осуществления модернизационных процессов в каждой конкретной стране.

Казахстану также требуется поиск собственного варианта модернизации, который позволил бы придать современный об-

лик национальной экономике, максимально задействовать имеющиеся факторы роста (природно-ресурсные, научно-технические и человеческие) и обеспечить развитие социальной сферы. При этом для таких стран, как Россия и Казахстан, с обширной территорией, значительными региональными особенностями, выбор направлений и методов модернизации экономики и социальной сферы предполагает проведение сравнительного анализа достигнутого уровня модернизации по регионам. Все это определяет актуальность предмета исследования статьи.

Целью данного исследования явилась оценка уровня модернизации регионов Казахстана и обоснование приоритетных направлений и механизмов модернизационных преобразований по типам регионов. В статье решались следующие задачи: обобщить теоретические воззрения на процессы модернизации; изучить методы количественной оценки их уровня, адаптировать их к условиям Казахстана и применить на практике; дать типологию регионов страны по этому признаку; обосновать приоритеты и методы модернизационных преобразований по типам регионов.

Новизна и оригинальность настоящего исследования, в отличие от существующих

работ в области анализа процессов преобразования экономики и социальной сферы, заключается в адаптации и применении существующих в мировой практике методов измерения уровня модернизации в казахстанских условиях, в разработке типологии регионов Казахстана в зависимости от достигнутых фаз модернизации и обоснования возможных приоритетных направлений и механизмов их завершения, дифференцированных по типам регионов. При этом методологический подход к оценке уровня модернизации экономики и общества использовался не на страновом уровне, как это предлагают китайские ученые, а применительно к регионам Казахстана.

Практическая значимость статьи заключается в возможности использования предлагаемой в ней методологии, выявленной типологии регионов, приоритетов и механизмов их реализации при корректировке планов регионального развития акиматами Казахстана. Основные положения статьи могут представлять интерес для исследователей и применяться в учебном процессе вузов.

Теоретические воззрения на процессы модернизации

Существует много различных точек зрения на процессы модернизации. В исследованиях модернизации широкое распространение получила модель «летающих гусей», или модель догоняющей модернизации [1]. В соответствии с догоняющей стратегией страны, вступившие на путь прогрессивных структурно-технологических преобразований, проходят ряд последовательных ступеней: добыча и переработка сырья, затем производство материалоемких и трудоемких товаров, за которым следуют капиталоемкие товары, затем техноемкие и наукоемкие и, наконец, исследования и разработки.

Многие ученые рассматривают сущность модернизации как прогрессивный процесс экономических, социальных, технологических, структурных и институциональных преобразований, существенно расширяющий потенциал будущего развития страны.

К примеру, Е. Ясин [2, с. 5] под модернизацией понимает работу по преодолению накопленного отставания с усвоением лучших образцов.

Выделяют разные типы модернизации, например, очаговую модернизацию, т. е. модернизацию, происходящую в отдельных частях хозяйства, или локальную, затрагивающую лишь отдельные территории страны [3]. К неэффективным типам модернизации можно отнести спонтанную модернизацию, когда инвестиции вкладываются в разные фрагменты, сектора экономики без достаточного обоснования.

Некоторые авторы рассматривают теорию модернизации с позиции влияния идеологических и социально-политических факторов. Модернизация общества трактуется ими достаточно широко – как глубокое обновление социально-экономических, политических, культурно-духовных основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований [4, с. 184]. В частности, модернизация общества, по их мнению, предполагает совершенствование социокультурных форм жизнедеятельности и их обогащение новыми формами, что позволяет избежать недостатков догоняющей модернизации [5].

Р. Кутер рассматривает вопросы модернизации рынка с точки зрения совершенствования нормативно-правовых основ его регулирования [6].

Исследования Д. Аджемоглу, Дж. Робинсона и С. Джонсона посвящены доказательствам гипотезы о наличии причинно-следственной связи между доходом и демократией, обусловленности экономического успеха стран от институтов. Иначе говоря, под процессами модернизации эти авторы понимают политико-экономические и институциональные преобразования, которые могут привести как к процветанию и развитию демократии в стране, так и к увеличению бедности, нарастанию коррупционных или экстремистских тенденций. Авторы выделяют два типа институтов – инклюзивные и экстрактивные. Если инклюзивные институты способствуют росту и процветанию,

то экстрактивные направлены на то, что ресурсы одной части общества используются в интересах другой части [7; 8].

Долгое время модернизацию в литературе отождествляли с индустриализацией, поскольку она берет начало еще в конце XVII века с Первой промышленной революции [9]. Считалось, что страны, в которых сформировано индустриальное общество, завершили процесс модернизации. Так, например, И.В. Побережников, уделяя особое внимание теории вопроса модернизационных преобразований, рассматривает ее через призму теории эволюции. Другими словами, он характеризует модернизацию как непрерывный, поступательный процесс, направленный на прогрессивные изменения. Он полагает, что модернизация – это процесс перехода от традиционного аграрного уклада к современному индустриальному, в конечном счете неизбежный для любой страны, хотя и признает существование ее разновидностей [10].

Однако, на наш взгляд, в современных условиях глобальной революции «Индустрия 4.0», когда выросло значение новых факторов экономического роста, прежде всего знаний, и усилились различия в условиях и качестве жизни населения в мире в целом и в отдельных странах, процессы модернизации меняют свой характер. Поэтому данное понятие следует рассматривать гораздо шире, чем изменение производства и общественных отношений, связанных с индустриализацией. В условиях усиления трендов цифровизации экономики, повышения мобильности факторов экономического роста различия между этими процессами становятся все более значимыми.

Признавая этот факт, И.В. Побережников отмечает некоторые признаки неомодернизационных процессов, к которым он относит их многолинейность, возможность перерывов в развитии, влияние нетрадиционных факторов, усиление роли человека [10, с. 93–94].

Другой российский исследователь рассматривает модернизацию как многозначный процесс масштабных, цивилизационных изменений, охватывающих преобразо-

вания не только в политике, экономике, обществе, культуре, но и во всестороннем развитии личности, охране окружающей среды. По его мнению, этот процесс присущ многим развитым и развивающимся странам и обусловлен новыми потребностями общества и человека в меняющейся среде. На основании анализа количественных оценок стадий модернизации в каждой стране делается вывод об асинхронности и неравномерности процессов модернизации и, соответственно, различиях в их стратегии [11]. Этот вывод особенно важен для региональных исследований, т. к. применим для определения стадий, этапов или фаз модернизации в пространственном ракурсе одной страны, что особенно важно для Казахстана. Указанное исследование, таким образом, отличается глобальным подходом к процессу модернизации и обоснованием необходимости реализации модели «зеленой» индустриализации и «зеленой» урбанизации, что, в частности, для развивающихся стран позволит снизить экологические риски в процессе модернизации.

С 2001 года Центр исследования модернизации Китайской академии наук проводит постоянные исследования и обзоры модернизации. Они охватывают процессы развития 131 страны с 97% населения Земли за 400 лет (с 1700 по 2100), в том числе России и Казахстана [12; 13]. У данной методологии есть ряд преимуществ.

Во-первых, методология оценки уровня модернизации приемлема не только на страновом уровне, но и на региональном, что применимо для Казахстана. Во-вторых, в данном исследовании рассматриваются основные составляющие модернизации и предлагается комплексный подход к оценке этапов ее осуществления. В частности, к основным составляющим процесса модернизации относятся экономические, социальные, политические процессы, развитие человеческих ресурсов, культуры, экологии. В-третьих, авторы учитывают важные особенности модернизации Китая, что имеет практическое значение при разработке стратегических направлений модернизации

экономики и социальной сферы по типам регионов Казахстана. Так, в качестве важных особенностей модернизации Китая рассматриваются такие как догоняющий тип; целенаправленность, последовательность и целостный подход; соответствие основным мировым трендам модернизации и охват образования и инноваций; неустойчивость и неоднозначная направленность; сложность модернизации страны с наибольшей численностью населения в мире и недостаточной обеспеченностью материальными ресурсами; необходимость обязательного учета неравенства отдельных территорий страны и культурного разнообразия; необходимость в последовательной корректировке политических и стратегических целей развития страны [14].

Н.И. Лапин, развивая основные положения теории китайских исследователей, отмечает, что модернизация – это комплексный процесс глубинных изменений цивилизационного характера [15; 16]. Он считает, что в России необходимо проведение так называемой интегрированной модернизации, включающей процессы преобразований в трех основных направлениях: технико-технологическое, социоэкономическое и социокультурное. Под технико-технологической модернизацией им подразумевается переход экономики к более высокому технологическому укладу. Социоэкономические преобразования, на его взгляд, это прогрессивные структурные изменения в экономике, т. е. снижение доли первичного сектора, рост доли индустриальных отраслей и постепенное возрастание доли третичного сектора, включая создание новых знаний, их передачу и использование. Социокультурной модернизации придается особое значение, подчеркивается необходимость повышения уровня и качества жизни людей, развития науки, образования, здравоохранения для обеспечения таких ценностей, как личность человека, его права и свободы, демократизация общества. Все перечисленные составляющие в совокупности представляют интегрированную модернизацию [17]. Для государства, осуществляющего модерниза-

ционные преобразования, с точки зрения Н.И. Лапина, необходима синхронизация усилий и средств на развитии всех трех составляющих модернизации во всех регионах страны. Другими словами, необходимо одновременное осуществление всех составляющих процесса модернизации, причем их соотношение может различаться в разных регионах в зависимости от стадий и фаз модернизации, в которых они находятся.

На наш взгляд, в случае, если речь идет о модернизации всех сфер экономической деятельности и общества страны, это должна быть не очаговая, спонтанная, локальная или мозаичная модернизация, а системная модернизация, охватывающая все уровни и сектора экономики, подразумевающая комплексные прогрессивные преобразования в социально-экономической, структурно-технологической и институциональной сферах [18].

Под системной модернизацией понимаются структурные, технологические и институциональные изменения в национальной экономике и обществе, направленные на повышение ее глобальной конкурентоспособности, то есть подход к модернизации должен носить комплексный характер. При этом можно выделить следующие основные направления проведения модернизации казахстанской экономики.

Социально-экономическая модернизация предполагает построение социально ориентированной экономики, формирование новой социальной структуры и эффективной модели развития человеческого потенциала, создание условий для здоровой и продуктивной жизни человека, увеличение доступности образования, повышение социальной защищенности в соответствии с международными стандартами. Экономическая модернизация подразумевает дальнейшее совершенствование базовых принципов организации экономики (развитие конкурентной среды, поощрение предпринимательской инициативы, деbüroкратизация экономики и т. д.), структурные преобразования, направленные на приближение казахстанской экономики к стандартам, характерным

для развитых индустриальных стран (диверсификация, повышение в ВВП доли отраслей с высокой добавленной стоимостью, усиление инновационной направленности). Символом экономической модернизации настоящего времени можно назвать «экономику знаний».

Важной составной частью системной модернизации экономики является институциональная модернизация. Она предполагает два основных уровня реализации – формирование новых для Казахстана институтов развитой рыночной экономики и развитие уже имеющихся институтов с повышением их роли в хозяйственном комплексе до уровня, адекватного современным условиям глобализации. Индустриально-технологическая модернизация требует решения задач по повышению технологического уровня отечественной экономики и ее цифровизации: увеличение доли производств высоких переделов в ВВП, развитие высокотехнологичных производств и услуг «экономики знаний», внедрение новых наукоемких и «чистых» технологий, повышение энергоэффективности производства и развитие возобновляемых источников энергии, рост производительности труда, оживление инвестиционной активности.

Результатом модернизации казахстанской экономики и общества должно стать создание внутренних условий, способствующих совершению перехода к инновационной экономике, росту конкурентоспособности страны и повышению качества жизни населения. Для определения перспективных направлений процессов модернизации необходима оценка ее уровня, достигнутого на сегодняшний день.

Методология оценки уровня модернизации

Наиболее приемлемой и максимально полно отражающей степень достижения всех составляющих модернизации, включая пространственный ракурс, является методология оценки первичной и вторичной модернизации, предложенная Центром исследования модернизации Китайской академии

наук [13]. Достоинство этой методологии, принятой нами в качестве базовой, состоит в том, что она позволяет оценить разрыв между уровнями модернизации в разных странах и в разрезе регионов отдельной страны.

Оценка первичной и вторичной модернизации осуществляется на основе сравнения со стандартными (базовыми) показателями. При расчете индекса первичной модернизации в качестве стандарта используются показатели развитых стран, достигнутые ими в 1960 году, а для индекса вторичной модернизации ориентиром является современный уровень развитых стран. Общие подходы к оценке подробно описаны в источнике [13]. Индикаторы оценки, стандартные значения, сигнальные индикаторы с учетом дополненных авторами представлены на *рис. 1*.

В данном исследовании в качестве стандарта для оценки вторичной модернизации были приняты показатели развитых стран за 2006 год. Это обусловлено следующими причинами. Во-первых, к 2006 году порядка 20 стран мира достигли высокого уровня развития вторичной модернизации со значениями индексов вторичной модернизации свыше 80. Во-вторых, согласно оценкам Доклада о модернизации в мире и Китае, в 2006 году Казахстан отнесен к группе предварительно развитых стран, завершивших первичную модернизацию [19, с. 54]. В-третьих, с 2006 года в Казахстане началась подготовка условий для перехода к сервисно-технологической экономике. В-четвертых, для таких развивающихся стран, как Казахстан, проводить сравнение на региональном уровне, ориентируясь на показатели развитых стран за последний год, некорректно.

Для адаптации базовой методологии к условиям Казахстана при оценке качества экономики нами дополнительно введен показатель доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства, что обусловлено необходимостью учета специфики индустриальных процессов в Казахстане. Таким образом, была использована модифицированная методология на основе системы из 15 показателей.

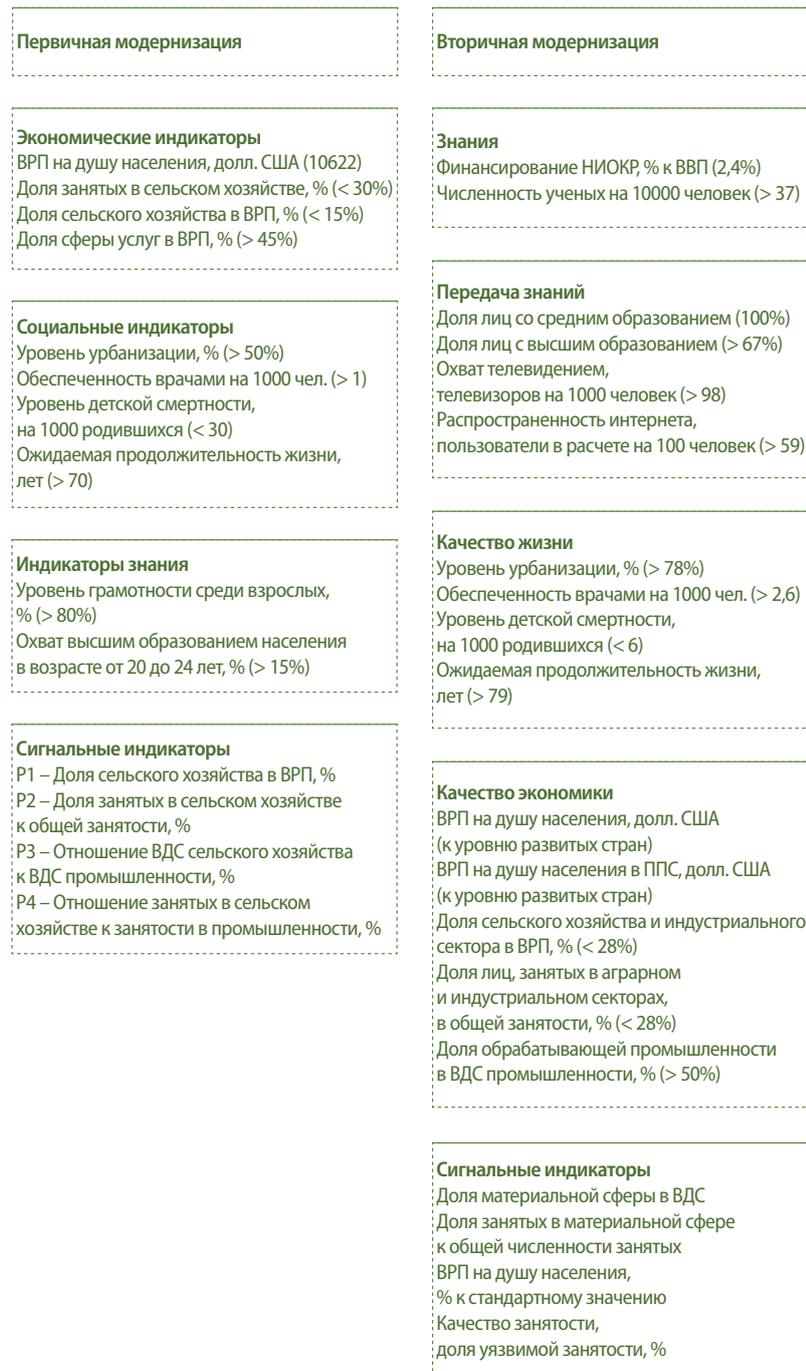

Рис. 1. Индикаторы оценки первичной и вторичной модернизации

При этом учитывалось, что в Казахстане, как и во многих странах, процессы вторичной модернизации зарождаются еще в ходе процесса первичной модернизации и протекают практически параллельно.

По нашему мнению, для фазовой оценки вторичной модернизации использования только двух показателей, предложенных

в базовой методологии в качестве сигнальных, недостаточно. Региональный анализ структуры промышленности и занятости показал формальность этих признаков.

Например, Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН в качестве сигнальных индикаторов вторичной модернизации регионов

России дополнительно рассматриваются доля затрат на НИОКР в ВРП и доля инновационных товаров и услуг [20].

Нами предложено дополнить фазовую оценку вторичной модернизации другими двумя сигнальными индикаторами: показателем ВРП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС), который отражает уровень экономического развития страны и ее регионов; показателем качества занятости, который характеризует степень распространения неустойчивой и уязвимой занятости в регионах.

Использование двух дополнительных показателей, по нашему мнению, позволяет дать более точную фазовую оценку вторичной модернизации в региональном разрезе страны.

Оценка степени завершенности модернизации в регионах Казахстана

С использованием данного методологического подхода были рассчитаны реальные величины оценочных индикаторов по регионам Казахстана за 2017 год, на их основе определены средние значения и осуществлено их сравнение с принятыми стандартами. В результате получена полная картина степени завершенности первичной модернизации в регионах страны (табл. 1).

Приведенные в таблице 1 данные характеризуют фазовую оценку первичной модернизации Казахстана и свидетельствуют о том, что он в целом не только достиг того же уровня, что и развитые страны на момент завершения ими первичной модернизации (1960 год), но и превзошел его, причем по ряду позиций в несколько раз.

Вместе с тем в разрезе регионов ситуация не столь однозначна. Так, первичную модернизацию полностью завершили города Нур-Султан и Алматы. Очень близки к завершению первичной модернизации еще шесть регионов: Актюбинская, Атырауская, Западно-Казахстанская и Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области. Как видно, три из них являются старопромышленными регионами,

три другие относятся к регионам интенсивного освоения природных ресурсов. Однако для Западно-Казахстанской и Атырауской областей характерен один из самых низких в стране показателей развития сферы услуг, отстают они и по уровню урбанизации, что не позволяет им рассчитывать на статус регионов, завершивших первичную модернизацию. Старопромышленные регионы (Восточно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области) сдерживает относительно низкий уровень подшевного валового регионального продукта (ВРП), по этой позиции также отстает Актюбинская область.

Средние позиции по индексу первичной модернизации у четырех областей. Это разнородная группа регионов преимущественно аграрной специализации (Акмолинская и Костанайская области) и интенсивного освоения сырьевых ресурсов (Мангистауская и Кызылординская области).

В этих регионах наблюдается пониженный уровень ВРП на душу населения, высокая доля занятых в сельском хозяйстве (как обратный показатель уровню индустриализации), а в Мангистауской области, к тому же, низкий уровень охвата молодежи высшим образованием.

Отстающими по степени завершенности первичной модернизации являются четыре региона аграрной специализации: Жамбылская, Алматинская, Южно-Казахстанская и Северо-Казахстанская области. Для этих регионов характерны самые низкие в стране показатели подшевного ВРП, самая высокая доля сельского хозяйства в структуре экономики и занятости, т. е. самый низкий уровень урбанизации.

Кроме того, в Алматинской области отмечается самый низкий уровень охвата молодежи обучением в вузах, однако здесь сказывается близость и влияние г. Алматы – крупнейшего образовательного центра страны.

Практически все регионы Казахстана завершили первичную модернизацию по числу врачей, уровню детской смертности, уровню грамотности и численности студентов. Исключение составляют Южно-Казахстанская область, которая не дотяги-

Таблица 1. Фазовая оценка и значения сигнальных индикаторов первичной модернизации

Регионы (области и города республиканского значения)	Доля занятых в промышленности в общей занятости, %	Доля промышленности в ВДС, %	Доля добавленной стоимости сельского хозяйства в ВРП, %	Доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общей занятости, %	Отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к добавленной стоимости в промышленной продукции	Соотношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности	Фазовая оценка P1	Фазовая оценка P2	Фазовая оценка P3	Фазовая оценка P4	Фазовая оценка первичной модернизации (PFM)	Фазы модернизации
			$5\% \geq P1 \geq 50\%$	$10\% \geq P2 \geq 80\%$	$0,2 \geq P3 \geq 5$	$0,2 \geq P4 \geq 5$	P1	P2	P3	P4	$PFM = (P1+P2+P3+P4)/4$	
Республика Казахстан	12,70	28,16	4,72	15,36	0,17	0,55	4	3	4	3	3,50	Фаза расцвета
Акмолинская	12,43	26,27	16,08	31,59	0,61	1,20	2	3	3	2	2,50	Фаза развития
Актюбинская	20,48	38,96	5,16	9,63	0,13	0,25	3	4	4	3	3,50	Фаза расцвета
Алматинская	8,23	23,16	15,25	24,50	0,66	1,06	2	3	3	2	2,50	Фаза развития
Атырауская	12,73	54,75	1,06	2,79	0,02	0,05	4	4	4	4	4,00	Переходная фаза
Западно-Казахстанская	9,40	53,04	3,84	22,75	0,07	0,43	4	3	4	3	3,50	Фаза расцвета
Жамбылская	8,65	18,43	11,12	28,87	0,60	1,57	3	3	3	2	2,75	Фаза развития
Карагандинская	26,25	48,15	3,87	4,81	0,08	0,10	4	4	4	4	4,00	Переходная фаза
Костанайская	12,55	25,48	13,25	31,34	0,52	1,23	3	3	3	2	2,75	Фаза развития
Кызылординская	11,56	39,10	3,91	9,17	0,10	0,23	4	4	4	3	3,75	Фаза расцвета
Мангистауская	27,98	54,58	0,51	0,76	0,01	0,01	4	4	4	4	4,00	Переходная фаза
Южно-Казахстанская	6,43	24,49	9,72	16,40	0,40	0,67	3	3	3	3	3,00	Фаза расцвета
Павлодарская	23,71	44,47	5,12	17,53	0,12	0,39	3	3	4	3	3,25	Фаза расцвета
Северо-Казахстанская	8,03	14,21	26,99	33,14	1,90	2,33	2	3	2	1	2,00	Фаза развития
Восточно-Казахстанская	16,17	35,51	9,11	15,34	0,26	0,43	3	3	3	3	3,00	Фаза расцвета
Г. Нур-Султан	7,16	4,99	0,09	0,39	0,02	0,08	4	4	4	4	4,00	Переходная фаза
Г. Алматы	8,58	4,75	0,04	0,28	0,01	0,06	4	4	4	4	4,00	Переходная фаза

Рассчитано по: данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

вают до стандартов по численности врачей на 10000 человек населения вследствие высокой плотности населения, Алматинская и Мангистауская области, отстающие по доле студентов вузов. Все остальные регионы превзошли стандарт развитых стран на момент завершения первичной модернизации в несколько раз.

Наибольшее влияние на степень завершенности первичной модернизации имеет показатель подушевого ВРП. В 2017 году только пять регионов Казахстана по этому показателю соответствовали стандарту, хотя еще в 2013 году таких регионов было 10. Здесь негативное влияние оказала сильная девальвация национальной валюты в 2015 году и ее дальнейшее продолжение.

Таким образом, на основании фазовой оценки первичной модернизации установлено, что пять регионов уже находятся в переходной к вторичной модернизации фазе.

Характеризуя в целом «карту» первичной модернизации Казахстана, можно выделить три группы регионов (рис. 2):

- лидеры (города Нур-Султан и Алматы, Атырауская, Мангистауская и Карагандинская области);
- преследователи (Актюбинская, Западно-Казахстанская, Кызылординская, Павлодарская, Южно-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области);
- отстающие в фазе развития (Акмолинская, Алматинская, Жамбылская, Костанайская и Северо-Казахстанская области).

Такая пространственная конфигурация первичной модернизации Казахстана сложилась под воздействием ряда факторов. С одной стороны, положительное влияние на этот процесс оказало использование «заделов», созданных в ходе реализации советского модернизационного проекта: формирование индустриальных центров, освоение целины, повышенное внимание к развитию здравоохранения и образования, особенно в части количественных показателей.

В то же время следует отметить и «издержки» советской модернизации, в частности недостаточный уровень урбанизации, что повлияло на отставание в области первичной модернизации аграрных регионов.

С другой стороны, сильное влияние на «модернизационный ландшафт» Казахстана и отдельных его регионов оказывают глобальные процессы. Под их воздействием формируется новая сервисная специализация городов Нур-Султан и Алматы, структура экономики и занятости которых приближается к постиндустриальному типу и параметрам, характерным для вторичной модернизации. Освоение глобальных энергетических рынков обеспечивает нефтедобывающим регионам (Атырауская, Мангистауская, Актюбинская, Западно-Казахстанская области) уровень ВРП, приближающийся к стандартам вторичной модернизации.

Эта группа регионов имеет наилучшие предпосылки для перехода к вторичной модернизации, включая новые принципы

Рис. 2. Регионы Казахстана по фазам первичной модернизации

Источник: составлено авторами.

инклюзивного развития и «умной» специализации.

Оценка вторичной модернизации базируется на использовании категории знания как главного фактора наукоемкой экономики. Расчеты четырех групп индексов за 2017 год по 15 показателям позволили определить общий индекс вторичной модернизации¹. В Казахстане итоговый индекс составил 66% от уровня развитых стран. По общему индексу вторичной модернизации лидируют города Нур-Султан и Алматы. Кроме них, единственным регионом, превосходящим среднереспубликанский показатель, является Восточно-Казахстанская область. Близки к ней Атырауская, Мангистауская, Актюбинская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Павлодарская области. Это сервисные, добывающие и индустриальные регионы, в которых создан относительно неплохой экономический потенциал для вторичной модернизации.

Особо следует отметить достижения в области условий для передачи знаний. Здесь Казахстан и его регионы находятся на уровне стандартов развитых стран, а по охвату интернетом уже превосходят стандартный уровень.

Однако в сфере создания новых знаний страна значительно отстает от базовых стандартов. Во всех регионах Казахстана, как и в целом по стране, показатели, характеризующие процесс создания знаний, очень низкие. По общему индексу знаний (КИ) все регионы, за исключением городов Нур-Султан и Алматы, Восточно-Казахстанской и Мангистауской области, не превосходят средний для страны уровень, который, в свою очередь, почти в 8 раз ниже стандартного базового показателя. Особенно критичной является ситуация с таким показателем, как доля затрат на науку в ВРП. Он ниже стандарта почти в 10 раз даже в ведущих научных центрах страны (города Нур-Султан, Алматы).

¹ Значения количественных показателей для оценки вторичной модернизации и расчетные индексы путем сравнения со стандартными значениями в настоящей статье не приведены в связи с ограничением ее объема.

Высока степень приближения к базовым стандартам по отдельным индикаторам, характеризующим качество жизни, а по показателю относительной численности врачей имеет место более чем полуторакратное превышение стандарта. Большинство регионов превосходят базовый стандарт по уровню развития медицины (обеспеченность врачами). Исключение составляют Алматинская, Карагандинская, Южно-Казахстанская области, где наблюдается самая высокая плотность населения. Во всех регионах достаточно неплохими являются показатели продолжительности жизни.

Хуже выглядит ситуация с качеством экономики, особенно по индикатору подушевого ВРП. На эту позицию отрицательно повлияла девальвация тенге в последние годы.

Все регионы превысили уровень базовых стандартов по распространению телевидения и интернета. Города Нур-Султан и Алматы уже превосходят средний стандарт развитых стран по охвату высшим образованием (доля студентов вузов среди населения в возрастной группе 20–24 года), близка к этому Западно-Казахстанская область. Остальные регионы, особенно Алматинская, Акмолинская, Мангистауская, Кызылординская и Северо-Казахстанская области, заметно отстают (показатель ниже стандарта более чем в 5 раз). Одной из причин такой ситуации является значительное снижение численности студентов вузов – с 775,8 тыс. до 496,2 тыс. человек за 2005–2017 гг., то есть на 40%, вследствие волнообразного характера демографических процессов, падений и спадов рождаемости населения в этот период.

В целом фазовая оценка вторичной модернизации показала, что Казахстан можно считать уже вошедшим в ее начальную фазу (табл. 2).

В подготовительной фазе находятся 8 регионов (Акмолинская, Алматинская, Западно-Казахстанская, Жамбылская, Костанайская, Кызылординская, Южно-Казахстанская и Северо-Казахстанская области). Это отстающие регионы аграрной и аграрно-индустриальной специали-

Таблица 2. Фазовая оценка вторичной модернизации и значения сигнальных индикаторов вторичной модернизации

Регионы (области и города республиканского значения)	Доля материальной сферы в ВДС, %	Доля занятых в материальной сфере к общей численности занятых, %	ВРП на душу населения, % к стандартному значению	Качество занятости, доля уязвимой занятости, %	P1	P2	P3	P4	Фазовое значение вторичной модернизации (PSM)	Фаза
	$40 \leq P1 \leq 20$	$40 \leq P1 \leq 20$	$120 \leq P3 \leq 80$	$45 \leq P3 \leq 15$					$PSM = \frac{\sum_{i=1}^4 P_i}{4}$	
Республика Казахстан	38,8	28,06	75,1	23,0	1	2	1	2	1,500	Начало
Акмолинская	49,9	44,0	49,8	32,4	0	0	0	1	0,250	Подготовка
Актюбинская	50,3	30,1	70,6	16,0	0	1	1	2	1,000	Начало
Алматинская	48,1	32,7	32,6	26,5	0	1	0	2	0,750	Подготовка
Атырауская	64,1	15,5	253,6	8,3	0	3	3	3	2,250	Рост
Западно-Казахстанская	61,4	32,1	90,4	35,1	0	1	1	1	0,750	Подготовка
Жамбылская	37,3	37,5	30,7	38,1	1	1	0	1	0,750	Подготовка
Карагандинская	55,6	31,1	75,5	6,8	0	1	1	3	1,250	Начало
Костанайская	43,7	43,9	49,8	30,9	0	0	0	1	0,250	Подготовка
Кызылординская	48,1	20,7	48,0	34,2	0	2	0	1	0,750	Подготовка
Мангистауская	60,8	28,7	106,2	5,3	0	2	2	3	1,750	Начало
Южно-Казахстанская	40,1	22,8	27,8	39,3	0	2	0	1	0,750	Подготовка
Павлодарская	56,4	41,2	77,4	14,6	0	0	1	3	1,000	Начало
Северо-Казахстанская	45,7	41,2	48,1	24,6	0	0	0	2	0,500	Подготовка
Восточно-Казахстанская	50,9	31,5	56,6	28,2	0	1	1	2	1,000	Начало
г. Нур-Султан	15,1	7,6	150,0	6,1	3	3	3	3	3,000	Зрелость
г. Алматы	7,3	8,9	166,5	6,8	3	3	3	3	3,000	Зрелость

Рассчитано по: данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

зации, с низким подушевым ВРП и высоким уровнем уязвимой и непродуктивной занятости.

Начали вторичную модернизацию (начальная фаза) 5 регионов – Актюбинская, Карагандинская, Мангистауская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области. Это добывающие и старопромышленные регионы – преследователи, или середняки.

Еще один добывающий регион – Атырауская область – продвинулся несколь-

ко дальше и уже находится в фазе роста вторичной модернизации. Города Нур-Султан и Алматы достигли фазы зрелости вторичной модернизации, утверждая себя в качестве лидеров и центров постиндустриальной, сервисной экономики.

Подводя итог анализу процессов модернизации в регионах Казахстана, следует отметить прежде всего ее неравномерный характер. Это объясняется действием ряда факторов.

Во-первых, в такой стране как Казахстан, с его значительной территорией и низкой плотностью населения, большинство социально-экономических процессов носит неравномерный характер и в пространстве, и во времени.

Во-вторых, сказываются позитивные результаты советского модернизационного проекта, равно как и его издержки: с одной стороны, индустриализация, подъем целины, достаточно высокий уровень образования населения и развития медицины; с другой – низкий уровень урбанизации, инфраструктурная необустроенность многих территорий.

В-третьих, проявляют себя новые тенденции, обусловленные вовлечением Казахстана в мировые процессы индустриализации и цифровизации, вследствие чего получили ускоренное развитие отдельные территории: это две «столицы» как центры притяжения финансовых потоков, человеческого капитала, сервисизации экономики и добывающие регионы как достаточно заметные игроки на мировых энергетических рынках.

Действительно, анализ показал, что ряд регионов завершил первичную модернизацию. Это регионы-лидеры: г. Нур-Султан, г. Алматы, Карагандинская и Павлодарская области. При этом два первых, где активно формируется экономика постиндустриального типа, уже продвинулись и по отдельным направлениям вторичной модернизации. Старопромышленные регионы, включая и несколько отставшую Восточно-Казахстанскую область, имеют наилучшие предпосылки для перехода ко вторичной модернизации.

Близки к завершению первичной модернизации регионы интенсивного освоения углеводородного сырья (Атырауская, Западно-Казахстанская, Актюбинская и Мангистауская области) и аграрные регионы (Акмолинская и Костанайская области). Объединяющим фактором служит их роль как достаточно крупных поставщиков на экспорт продукции отраслей специализации (нефти, газа и зерна). Это регионы-середняки.

Среди отставших регионов, где не достигнуты важные индикаторы первичной модернизации, находятся регионы преимущественно аграрной специализации или (и) регионы с высокой долей сельского населения.

Следует подчеркнуть, что во всех регионах, несмотря на разную степень завершенности, параллельно идут процессы и первичной, и вторичной модернизации.

В результате на условной карте вторичной модернизации можно выделить:

- два очага вторичной модернизации (регионы-лидеры – г. Нур-Султан и г. Алматы);
- Центрально-восточную зону расцвета первичной модернизации (Карагандинская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области) и Западную зону ускоренного завершения первичной модернизации (Атырауская, Актюбинская, Мангистауская, Западно-Казахстанская области – середняки);
- Южную (Южно-Казахстанская, Жамбылская, Алматинская, Кызылординская области) и Северную зоны продолжения первичной модернизации (Акмолинская, Костанайская и Северо-Казахстанская области – отстающие регионы).

Асинхронность и неравномерность региональной модернизации обуславливают необходимость выбора разных стратегий ее продолжения применительно к различным группам регионов, с тем чтобы заложить и развивать экономические и социальные предпосылки для перехода на новые принципы пространственного развития.

Приоритетные направления и механизмы осуществления модернизации, дифференцированные по типам регионов

В соответствии с выделенной типологией казахстанских регионов предлагаются возможные варианты осуществления дальнейшей модернизации в них в зависимости от степени ее завершенности и наличия внутренних ресурсов.

Приоритетные направления модернизационных процессов в регионах-лидерах: города

Нур-Султан и Алматы могут взять на себя функции «цифровых городов». В них можно будет создавать перспективные кластерные зоны с опорой на центр инноваций с эффективной системой стимулирования научно-исследовательской деятельности. Центр инноваций будет содействовать развитию фундаментальных и прикладных исследований, а также внедрению новейших высоких технологий, взаимодействующих между собой (микроэлектроника, нанотехнологии, телекоммуникации, планшеты, смартфоны, сенсорные девайсы и т. д.). В качестве примера создания «цифровых ареалов» на территории города можно рассмотреть Гонконгский киберпорт (Hong Kong Cyberport), который стал лидирующим и уникальным цифровым городом в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Реализация данного варианта осуществления модернизационных процессов предполагает усиление спроса на новые научные и инженерные кадры, формирование развитой инновационной системы, восстановление позиций казахстанской фундаментальной науки и развитие прикладных научных исследований, ориентированных на практическое использование их результатов. По сути, этот вариант для Казахстана является оптимистическим, но достаточно затратным.

Для так называемых сырьевых регионов и индустриальных центров, т. е. середняков, рекомендуется второй вариант проведения модернизации экономики и общества. Регионы этой группы имеют перспективы формирования кластеров в следующих основных направлениях: совершенствование технологий добычи полезных ископаемых, обеспечивающих повышение энергоэффективности производства, более глубокую переработку добываемого сырья; развитие альтернативных источников энергии и энергосбережения; формирование законченных технологических «цепочек», обеспечивающих выпуск инновационной продукции и продукции с высокой добавленной стоимостью.

Подобные приоритетные направления модернизационных процессов с ориентиром на кластерное развитие хорошо извест-

ны по положительному опыту Южной Кореи, Малайзии, Китая. Он характеризуется значительными усилиями со стороны государства в плане технологической модернизации и концентрации на наиболее перспективных отраслях экономики.

Для регионов, отстающих по степени завершенности модернизации, ориентированных на импорт технологий для агропромышленного комплекса, возможен третий вариант реализации преобразований. Данная группа регионов сталкивается с дефицитом трудовых, технологических, финансовых и других ресурсов, поэтому в ней необходимо обеспечить прогрессивные структурные сдвиги, изменение сложившейся специализации регионов и формирование новых эффективных отраслей и производств, поиск новых рынков сбыта.

Такой сценарий предусматривает внедрение инновационных технологий, в том числе применение «беспилотной» сельскохозяйственной техники, технологий прогнозирования оптимального времени для посевной и уборки урожая, «умного полива»; создание и трансфер интеллектуальных систем откорма скота, внесения минеральных удобрений. Важными приоритетными направлениями преобразований данных регионов являются развитие производства органической продукции, создание и продвижение на мировые рынки национального бренда натуральных и экологически чистых продуктов питания «Сделано в Казахстане».

Механизмы реализации рекомендуемых приоритетных направлений модернизации также должны быть дифференцированы в зависимости от типов регионов.

В регионах-лидерах в качестве механизмов реализации модернизационных процессов рекомендуются: эффективное перераспределение инвестиционных потоков; поддержка наукоемких проектов за счет государственных программ безвозмездного финансирования (гранты, условно-возвратные кредиты и т. д.); использование механизмов государственно-частного партнерства; развитие венчурного финансирования для научных исследований, разработок сен-

сорных интерфейсов, внедрения цифровых технологий (3D-печать, робототехника, компьютерная лингвистика, искусственный интеллект и др.).

В сырьевых регионах рекомендуется применять следующие механизмы модернизации: государственные субсидии для поддержки новых производств обрабатывающей промышленности, ориентированных на глубокую переработку сырья и выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью; таможенные льготы на трансферт и использование передовых «зеленых» и ресурсосберегающих технологий; стимулирование инвестиций для модернизации производства традиционных отраслей путем предоставления государственных гарантий и т. п.

В индустриальных центрах – середняках эффективными станут следующие механизмы модернизации: проведение активной промышленной политики, предоставление субсидий, налоговых и таможенных льгот при внедрении новых технологий и технических разработок; смешанное на основе государственно-частного партнерства финансирование внедрения научно-технических разработок; стимулирование инвестиций в развитие цифровых технологий.

В агропромышленных регионах, отстающих по уровню модернизации, рекомендуется: переход от неэффективных безвозмездных государственных субсидий к удешевлению банковских кредитов для субъектов АПК; предоставление льготных кредитов для эффективного использования сельскохозяйственных угодий и роста производительности труда; предоставление государственных гарантий на кредитование производства органической продукции; совершенствование социальной инфраструктуры на селе; достижение соответствия качества трудовых ресурсов потребностям отраслевой специализации экономики региона; улучшение организационно-экономических условий труда.

В регионах всех типов важно обеспечить создание благоприятного климата для потенциальных инвесторов, в том числе для привлечения иностранных инвестиций; формирование инвестиционной открытости

и привлекательности региона (инвестиционного имиджа); совершенствование налоговой и кредитной политики. Необходимо обеспечивать рост качества трудовых ресурсов, осуществлять подготовку и переподготовку кадров в соответствии с отраслевой специализацией регионов.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что для Казахстана выбор приоритетных направлений модернизации не может быть унифицированным. Наиболее приемлемым является дифференцированный подход к достижению фазы расцвета модернизации.

Таким образом, методологическое и практическое значение представленного исследования заключается в том, что в нем модифицирован и адаптирован к местным условиям методологический подход к оценке уровня модернизации; осуществлена типология казахстанских регионов на основе апробирования данного подхода; обоснован выбор приоритетных направлений модернизации по типам регионов и дифференцированный механизм их реализации. Предложенные в статье методы измерения уровня модернизации экономики регионов в казахстанских условиях могут представлять как научный, так и практический интерес. Разработанная авторами типология регионов Казахстана в зависимости от достигнутых фаз модернизации, обоснованные приоритеты механизмов их завершения, дифференцированные по типам регионов, могут найти применение в деятельности республиканских и местных органов власти.

Придерживаясь предложенного в исследовании подхода к выбору приоритетов модернизации, Казахстан в будущем сможет решить масштабную задачу стратегического характера по проведению ускоренной модернизации, обеспечить структурный маневр в сторону увеличения доли отраслей, производящих продукцию с высокой степенью переработки, и отраслей сферы услуг, перейти на новый этап таргетирования наукоемких производств, трансферт новейших технологий и применение результатов научно-исследовательских разработок на практике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kojima K. The Flying Geese Model of Asian Economic Development: Origin, theoretical extensions, and regional policy implications. *Journal of Asian Economics*, 2000, vol. 11, no. 4, pp. 375–401. Available at: [https://doi.org/10.1016/S1049-0078\(00\)00067-1](https://doi.org/10.1016/S1049-0078(00)00067-1)
2. Ясин Е. Институциональные ограничения модернизации, или приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 4–24.
3. Клейнер Г.Б. Системная модернизация экономики России // Экономика, наука, образование: проблемы и пути интеграции: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летнему юбилею ВЗФЭИ. М.: ВЗФЭИ, 2011. URL: <http://kleiner.ru/wp-content/uploads/2014/12/Sistemnaya-modernizatsiya-e%60konomiki-Rossii.pdf> (дата обращения 10.12.2018).
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. 416 с.
5. Радугин А.А., Назаренко К.С. Теория модернизации как методология преобразования общественно-исторического процесса // Вестн. ВГУ. Сер.: Философия. 2016. № 2. С. 129–136.
6. Cooter R.D. The Theory of Market Modernization of Law. *International Review of Law and Economics*, 1996, vol. 16, iss. 2, pp. 141–172. Available at: [doi.org/10.1016/0144-8188\(96\)00011-7](https://doi.org/10.1016/0144-8188(96)00011-7)
7. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P. Reevaluating the modernization hypothesis. *Journal of Monetary Economics*, 2009, no. 56, pp. 1043–1058. DOI:10.1016/j.jmoneco.2009.10.002
8. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016. 693 с.
9. Днишев Ф., Альжанова Ф. Развитие инноваций и прогрессивных технологических укладов в экономике Казахстана в условиях индустриальной модернизации: институты, механизмы и приоритеты. Вена: Восток-Запад, 2015. 532 с.
10. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 240 с.
11. Ласточкина М.А. Модернизация – глобальное явление и международная тенденция // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Соц.-экон. и прав. исслед. 2017. Т. 3. № 4. С. 237–255.
12. Факты и перспективы модернизации Китая // Историческая психология и социология истории. 2012. № 2. С. 204–212.
13. *China Modernization Report Outlook (2001–2016)*. Peking University Press, 2017. 313 p.
14. Akamatsu K. A Historical Pattern of Economic Growth in Developing Countries. *Journal of Developing Economics*, 1962, vol. 1, no. 1, pp. 3–25. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1746-1049.1962.tb01020.x>
15. Лапин Н.И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии // Социол. исслед. 2012. № 9. С. 4–24.
16. Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социол. исслед. 2011. № 9. С. 3–18.
17. Лапин Н.И. О стратегии интегрированной модернизации // Экон. и соц. перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). С. 26–35.
18. Нурланова Н.К. Системная модернизация экономики Казахстана: проблемы и пути решения // Сб. науч. тр. Ин-та экономики КН МОН РК / под ред. С.С. Еспаева, Н.К. Нурлановой. Т. 1. Алматы: ИЭ КН МОН РК, 2012. С. 33–42.
19. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. М.: Весь Мир, 2011. 256 с.
20. Лапин Н.И. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь мир, 2016. 347 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фарида Газизовна Альжанова – доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; e-mail: farida.alzhanova@gmail.com

Наиля Капеновна Нурланова – доктор экономических наук, профессор, советник, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; e-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

Фархат Мусаевич Днишев – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Республика Казахстан, 050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, д. 29; e-mail: dfm0704@gmail.com

Al'zhanova F.G., Nurlanova N.K., Dnishev F.M.

ASSESSMENT OF LEVEL AND PRIORITY GUIDELINES OF KAZAKHSTAN REGIONS' MODERNIZATION

In order to develop in line with modern trends of the world technological revolution, digitalization of all industries and economic activities, in Kazakhstan, fundamental transformation of the economy and society in the framework of the modernization paradigm are necessary. Meanwhile, the large regional disparities of socio-economic and scientific-technical development in the country, the lack of a clear assessment of the achieved level of modernization processes in the regions of Kazakhstan complicate the choice of strategy and mechanisms for their further promotion in accordance with the trends of "Industry 4.0". The purpose of the paper is to assess the level of Kazakhstan regions' modernization and substantiate priority guidelines and mechanisms of modernization reforms by the types of the regions. For this purpose the following tasks were solved: the basic tenets of modernization theory were studied; the methods of quantitative estimation of its level were studied and adapted to the conditions of Kazakhstan, the degree of completion of Kazakhstan regions' modernization was assessed and on this basis the regions' typology was presented; the priorities and mechanisms of modernization reforms by the types of the regions were substantiated. The methods of comparisons and analogies, systematic approach, statistical analysis, ranking and typology were used. The tools of Chinese researchers to measure the degree of modernization completion were adapted to Kazakhstan conditions and applied. The authors used the official information of the statistics Committee of the Ministry of national economy of the Republic of Kazakhstan (RK) and their own research results. The results of the conducted research are methodological recommendations for the assessment of the degree of modernization completeness, the development of regions typology on this basis, and scientifically sound proposals to the regional authorities on the choice of the modernization strategy and its implementation mechanisms in the regions of Kazakhstan. The article is based on the results of grant research No. AP05130845 and scientific programme No. BR05236639 of the Institute of Economics of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan.

Modernization, region, economy, society, strategy, mechanisms, Kazakhstan.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Farida G. Al'zhanova – Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Department, Institute of Economics of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 29, Kurmangazy Street, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; e-mail: farida.alzhanova@gmail.com

Nailya K. Nurlanova – Doctor of Economics, Professor, Advisor, Institute of Economics of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 29, Kurmangazy Street, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; e-mail: n.k.nurlanova@gmail.com

Farkhat M. Dnishev – Doctor of Economics, Professor, Chief Research Associate, Institute of Economics of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 29, Kurmangazy Street, Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan; e-mail: dfm0704@gmail.com

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: НОЯБРЬ 2019 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.10 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области¹.

По предварительной оценке Минэкономразвития, за 11 месяцев 2020 года российская экономика выросла лишь на 1,3%, замедлившись почти в два раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

1. Производство валового продукта

Важным фактором экономического роста осталось промышленное и сельскохозяйственное производство.

⊕ В январе – ноябре 2019 года относительно аналогичного периода 2018 года² выпуск **промышленности** в целом увеличился на 2,4% (табл. 1). Максимальный прирост зафиксирован в сфере добычи полезных ископаемых (+3,2%), обрабатывающие производства показали увеличение на 2,1%. В Вологодской области отмечен

рост промышленного производства на 2,8%, в том числе обрабатывающего – на 2,9%. При этом как в стране, так и в регионе темп роста промпроизводства замедлился, по этому показателю Вологодская область заняла 49 место по России. Для сравнения приведем данные по другим регионам-металлургам: Кемеровская область находится на 46 месте (+2,6%), Челябинская – на 53 месте (+1,8%), а Липецкая – на 71 месте (-2,9%).

Преобладающей тенденцией динамики промышленности стало замедление роста. В частности, этот процесс отчетливо наблюдается в **секторе промышленности конечного спроса**.

⊕ Производство пищевой продукции в России выросло на 3,7% (годом ранее – на 8,2%). На позитивную динамику оказало влияние существенное увеличение объема выпуска замороженных ракообразных (+39,9%), подсолнечного масла (+20,4%), сыров (+10,1%) и водки (+5,8%). Также на 7,8% выросло производство сахара, что позволило значительно снизить его цену³.

⊖ В Вологодской области выпуск продовольственной продукции сократился на

Для цитирования: Сидоров М.А. Мониторинг экономики: ноябрь 2019 года // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 142–151. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.10

For citation: Sidorov M.A. Monitoring of the economy: November 2019. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 142–151. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.10

¹ Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

² Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – ноябрь 2019 года с январем – ноябрем 2018 года.

³ Оптовые цены на сахар в России снизились на 30,8%. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e18826c9a7947271131c4b3>

Таблица 1. Динамика промышленного и с/х производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	11 мес. 2019 г.
Промышленное производство					
РФ	102,9	102,1	102,6	102,7	102,4
ВО	104,0	103,0	101,8	103,1	102,8
Обрабатывающие производства					
РФ	102,9	101,3	101,9	102,2	102,1
ВО	104,4	102,9	102,0	103,3	102,9
Пищевое производство					
РФ	108,2	104,4	103,0	104,3	103,7
ВО	105,3	110,2	94,4	95,2	97,5
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	117,1	107,5	103,5	111,7	102,2
ВО	107,1	98,8	100,5	105,1	107,2
Деревообработка					
РФ	113,1	109,0	105,1	103,3	105,7
ВО	103,1	119,3	115,7	116,1	125,8
Химическое и нефтехимическое производство					
РФ	110,1	103,1	104,6	103,1	106,0
ВО	110,7	98,5	101,4	104,8	104,1
Металлургическое производство					
РФ	103,2	102,8	103,3	100,5	102,9
ВО	103,5	102,9	103,8	102,6	102,2
Машиностроение					
РФ	111,3	97,8	98,3	105,9	99,1
ВО	102,9	120,7	109,1	110,4	111,8
Производство строительных материалов					
РФ	104,6	108,4	107,1	105,5	104,7
ВО	93,5	118,5	127,3	116,5	122,8
Сельское хозяйство					
РФ	99,8	101,1	101,2	103,6	104,1
ВО	104,8	100,2	100,8	105,6	108,8

2,5%, что обусловлено спадом производства ряда видов продукции, в частности, минеральной питьевой воды (-14%), колбасных изделий (-7,9%), водки (-1,4%), переработанного мяса домашней птицы (-25,4%), а также переработанной рыбы (-6,6%), включая снижение производства мороженой рыбы на 61,6%. При этом производство молочной продукции увеличилось на 2,6%, шоколада – на 21%, пива – на 6%.

⊕ В российском производстве целлюлозно-бумажной и полиграфической продукции зафиксирован прирост выпуска на уровне 2,2%, что по-прежнему значительно ниже, чем в аналогичном периоде прошлого года. Рост показателя обусловлен преимущественно расширением производства бумажной продукции (+3,3%), наибольший прирост отмечен в производстве обоев (+12%). В Вологодской области по данному виду деятельности зафиксирован прирост на 7,2%, во многом обусловленный увеличением объема выпущенной полиграфической продукции (+22,6%). Другим важным фактором развития этой отрасли в регионе стал успешный запуск современной бумагоделательной машины на Сухонском картонно-бумажном комбинате, производственная мощность которой превышает суммарный объем производства ранее имеющегося на предприятии оборудования⁴.

В секторе промышленности промежуточного спроса отмечен умеренный рост.

⊕ Деревообрабатывающая промышленность страны увеличила выпуск на 5,7%. Кроме наращивания производства топливных брикетов (+61,5%) существенно выросли заготовки лесоматериалов – на 13,7%. В Вологодской области деревообработка развивалась еще активнее – прирост составил 25,8%. Также в регионе заметно выросли объемы производства деревянных дверей, их коробок и порогов (на 55,2%), деревянных домов заводского изготовления (на 24,9%), древесно-стружечных плит (на 33%). Однако производство деревянных окон при этом сократилось на 27,5%.

⊕ Химическое и нефтехимическое производство в целом по стране выросло на 6%. Активно наращивается выпуск ряда видов лекарственных средств (+18,4%) и лакокрасочных материалов (+14,9%). В Вологодской области отмечено замедление роста индекса физического объема в химическом про-

⁴ Новый виток вековой истории: на Сухонском картонно-бумажном комбинате запущена третья бумагоделательная машина. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/glavnoe/novyy_vitok_vekovoy_istorii_na_sukhonskom_bumazhnom_kombinate_zapushchena_tretya_bumagodelatelnaya_mashina

изготовлении до 104,1% (годом ранее – 110,7%), сопровождавшееся снижением цен на экспортируемую продукцию. Помимо роста выпуска азотных (+7%) и фосфорных (+4,4%) удобрений увеличилось производство аммиака (+3,4%) и пластмасс в первичных формах (+3,8%).

В металлургической отрасли страны производство продукции увеличилось на 2,9%. Наибольший рост зафиксирован в производстве необработанного золота (+18%), медных сплавов (+20,6%) и необработанного титана (+3,7%), при этом резко сократился выпуск стали (-14,6%) и необработанного серебра (-7,3%). В вологодской металлургии выпуск вырос на 2,2%, в том числе чугуна на 3,9%. При этом в регионе на 1,9% сократилось производство готовых металлических изделий.

В секторе промышленности инвестиционного спроса сохранялись разнонаправленные тенденции.

Выпуск машиностроения в целом по стране продолжил снижаться, спад составил 0,9%. На итоговые показатели выпуска оказал влияние кризис в станко-, приборо- и автомобилестроении. В частности, выпуск транспортных средств сократился на 1,3% (в том числе автобусов с максимальной массой до 5 т – на 47,8%, автокузовов – на 13,4%, грузовых вагонов – на 16,1%), прочих машин и оборудования – на 2,9% (насосов центробежной подачи жидкостей было произведено на 22,1% меньше, в то время как газовых турбин – в 2,2 раза больше).

В то же время отмечается ряд успехов отечественного машиностроения: объем выпущенных компьютеров, электронных и оптических изделий вырос на 7,8% (включая диагностическое и терапевтическое оборудование для облучения, реабилитации – на 40,6%), электрооборудования – на 0,8% (в том числе стиральных машин – на 5,4% и электродвигателей мощностью более 37,5 Вт – на 34,9%). В Вологодской области объем машиностроительного производства вырос на 11,8%, что отчасти связано со значительным увеличением производства электрооборудования на 82,7%.

В сфере производства стройматериалов в целом по стране зафиксирован рост на 4,7%. На ситуацию в этой отрасли позволяет смотреть с умеренным оптимизмом положительная динамика в жилищном строительстве. В частности, отмечено значительное расширение в изготовлении плит из цемента и бетона (+23,9%), керамической фасадной плитки (+11,8%). Помимо этого увеличены объемы производства товарного бетона (+13,1%). Прирост выпуска стройматериалов в Вологодской области (+22,8%) обусловлен резко увеличившимся производством товарного бетона (в 3,6 раза) и дорожных асфальтобетонных смесей (+22,5%).

Выпуск сельскохозяйственной продукции в целом по стране вырос на 4,1%. В частности, зафиксировано увеличение производства зерна на 6,5%, скота и птицы на убой – на 1,8%, в том числе отмечен рост выпуска продукции свиноводства на 6,7%. Наблюдается наращивание производства молока на 2,1%, при этом на 6,5% увеличились надои молока на одну корову. К успехам российского сельского хозяйства также можно отнести рекордный урожай сахарной свеклы. В Вологодской области выпуск сельскохозяйственной продукции вырос на 8,8%, в том числе скота и птицы на убой (в живом весе) – на 11,3%, куриных яиц – на 22,7%, молока – на 5,2%.

Положительная динамика в реальном секторе сопровождалась благоприятным развитием ситуации на рынке труда.

Таблица 2. Динамика рынка труда

	11 мес. 2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	11 мес. 2019 г.
Уровень безработицы, % от численности занятых					
РФ	4,8	4,8	4,7	4,6	4,6
ВО	5,2	6,1	4,9	4,6	4,5
Потребность работодателей в работниках, % к соответствующему периоду предыдущего года					
РФ	106,8	106,0	104,1	102,6	102,0
ВО	90,3	109,6	112,2	111,2	109,5

Уровень безработицы в стране снизился на 0,2 п. п. (до 4,6% в среднем за 11 месяцев 2019 года; табл. 2). В Вологодской обла-

сти уровень безработицы еще ниже – 4,5%. Одновременно продолжился рост вакансий, регистрируемых работодателями в службе занятости населения: в стране – на 2%, в Вологодской области – на 9,5%.

2. Образование доходов

На стадии образования доходов в экономике происходят позитивные изменения, результатом которых стало увеличение доходов населения, государства и бизнеса.

⊕ **Реальные денежные доходы** россиян в январе – сентябре поднялись на 1,8%, в Вологодской области – на 4,2% (табл. 3).

Таблица 3. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	100,8	100,9	98,5	99,7	101,8
ВО	94,6	97,2	95,8	99,7	104,2
	10 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	10 мес. 2019 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	107,7	101,1	101,8	102,2	102,3
ВО	107,4	103,0	103,6	103,7	103,6
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	132,5	144,8	120,1	109,9	107,6
ВО	97,2	76,7	79,1	95,7	92,9
	11 мес. 2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	11 мес. 2019 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	111,8	111,5	112,0	112,5	111,2
ВО	118,5	111,9	108,3	111,3	111,5

⊕ Важным фактором изменения реальных денежных доходов населения стал рост **реальной начисленной заработной платы** россиян в январе – октябре 2019 года на 2,3%. В Вологодской области реальная начисленная заработная плата также выросла (+3,6%).

⊕ Рост **сальдированного финансово-го результата** (прибыль минус убыток) деятельности российских организаций в первые 10 месяцев 2019 года замедлил-

ся, сохранив при этом позитивную динамику. Увеличение с учетом инфляции составило 7,6%.

⊖ В Вологодской области значение данного показателя серьезно снизилось (-7,1%). Согласно оперативным данным за январь – октябрь 2019 года, на такую же величину сократился сальдированный финансовый результат предприятий обрабатывающей промышленности региона.

⊕ Реальные **доходы консолидированного бюджета** (с учетом внебюджетных фондов) росли медленнее, чем в прошлом году, увеличение в целом по стране составило 11,2%, в Вологодской области – 11,5%.

3. Конечное использование

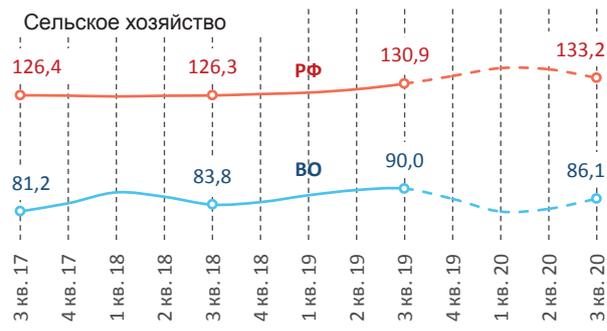
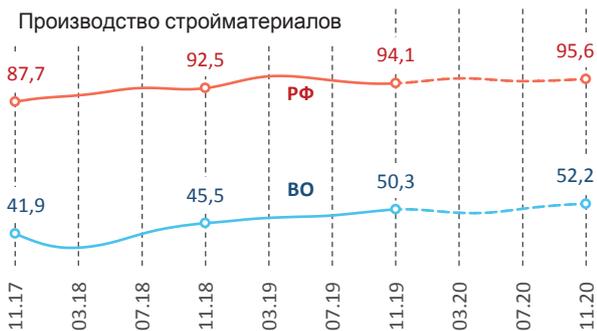
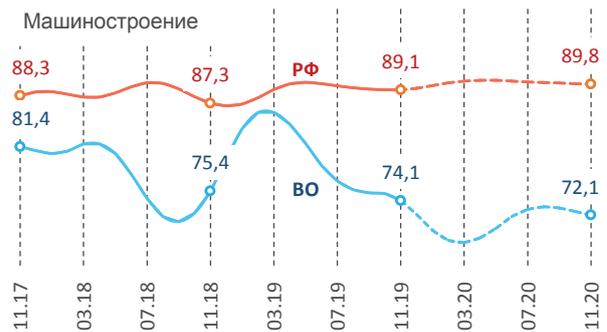
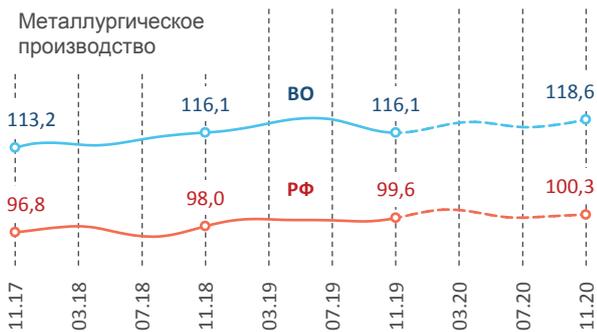
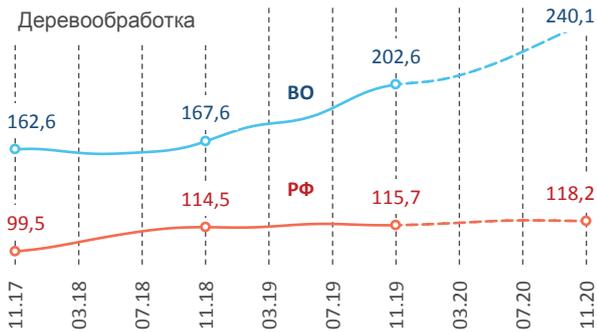
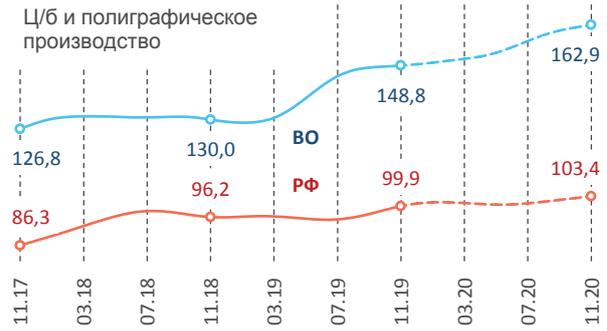
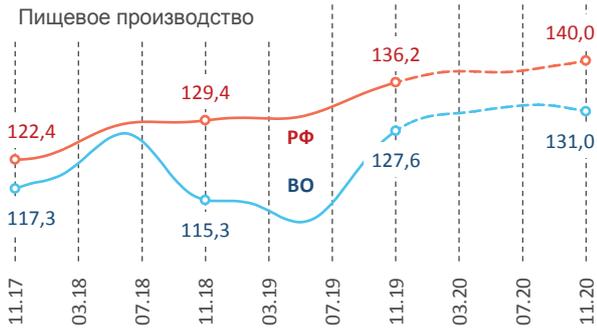
Значимым фактором экономического роста остается **потребительский спрос**.

⊕ Рост оборота розничной торговли в стране замедлился, опустившись, в том числе, ниже величины, на которую выросли реальные доходы населения. Увеличение оборота розничной торговли составило 1,6% (в том числе продовольственными товарами – 1,4%, непродовольственными – 1,8%), в Вологодской области – 2,1% (в том числе продовольственными товарами – 0,3%, непродовольственными – 4,5%; табл. 4). Одной из причин сложившейся ситуации стало ужесточение центральным банком условий выдачи потребительских кредитов, что сказалось в первую очередь на реализации товаров длительного пользования.

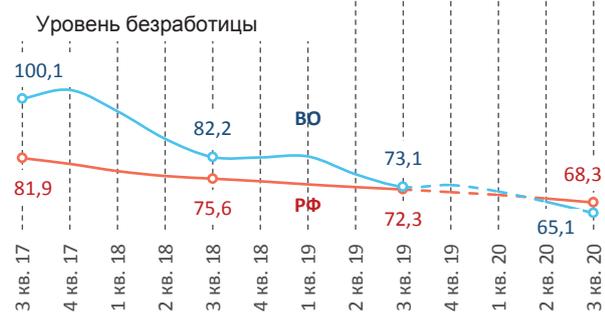
Таблица 4. Динамика потребительского рынка и строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	11 мес. 2019 г.
Оборот розничной торговли					
РФ	102,8	101,9	101,8	101,5	101,6
ВО	105,2	105,1	104,1	102,6	102,1
Объем работ по ВЭД «Строительство»					
РФ	105,7	100,2	100,1	100,3	100,4
ВО	101,3	111,5	114,7	90,8	84,8
Строительство жилых домов					
РФ	96,3	94,4	103,7	106,9	108,2
ВО	97,4	88,6	110,6	109,7	108,1

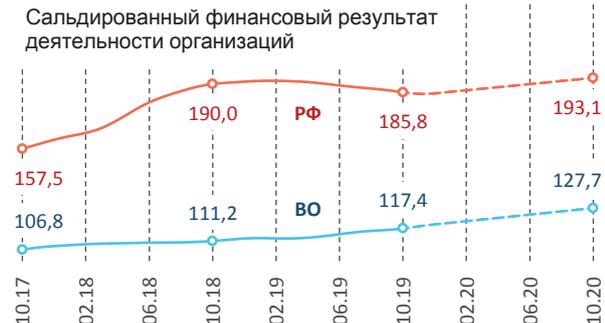
Тренды развития промышленного и с/х производства в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

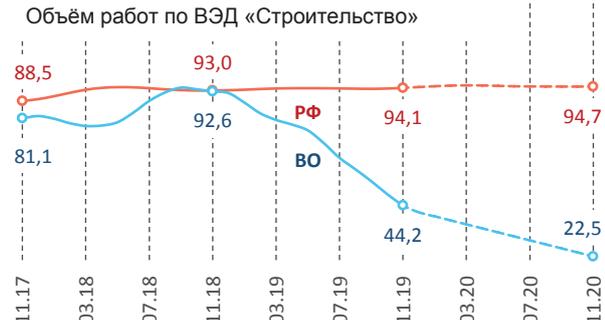
Тренды развития рынка труда в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Тренды строительства и инвестиций в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

❖ Строительный сектор российской экономики стагнировал: объем выполненных строительных работ в целом по стране увеличился всего на 0,4%, а в Вологодской области и вовсе существенно сократился (на 15,2%).

⬆ При этом в жилищном строительстве отмечена позитивная динамика: в целом по стране рост показателя составил 8,2%, в Вологодской области – 8,1%.

Таблица 5. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2018 г.	2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.
РФ	105,1	104,3	100,5	109,4	109,0
ВО	83,1	102,3	220,0	134,0	134,5

В динамике *инвестиционной активности* зафиксировано оживление.

⬆ Прирост инвестиций в основной капитал в стране составил 9% (годом ранее 5,1%), при этом в Вологодской области инвестиции выросли на 34,5% (табл. 5). По темпу прироста инвестиций регион занимает 3 место в стране (в других регионах-металлургах этот показатель ниже – Липецкая область занимает 25 место (+12,5%), Кемеровская область на 29 месте (+10,4%), Челябинская область на 35 месте (+4,9%)). Отметим, что важную роль в этом сыграла проводимая в регионе модернизация железнодорожных станций⁵. Другим важным источником инвестиций исследователи называют реализуемые нацпроекты, отмечая при этом недостаточную эффективность планирования и распределения ресурсов, как следствие – незначительность их вклада в экономику⁶.

Во *внешнеторговом секторе* экономики фиксируется снижение активности.

❖ Экспорт товаров и услуг в январе – ноябре 2019 года относительно анало-

гичного периода прошлого года из России снизился на 5,6%, что обусловлено продолжительным падением цен на продукцию сырьевого сектора (табл. 6). В Вологодской области спад значительнее – на 6,6%, что отчасти также связано с ценами на ключевые экспортные товары региона (металлопрокат и фосфатные удобрения).

Таблица 6. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2018 г.	3 мес. 2019 г.	6 мес. 2019 г.	9 мес. 2019 г.	11 мес. 2019 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	128,3	101,7	97,0	95,4	94,4
ВО	198,0	110,2	87,6	94,1	93,4
Импорт товаров и услуг					
РФ	107,2	97,5	97,6	99,9	100,8
ВО	108,6	110,8	107,1	109,5	112,2
Мировые цены на товары					
Нефть	133,8	93,6	92,3	88,6	87,9
Газ	137,0	91,9	74,6	63,8	63,0
Мет.	127,2	100,9	96,4	92,7	84,6
ФУ	123,1	96,9	91,0	85,4	81,1

По сравнению с 2008 годом отраслевая динамика российского экспорта была разнонаправленной: к 2018 году экспорт древесины и целлюлозно-бумажной продукции вырос на 20,3% (в Вологодской области – на 92,5%). Экспорт металлопроката и металлических изделий из России снизился на 21,3% (в Вологодской области отмечено увеличение на 3,8%). Экспорт продукции химической промышленности в среднем по стране сократился на 9,4% (в Вологодской области – на 13,7%).

В географической структуре российского экспорта преобладают страны дальнего зарубежья⁷, в 2018 году их удельный вес составил 88,3%, увеличившись на 3,6 п. п. в сравнении с 2008 годом. В экспорте Вологодской области также отмечен прирост

⁵ РЖД инвестирует в модернизацию крупнейших железнодорожных станций Вологодчины. URL: <http://volgdairegion.ru/news/2019/6/6/rzhd-investiruet-v-modernizaciyu-krupneyshih-zheleznodorozhnyh-stanciy-vologdchiny>

⁶ Сухарев О.С. Макроэкономические проблемы роста России и национальные проекты // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 7. С. 17–33.

⁷ Дальнее зарубежье – возникший в России после распада СССР термин для общего обозначения государств, не относящихся к ближнему зарубежью, то есть, как правило, тех, которые не вошли в состав Содружества независимых государств.

доли стран дальнего зарубежья на 1,3 п. п. до 84,1%.

☑ Импорт в Россию в январе – ноябре 2019 года вырос на 0,8%. В Вологодской области зафиксировано ускорение роста импорта – прирост составил 12,2% (годом ранее – 8,6%).

Ключевым импортируемым товаром выступает машиностроительная продукция. В 2018 году ее объем в целом по стране снизился на 20,1% относительно уровня 2008 года, что помимо колебаний национальной валюты объясняется насыщением спроса (снижение показателя началось в 2013 году). В Вологодской области отмечено незначительное увеличение показателя – на 2,2%.

☑ Результатом сворачивания активности на глобальных рынках стало снижение цен на большинство ключевых экспортируемых товаров: средние цены на нефть за пер-

вые 11 месяцев 2019 года пережили спад на 12,1%, на природный газ – на 37%, на фосфатные удобрения – на 18,9%, на металлопрокат – на 16,4% (при этом дешевле как «плоский», так и «длинный» прокат; табл. 7). Цены на большинство используемых в промышленности металлов находятся под давлением из-за торговых разногласий между США и Китаем, а также ввиду замедления производственной активности в мире, что отразилось и на ценах на металл на внутреннем рынке (табл. 8).

Подытоживая, можно отметить, что в январе – ноябре 2019 года основной тенденцией в экономике страны стала стагнация. Экономический и промышленный рост замедлился, сократились доходы от экспортной деятельности. Начался рост доходов населения и заработных плат, однако у населения и субъектов экономики сохранились низкие

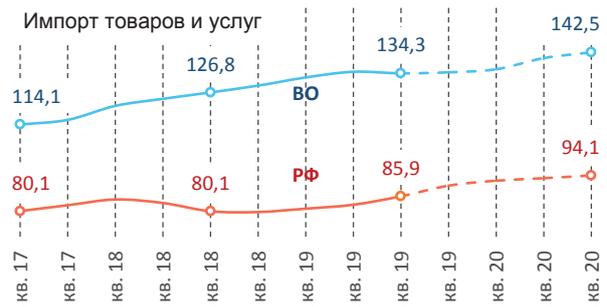
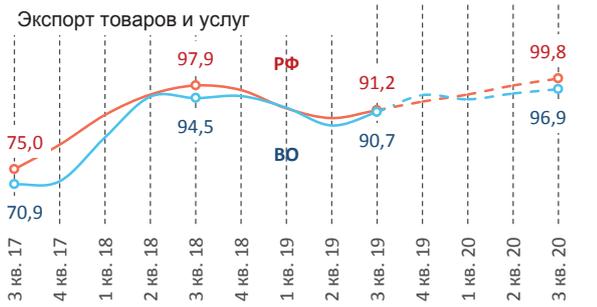
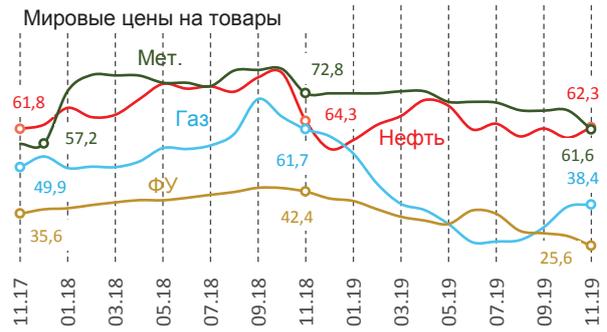
Таблица 7. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало января соответствующего года)

Виды металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	583	653	718	89,3	81,2
Лист оцинкованный	Долл. США	630	708	803	89,0	78,5
Лист горячекатаный	Долл. США	488	543	623	89,9	78,3
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	505	570	605	88,6	83,5
Конструкционные профили	Долл. США	668	767	688	87,1	97,1
Сортовой прокат	Долл. США	698	670	648	104,2	107,7

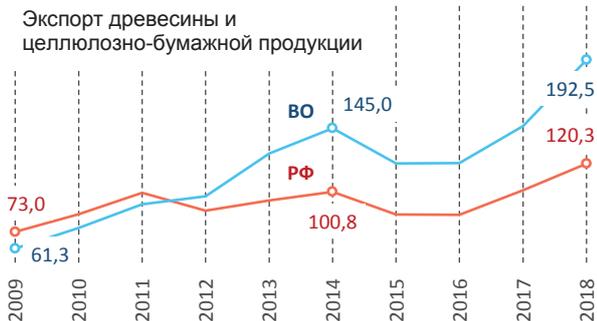
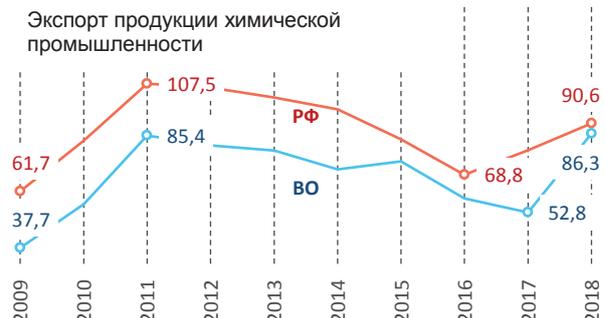
Таблица 8. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало января соответствующего года)

Виды металлопродукции	Единица измерения	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2020 г., %	
					к 2019 г.	к 2018 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	49046	49274	47269	99,5	103,8
Лист оцинкованный	Руб.	55628	60314	50854	92,2	109,4
Лист горячекатаный	Руб.	41607	42012	41521	99,0	100,2
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	34755	38120	36447	91,2	95,4
Балка и швеллер	Руб.	46018	48049	51637	95,8	89,1
Круг	Руб.	36214	39910	36273	90,7	99,8
Уголок	Руб.	38841	40736	43241	95,3	89,8

Тренды развития потребительского рынка и внешней торговли в 2017–2020 гг., % к уровню 2008 года

Динамика внешней торговли в 2008–2018 гг., % к уровню 2008 года

потребительские ожидания, что нашло отражение в слабом росте розничной торговли. Важно и то, что в связи с ужесточением кредитной политики банков замедлился рост кредитования физических лиц. Также обнаруживаются определенные проблемы с реализацией финансовой части нацпроектов. При этом отмечены и положительные моменты, которые в дальнейшем могут оказать положительное влияние на экономику, в частности положительная динамика инвестиций при пробуксовке запуска инвестиционной части национальных проектов, устойчивый рост доходов государства и бизнеса, развитие ряда

секторов промышленности, увеличение потребности работодателей в работниках.

Источники:

*Росстат, Вологдастат,
Центральный банк Российской Федерации,
Федеральная таможенная служба,
Федеральное казначейство, www.metaltorg.ru,
metainfo.ru, www.indexmundi.com*

Материал подготовил

М.А. Сидоров
*младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2019 ГОДУ

DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.11 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В ноябре – декабре 2019 года ФГБУН ВолНИЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ФГБУН ВолНИЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (от 18 до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

☉ В декабре 2019 года по сравнению с октябрем 2019 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составила 70%, удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 25% (табл. 1).

В разрезе различных социально-демографических групп населения за последние два месяца наиболее существенное снижение индекса социального самочувствия наблюдалось среди жителей области в возрасте

старше 55 лет (на 6 п., со 137 до 131 п.), лиц, имеющих среднее специальное образование (на 6 п., со 152 до 146 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 6 п., со 118 до 112 п.), жителей Вологды (на 5 п., со 144 до 139 п.).

☉ Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 78%, удельный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 17%. Наиболее

Для цитирования: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2019 году // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 152–161. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.11

For citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the social well-being of Vologda Oblast residents in 2019. *Problems of Territory's Development*, 2020, no. 1 (105), pp. 152–161. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.11

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-), 2019 к		
															2018	2011	2007
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,2	69,9	68,0	68,8	71,4	70,9	70,3	69,7	-1	+7	+6
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	23,1	24,5	25,6	25,5	23,5	23,4	24,0	25,0	+1	-4	-3
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	148,2	145,4	142,4	143,3	147,9	147,5	146,3	144,7	-3	+11	+10
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	77,0	74,3	76,7	78,0	76,8	77,8	78,4	0	+2	+3
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,3	17,2	19,1	17,5	16,5	16,2	17,2	16,7	+1	+2	+4
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	160,8	159,8	155,2	159,2	161,3	160,6	160,6	161,7	-1	0	-1

2007 год – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 год – последний год президентства Д.А. Медведева. 2007, 2011, 2012, 2016, 2017, 2018 гг. – среднегодовые данные.
* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

значительное повышение индекса запаса терпения в октябре-декабре 2019 года отмечается среди жителей области с высшим образованием (на 9 п., со 163 до 172 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 6 п., со 173 до 179 п.); понижение – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 10 п., со 141 до 131 п.).

☉ В 2019 году показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2018 года: индекс социального настроения составляет 145 пунктов, индекс запаса терпения – 160 пунктов.

☺ В 2019 году по сравнению с 2018 годом среднедушевой доход увеличился среди 20% наименее обеспеченных жителей области на 1194 руб., 60% среднеобеспеченных – на 868 руб., 20% наиболее обеспеченных – на 839 руб. (табл. 2).

☉ Отношение среднедушевого дохода к прожиточному минимуму во всех категориях сохранилось на уровне годичной давности и примерно соответствует показателям 2007–2011 гг.

☉ В период с октября по декабрь 2019 года характер суждений об экономическом

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-), 2019 к		
														2018	2011	2007
<i>Доход на одного члена семьи, руб.</i>																
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	6598	7792	7442	7391	7456	8398	7426	8641	+1194	+3887	+5706
60% средне-обеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	13245	14113	14058	13759	14109	14151	14349	14249	+868	+5688	+9480
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	27428	28267	28005	28332	28205	27211	28701	29147	+839	+10630	+17049
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	14752	15686	15526	15430	15599	15616	15837	16110	+934	+6323	+10246
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	6563	10102	10511	10658	11042	10980	10698	10698	11391	11391	11091	+384	+4528	+7277
<i>Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз</i>																
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	+0,1	+0,1	+0,1
60% средне-обеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,2	1,3	1,3	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	+0,1	0	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,6	2,6	2,6	2,6	2,6	2,4	2,5	2,6	0	-0,1	-0,4
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	0	0	0

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-), 2019 к		
														2018	2011	2007
<i>Экономическое положение России</i>																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	14,4	14,6	14,1	14,9	14,6	15,1	14,7	14,3	0	+5	-6
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	43,9	44,6	44,7	44,7	46,8	44,4	41,9	44,8	+1	-5	-5
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	27,2	26,1	26,1	26,4	24,7	25,1	26,2	27,8	-1	-2	+11
Индекс	105,9	81,5	85,2	70,0	79,4	87,2	88,6	88,0	88,5	89,9	90,0	88,5	86,5	+1	+7	-17
<i>Экономическое положение области</i>																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	11,8	11,5	11,3	10,6	11,6	11,5	12,1	11,9	0	+1	-11
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	39,2	41,3	41,3	41,5	42,7	42,1	40,3	39,9	+2	-7	-8
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	36,9	34,9	36,7	37,0	35,2	33,5	32,1	34,8	-2	+5	+21
Индекс	108,3	80,2	80,5	60,5	70,0	74,9	76,6	74,6	73,6	76,4	78,0	80,0	77,1	+2	-4	-32
<i>Материальное положение семьи</i>																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,8	10,2	11,9	9,3	10,5	9,5	9,7	10,0	-2	+1	-5
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	48,7	50,1	50,1	50,8	51,5	48,3	50,0	50,0	+1	0	-3
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	30,2	29,7	29,8	31,2	29,5	29,5	29,1	29,1	-1	0	+8
Индекс	92,5	79,8	82,7	76,7	78,8	81,6	80,5	82,1	78,1	81,0	80,0	80,6	80,9	-1	+1	-12

положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 14 и 12% соответственно, отрицательных – на уровне 28 и 35% (табл. 3). Заметное понижение индекса оценок экономической ситуации в стране наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (на 5 п., с 93 до 88 п.), среди лиц, имеющих среднее образование (на 12 п., с 89 до 77 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 13 п., со 72 до 59 п.). Индекс оценок экономического положения в регионе существенно уменьшился в старшей возрастной группе (на 9 п., с 80

до 71 п.), среди жителей региона со средним образованием (на 10 п., с 78 до 68 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 17 п., с 59 до 42 п.).

☉ Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 10%, негативные суждения высказывали 29% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения заметное ухудшение ситуации наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (индекс снизился на 9 п., с 94 до 75 п.); в группе

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007	2011	2012	2016	2017	2018	2019	Февр. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Авг. 2019	Окт. 2019	Дек. 2019	Изменение (+/-), 2019 к		
														2018	2011	2007
<i>В России</i>																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	40,4	45,0	42,1	42,6	45,9	46,5	46,6	46,5	+5	+1	-3
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	45,6	41,6	44,2	44,3	40,8	41,1	38,8	40,5	-4	+4	+8
Индекс	114,3	106,3	96,6	69,5	84,6	94,8	103,4	97,9	98,3	105,1	105,4	107,8	106,0	+9	-3	-11
<i>В области</i>																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	54,9	58,0	55,6	55,5	59,3	60,1	59,3	57,9	+3	+6	-2
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	33,3	31,5	34,5	33,5	30,6	29,4	29,7	31,5	-2	+5	+7
Индекс	135,4	125,3	120,0	104,7	118,2	121,6	126,4	121,1	122,0	128,7	130,7	129,6	126,4	+5	+1	-9

лиц со средним специальным образованием (на 5 п., с 85 до 80 п.), в 20%-й категории наименее обеспеченных (на 10 п., с 58 до 48 п.).

⬆ В 2019 году по сравнению с 2018 годом мнения жителей области об экономике России и области несколько улучшились: соответствующие индексы увеличились на 2 п. (с 87 до 89 п. и с 75 до 77 п. соответственно). Индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 81 п.

⊙ За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 47%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 41% (табл. 4).

Существенный рост индекса оценки политической ситуации в стране отмечается в старшей возрастной категории (на 5 п., со 106 до 111 п.), среди лиц с высшим образованием (на 10 п., с 91 до 101 п.); снижение – в возрастной группе до 30 лет (на 7 п., со 108

до 101 п.), среди лиц, имеющих среднее образование (на 13 п., со 110 до 97 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 8 п., с 96 до 88 п.).

⊙ В октябре – декабре 2019 года стабильными сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 58%, отрицательных – 32%.

Наиболее существенные позитивные изменения в оценках политической обстановки в области отмечаются среди лиц, имеющих высшее образование (на 9 п., со 112 до 121 п.); негативные – в возрастной группе до 30 лет (на 7 п., со 128 до 121 п.), среди жителей региона со средним образованием (на 19 п., со 133 до 114 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 5 п., со 115 до 110 п.).

⬆ В 2019 году по сравнению с 2018 годом характер суждений о политической ситуации в стране и регионе улучшился: соответствующие индексы возросли с 95 до 103 и со 122 до 126 п. соответственно.

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в октябре – декабре 2019 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 87 и 77 п.);
- не претерпели изменений оценки материального положения семей (81 п.);
- не произошло существенных изменений в оценках политической обстановки в России и регионе (106 и 126 п. соответственно);
- стабильными остаются показатели социального настроения (145 п.) и запаса терпения (162 п.).

В 2019 году по сравнению с 2018 годом по многим показателям мониторинга наблюдается положительная динамика.

☉ С одной стороны, существенно не изменились индексы:

- социального настроения (148 п.);
- запаса терпения (160–161 п.);
- материального положения семьи (81–82 п.).

☺ В то же время позитивную динамику демонстрировали следующие индексы:

- экономического положения России (на 2 п., с 87 до 89 п.);
- экономического положения области (на 2 п., с 75 до 77 п.);
- политической обстановки в стране (на 8 п., с 95 до 103 п.);
- политической ситуации в регионе (на 4 п., со 122 до 126 п.).

☺ В распределении по социально-демографическим группам наиболее заметные положительные тенденции в 2019 году по сравнению с 2018 годом отмечались в следующих категориях:

- в зависимости от возраста – в группах до 30 и от 30 до 55 лет (индексы оценки полити-

ческой ситуации в стране увеличились на 6 и 9 п., в регионе – на 7 и 6 п.; индексы оценки экономической ситуации в регионе возросли на 5 и 4 п. соответственно);

- в зависимости от уровня образования – среди жителей области со средним специальным образованием (индексы оценки политической ситуации в стране и регионе возросли на 10 и 7 п.);

- в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наиболее обеспеченных жителей региона (индексы оценки политической ситуации в стране и регионе возросли на 11 и 9 п.);

- в территориальном разрезе – среди жителей районов (индексы оценки политической ситуации в стране и области возросли на 15 и 10 п.; индексы оценки экономической обстановки в стране и регионе – на 3 и 4 п. соответственно).

Результаты социологических измерений ФГБУН ВолНЦ РАН по большинству позиций коррелируют с данными общероссийских исследований. Так, по данным экспертов ВЦИОМ, более половины россиян дают положительные оценки ситуации в стране (57%), каждого второго россиянина устраивает жизнь, которую он ведет (50%), о частичной удовлетворенности сообщает четверть респондентов (25%)¹. В течение 2019 года заметно снизилась обеспокоенность россиян ростом цен, сокращением доходов, социальным неравенством².

Эксперты Левада-Центра также фиксируют постепенное улучшение оценок россиян относительно социально-экономической ситуации в стране в 2019 году. По их мнению, на общий фон начала 2019 года еще влияли негативно воспринятые обществом реформы 2018 года о повышении пенсионного возраста, увеличении налога на добавленную стоимость. Однако уже в начале нынешнего года люди убедились в том, что дальнейшего раскручивания инфляционной спирали не будет (потребительский спрос населения уже до предела скован отсутствием роста реаль-

¹ Жизнь налаживается? // Аналитический обзор ВЦИОМ. 2019. № 4116. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10040>

² Карта страхов россиян // Аналитический обзор ВЦИОМ. 2019. № 4100. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9999>

ных денежных доходов). В результате общественные настроения стали понемногу улучшаться³.

Стабилизацию и постепенное улучшение субъективных оценок населения эксперты Левада-Центра во многом связывают с ростом позитивных ожиданий россиян на будущее по поводу материального достатка семьи, социально-политической ситуации в стране, действий властей⁴.

В то же время эксперты предупреждают о том, что «в отсутствие положительных новостей, реальных признаков улучшения условий жизни и благосостояния людей, положительная динамика субъективных настроений образца 2019 года останется еще одним примером негативной адаптации, но не станет началом позитивного тренда общественного оптимизма, который способствует ускорению экономического развития страны»⁵.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНИЦ РАН, который пройдет в феврале 2020 года.

Материал подготовили

М.В. Морев

*кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник,
заведующий лабораторией*

*заместитель заведующего отделом
ФГБУН ВолНИЦ РАН*

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНИЦ РАН

³ Красильникова М. Динамика социально-экономических индексов в 2019 году. URL: <https://www.levada.ru/2019/12/10/dinamika-sotsialno-ekonomicheskikh-indeksov>

⁴ Там же.

⁵ Там же.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

С 2018 по 2019 год индекс социального настроения жителей Вологодской области снизился на 3 пункта (со 148 до 145 п.).

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В 2019 году индекс запаса терпения жителей Вологодской области находился на уровне 2016–2018 гг. и составлял 162 п.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- -).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В. Путина.

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

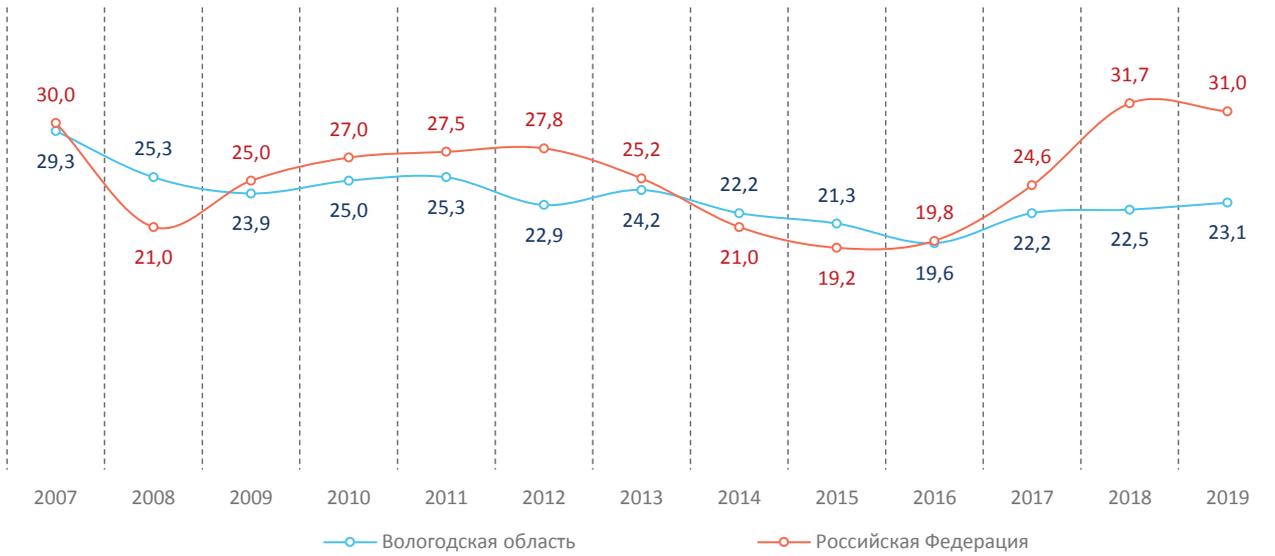
В 2019 году как в Вологодской области, так и в России в целом произошло снижение одобрительных оценок деятельности Президента РФ. По сравнению с 2018 годом данный показатель по Вологодской области снизился на 10 п. п. (с 66 до 56%), по России – на 5 п. п. (с 72 до 67%).

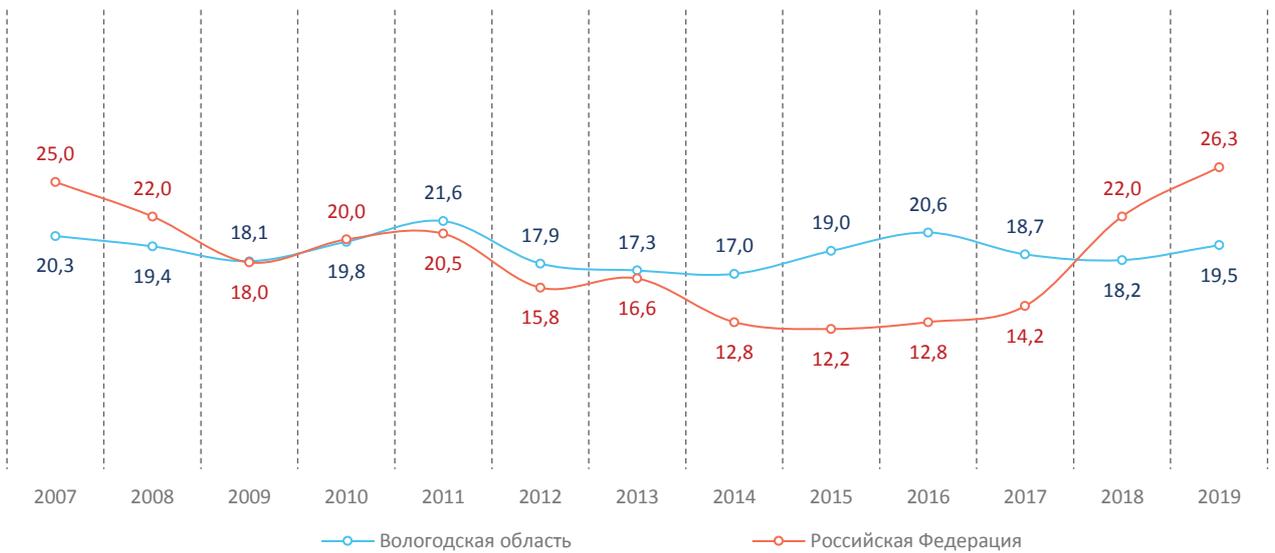
Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В 2019 году в Вологодской области уменьшился уровень одобрения деятельности Правительства РФ на 5 п. п. (с 41 до 36%). В целом по России за период с 2018 по 2019 год произошло незначительное увеличение одобрительных оценок на 3 п. п. (с 40 до 43%).

Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНИЦ РАН, Российская Федерация – данные Левада-Центра (<http://www.levada.ru/>).

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В 2019 году доля населения, отмечающего вероятность протестных выступлений, как в Вологодской области, так и в России в целом практически не изменилась и осталась на уровне 2018 года (23 и 31–32% соответственно). Показатель возможности участия в акциях протеста вырос по России в целом на 4 п. п. (с 22 до 26%); в Вологодской области существенно не изменился (18–20%).

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В 2019 году по сравнению с 2018 годом оценки населения региона относительно экономического положения области не претерпели существенных изменений. Доля отрицательных характеристик составляет 35–37%, нейтральных – 41–39%, положительных – 12% соответственно.

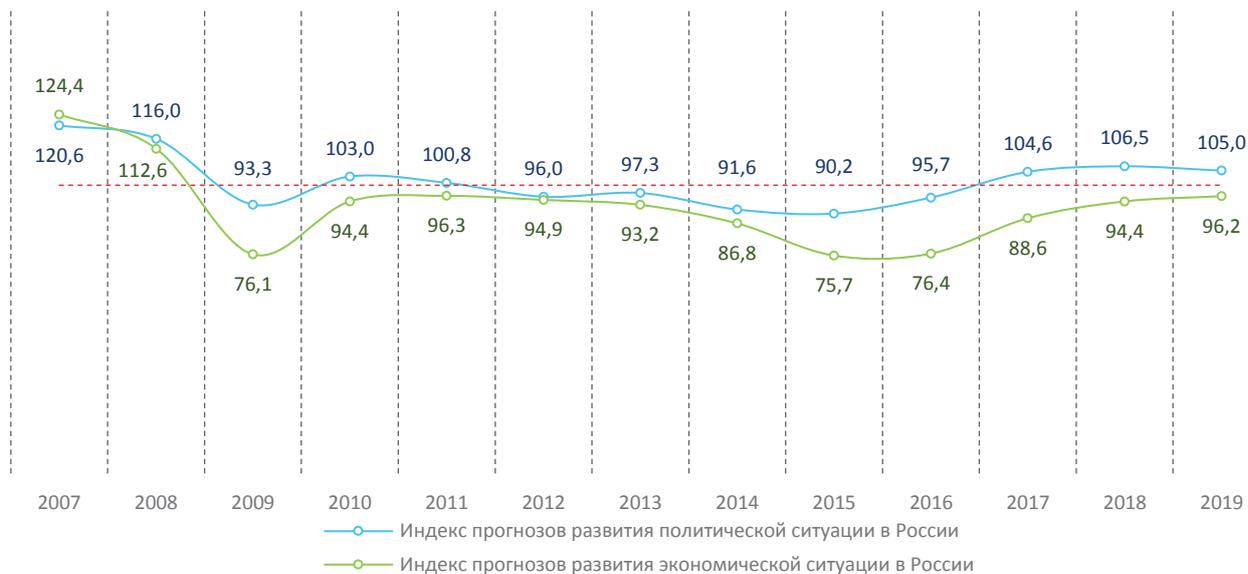

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России, пунктов*

В 2019 году по сравнению с 2018 годом значения индексов прогнозов развития политической и экономической ситуации в России практически не изменились и составляют 105–107 и 96–94 п. соответственно.

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос: «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

Заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН 24.12.2019

24 декабря 2019 года состоялось заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН.

Ведущий научный сотрудник, зам. зав. отделом канд. экон. наук С.А. Кожевников представил обоснование темы диссертационного исследования на соискание ученой степени доктора экономических наук «Управление пространственной интеграцией экономики регионов России» в соответствии с утвержденным планом. Докладчик обозначил область научного исследования, основные этапы работы, озвучил результаты за 2018–2019 гг.

Зав. лабораторией, ведущий научный сотрудник канд. биол. наук А.В. Платонов изложил Концепцию развития лаборатории биоэкономики и устойчивого развития до 2025 года. Андрей Викторович раскрыл содержание понятия «биоэкономика», рассказал о целях, задачах деятельности лаборатории, существующем научном заделе для ее

создания, направлениях научно-практической деятельности и целевых индикаторах развития до 2025 года.

Зам. директора, зав. отделом д-р экон. наук Т.В. Ускова представила информацию об итогах состоявшейся XIX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Молодые ученые – экономике региона» и проведенного совместно с Институтом управления экономики и юриспруденции Вологодского государственного университета круглого стола «Актуальные вопросы развития финансовой сферы региона».

В обсуждении материалов доклада приняли активное участие д-р экон. наук, профессор В.А. Ильин, д-р экон. наук А.А. Шабунова.

*Материал подготовила
А.А. Чудимова*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Россия и Беларусь в начале XXI века: общество и экономика в зеркале социологии / под ред. А.А. Шабуновой и С.А. Шавеля; ФГБУН ВолНЦ РАН, ИС НАНБ, ИЭ НАНБ. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 191 с.

Монография – результат научного сотрудничества академических институтов России (ФГБУН «Вологодский научный центр РАН») и Беларуси (ГНУ «Институт социологии НАНБ» и «Институт экономики НАНБ») в проведении совместных исследований, поддержанных научными фондами обеих стран: «Мониторинг экономического положения и социального самочувствия регионов Северо-Западного федерального округа и Беларуси» (2009–2010); «Здоровье населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Беларусь как стратегический компонент трудового потенциала» (2011–2012); «Демографическая безопасность России и Беларуси: проблемы и перспективы» (2013–2014); «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития России и Беларуси» (2015–2016). Актуальность и значимость совместной публикации обусловлены современными реалиями геополитического контекста государств (экономическая производственная кооперация, цивилизационная идентичность народов, складывавшаяся на протяжении многих столетий, культурные и языковые связи).

В монографии нашли отражение вопросы демографического развития, социального самочувствия населения, ценностных ориентиров россиян и белорусов, специфика изменений в социально-трудовой сфере обеих стран, проблемы неэкономических факторов социально-экономического развития и др.

Книга предназначена для ученых, преподавателей, аспирантов и студентов экономических и социологических специальностей, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами развития стран постсоветского пространства.

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 440 с.

В сборнике представлены статьи IV международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», проходившей в г. Вологде 25 марта – 2 апреля 2019 года.

В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В публикуемых материалах затрагивается широкий спектр вопросов, связанных с реализацией человеческого потенциала в условиях актуальных вызовов на глобальном, национальном и региональном уровнях. Обсуждаются проблемы социокультурной модернизации и национальной идентичности, здоровья населения, трудового потенциала и его перспективы в меняющихся условиях рыночной экономики, социального капитала и гражданской активности, современных особенностей демографических процессов и духовно-нравственных ценностей молодых поколений, а также многие другие актуальные вопросы, от которых зависят настоящее и будущее всего постсоветского пространства.

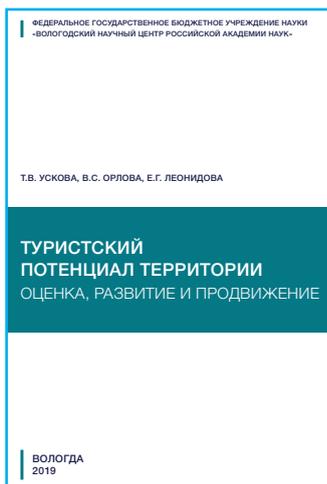
Материалы конференции будут полезны научным работникам, социологам, экономистам, преподавателям вузов, специалистам в области государственного управления, представителям общественности, СМИ и всем интересующимся вопросами социального развития России.

Аграрная наука на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы: материалы II междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда – Молочное, 28 февраля 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 320 с.

Сборник составлен по материалам II международной научно-практической конференции «Аграрная наука на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы», проходившей в городе Вологде 28 февраля 2019 года. Сборник содержит 45 статей, подготовленных научными сотрудниками и преподавателями НИИ и университетов России, Болгарии, Казахстана, Беларуси, Узбекистана. В публикуемых материалах представлены результаты исследований в области разведения, генетики, селекции, воспроизводства, технологии содержания, кормления сельскохозяйственных животных, кормопроизводства и механизации сельского хозяйства, а также касающиеся управления и экономики АПК, кадрового обеспечения аграрного сектора экономики.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей сельскохозяйственных учебных заведений, аспирантов, студентов и специалистов-практиков сельского хозяйства.

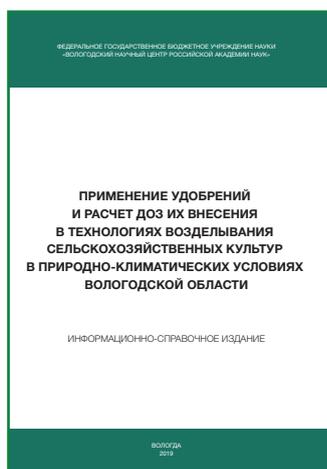

Ускова Т.В., Орлова В.С., Леонидова Е.Г. Туристский потенциал территории: оценка, развитие и продвижение: учебно-методическое пособие. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 55 с.

Учебно-методическое пособие содержит краткий курс лекций, который раскрывает сущность, содержание и структурные компоненты туристского потенциала территории, а также особенности его оценки и реализации. Представлены результаты критического анализа существующих подходов к определению уровня потенциала сферы туризма и рекреации, включая оценку отдельных видов туристской деятельности. Рассмотрены факторы внешней среды, оказывающие влияние на функционирование туристской отрасли.

Определены перспективные направления развития туризма. Даны рекомендации по продвижению и реализации потенциала сферы туризма и рекреации применительно к территории Северо-Западного федерального округа. Предложены вопросы для самоконтроля знаний и задания в разрезе тем, перечень тем исследовательских работ, глоссарий.

Пособие предназначено для использования студентами всех форм обучения по направлению подготовки 38.06.01 «Экономика» в рамках изучения курса «Экономика и управление народным хозяйством» и 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление» в рамках изучения курса «Маркетинг территорий», а также всеми, кто интересуется теоретическими и практическими аспектами формирования, развития и продвижения туристского потенциала территории.

Чухина О.В., Вахрушева В.В. Применение удобрений и расчет доз их внесения в технологиях возделывания сельскохозяйственных культур в природно-климатических условиях Вологодской области: информационно-справочное издание. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 70 с.

В данной книге приведено описание почвенных и климатических условий Северо-Западной зоны РФ, представлена роль удобрений в повышении урожайности сельскохозяйственных культур в этой зоне. Изложены вопросы, связанные с особенностями удобрения основных сельскохозяйственных культур. Приводятся характеристики минеральных удобрений, методики и примеры расчета доз их внесения.

Книга предназначена для руководителей и специалистов сельхозпредприятий, агрономов хозяйств, преподавателей и студентов сельскохозяйственных учебных заведений, аспирантов, сотрудников научных учреждений.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля:** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт:** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация:** номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи**

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» в отделении ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.akc.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.01.2020.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19,76. Тираж 500 экз. Заказ № 30
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, pdt.isert@mail.ru